

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2 (33) 2019

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (33) 2019

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2019
© Tomsk State University, 2019

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (33) 2019

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2019
© Томский государственный университет, 2019

CONTENTS

No 2 (33) 2019

Anna I. Bobrova, Anna A. Laktionova. Technological methods of making the Chulym Turks' and Southern Selkups' birchbark products in the 17 th century: archaeological and ethnographic parallels	7
Galina I. Varlamova, Maria P. Dyakonova. New data on the folklore of the Evenki of China: stories about the creation of the world	16
Egor V. Kashkin. Khanty manuscript "Sacred History" (Tobolsk, 1900): nominal morphology	22
Sergei V. Kovylin. "Conversations about the True God and True Faith in the Dialect of the Ob Ostyaks" (1900), St. Macarius: pronoun, adverb, adjective, numeral, postpositions, particles and preverbs	38
Sofia A. Oskolskaya, Natalia M. Stoynova. Some changes in the noun paradigm of Ulcha under the language shift	66
Vera I. Podlesskaya, Valentina A. Ozolina. Clause-combining in Japanese oral and written narrative discourse: a corpus-based research on syntactic complexity.....	83
Zarema N. Ekba, Yulia V. Normanskaya, Ramilya N. Karimova. Three dialects in Alexander Bessonov's "ABC book for the Bashkirs"	101
Style sheet	112

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (33) 2019

А. И. Боброва, А. А. Локтионова. Технологические приемы изготовления берестяных изделий чулымских тюрков и южных селькупов в XVII в. (археолого-этнографический анализ).....	7
Г. И. Варламова, М. П. Дьяконова. Новые данные о фольклоре эвенков Китая: сюжеты о творении мира.....	16
Е. В. Кашкин. Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): именная морфология.....	22
С. В. Ковылин. «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков» (1900) святого Макария: местоимение, наречие, прилагательное, числительное, послелог, частицы, провербы.....	38
С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова. Изменения именной парадигмы в ульчском языке в условиях языкового сдвига.....	66
В. И. Подлесская, В. А. Озолина. Полипредикация в японском устном нарративном дискурсе в сравнении с письменным: опыт корпусного исследования синтаксической сложности.....	83
З. Н. Экба, Ю. В. Норманская, Р. Н. Каримова. Три диалекта в «Букваре для башкир» А. Г. Бессонова.....	101
Требования к оформлению статей.....	112

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Технологические приемы изготовления берестяных изделий чулымских тюрков и южных селькупов в XVII в. (археолого-этнографический анализ)

Береста — доступный и относительно простой в обработке материал. Коренное население Сибири использовало ее в домостроении, погребальной практике, при изготовлении средств передвижения, но чаще всего из нее делали домашнюю утварь. В традиционной культуре южных селькупов, жителей Томской области, она представлена широко: еще в начале XX в. посуда из бересты была в каждой семье, являлась необходимым элементом в быту и оставалась маркером их этнической специфики, как и у обско-угорских народов.

Однако функциональное применение и технология изготовления берестяной утвари южных селькупов, остававшиеся неизменными на протяжении длительного времени, практически не нашли отражения в специальной литературе. В работах исследователей обычно присутствует описание видов берестяной посуды [Орлова 1928: 15—17; Пелих 1972: 36—37; Хороших, Гемуев 1980¹].

Цель работы — выявление технологических приемов и некоторых способов орнаментации берестяных изделий из погребальных комплексов XVII в.

Датировка могильников Тургайско-Балагаческого комплекса из Причулымья и их принадлежность чулымским тюркам определены А. П. Дульзоном [Дульзон 1953]. Население, оставившее могильник на Остяцкой горе у с. Молчаново на реке Оби, А. П. Дульзон соотносил с селькупам [Дульзон 1955]. Проживание предков селькупов на территории Нарымского Приобья подтверждается данными топонимики [Дульзон 1950: 175—187] и результатами современных исследований в области археологии, антропологии, этнографии [Багашев 2017: 306—323; Нарымское Приобье 2016: 79—88; Тучкова 2018].

Различия в погребальном обряде предков селькупов и чулымских тюрков XVII в. устанавливаются также по археологическим признакам [Чиндина 1975: 61—93; Нарымское Приобье 2016: 37—55].

Задача авторов — выявить возможные этнографические параллели среди археологических коллекций берестяной утвари, хранящейся в фондах Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова.

В работе проводится анализ археологических предметов, датированных XVII в., часть из которых атрибутированы как предметы, относящиеся к чулымским тюркам (4 ед. хр.), а две единицы хранения отнесены к южным селькупам. При написании работы сравнивались технологические приемы изготовления берестяных изделий из археологических находок XVII в. со схожими этнографическими предметами более позднего периода конца XIX—XX в.

Сложность сравнения техники изготовления берестяной посуды чулымских тюрков состоит в том, что при наличии четко атрибутированных археологических данных XVII в. отсутствуют более поздние этнографические конца XIX—XX вв. Авторам известны только описательные свидетельства наличия берестяной утвари у чулымских тюрков [Львова, Томилов 2006: 150—153].

При этом, что касается этнографического материала берестяной утвари конца XIX—XX вв. по южным селькупам, его значительно больше, что позволило одному из авторов статьи создать каталог берестяной утвари южных селькупов [Локтионова 2017] и предложить свой вариант классификации берестяных предметов по способу их изготовления. Наличие такой публикации значительно упростило решение поставленной в работе задачи.

В каталоге «Берестяная утварь южных селькупов» представлено 109 музейных предметов, привезенных исследователями селькупской культуры и музейными сотрудниками из разных мест проживания южных селькупов в 1912—1992 гг. [Локтионова 2017]. В нем предложена классификация предметов на основании технологических особенностей изготовления берестяной посуды. Всего выделено четыре группы изделий: I — сшитые из двух вырезанных деталей — дна и стенки (коробки открытые); II — выполненные без сшивания деталей, с цельной внутренней стенкой и внешней с «замковым» креплением, со вставным берестяным дном (туеса); III — комбинированная, представлена предметами с деревянным дном и деревянной крышкой, с внутренней сшивной или клеенной стенкой, и внешней с «замковым» креплением (коробки с крышками); IV — изделия, созданные путем складывания цельного куска бересты, скрепленной сшиванием (чуман², кузов) (рис. 1—4).

¹ Обобщающая работа по этой теме была опубликована в 1980 г., в ней приводятся данные по итогам этнографических экспедиций Института истории, филологии и философии СО АН СССР в 1970—1971 гг.

² Чуман — диалектное название для предметов данного типа [Аникин 2000: 674].

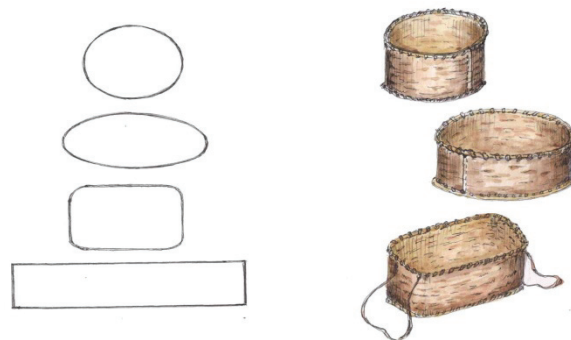

Рис. 1. Группа I. Изделия, сшитые из двух вырезанных деталей — дна и стенки (коробки открытые)

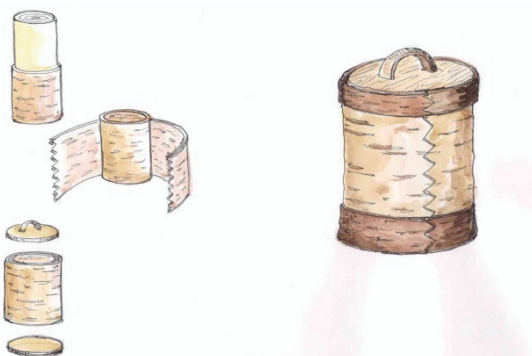

Рис. 2. Группа II. Изделия, выполненные без сшивания деталей, с цельной внутренней стенкой и внешней с «замковым» креплением, со вставным берестяным дном (туеса)

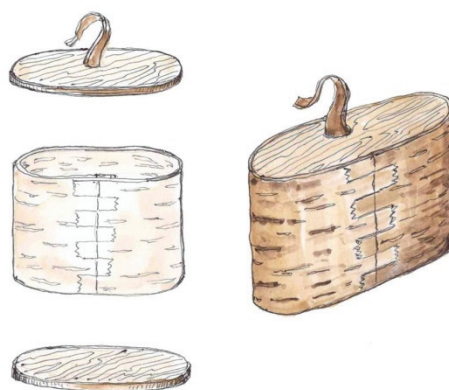

Рис. 3. Группа III. Изделия с деревянным дном овальной формы и двухслойными стенками (коробки с крышками)

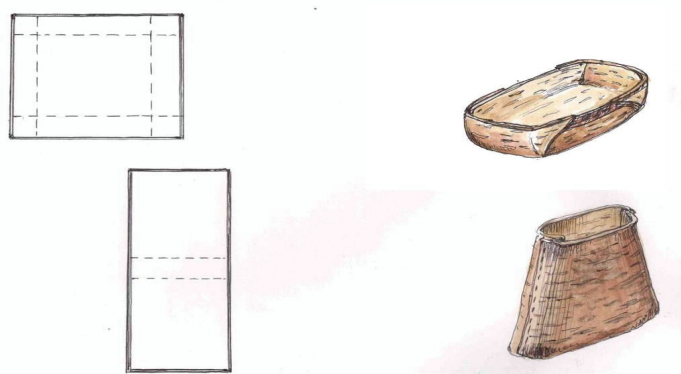

Рис. 4. Группа IV. Изделия, созданные путем складывания цельного куска бересты (чуман, кузов)

В работе уделяется внимание сравнению предметов I группы, т. к. они представлены в археологических данных.

Среди предметов, отнесенных к южным селькупам и к данной технологической группе каталога, наблюдаются определенные отличия в технологических приемах, использованных при их изготовлении. Анализ некоторых приемов изготовления был предварительно проведен авторами [Локтионова, Боброва 2018: 387—389].

Так, берестяные изделия южных селькупов с Оби и Тыма, отнесенные к I группе согласно предложенной классификации, отличает техника соединения дна со стенками, хотя само дно у всех коробок отрезное. Место соединения стенок с дном укрепляется наружным накладным ободком из сарги (полоска коры черемухового прута) и насквозь прошивается нитками [Локтионова 2017: 24—35]. Дно предметов, полученных от селькупов с реки Кети, выступая за стенки на 0,5—1 см, образует рант. На него накладывается узкая полоска бересты, после чего место соединения стенок с дном прошивается нитками [там же: 36—59].

Верхний край предмета объ-тымской посуды обычно укреплен с внешней и внутренней сторон саргой и обшит саргой же через край [там же: 36—59]. Также отмечено подкладывание с внутренней стороны под саргу полосок бересты [там же: 64—65, 76—81, 94—95]. Предметы с Кети тоже имеют подобные накладные ободки с обеих сторон, но полоска под саргу подкладывается с внешней стороны, причем на изделиях верхняя и нижняя полоски часто имеют профилировку или вырезанный треугольниками свободный край. В ряде случаев фиксируется подкладывание под такую полоску зачерненной или, как ее еще называют, «дымленной» бересты [там же: 142—155].

Аналоги для первой группы на археологических источниках определить трудно, так как исследователей прежде всего интересовал факт наличия берестяного сосуда в погребении. Однако в дневниковых записях и публикациях А. П. Дульзона, помимо этого, почти всегда отмечаются параметры и орнаментации сосуда, что облегчает возможности археолого-этнографического сопоставления. При описании погребений из Причулымья и с Оби А. П. Дульзон всегда отмечает размеры и орнаментацию таких сосудов и фиксирует отдельные их детали — полоски с орнаментом, а также приводит примеры орнаментирования [Дульзон 1953, 1955].

Рассмотрим отдельные, из наиболее сохранившихся в коллекционных материалах, экземпляры музейного собрания ТОКМ из раскопок А. П. Дульзона. Берестяной сосуд из Тургайского I могильника (курган 11, погребение 1; ТОКМ 2276/100) имел цилиндрическую форму и резной орнамент. Высота стенок около 15 см, диаметр дна около 22 см. По верхнему краю пришта полосу из бересты (ее ширина 2,3 см) с вырезанными снизу зубчиками, с ромбами сверху и «с ромбическими вырезами в середине» [Дульзон 1953: 221, 312, табл. 8, 5] (рис. 5).

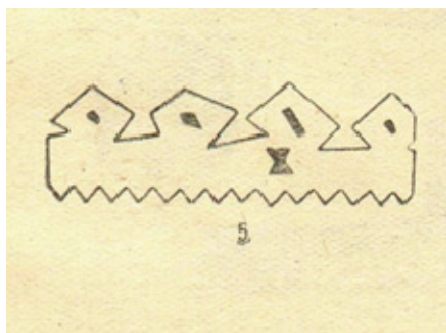

Рис. 5. ТОКМ 2276/100. Фрагмент берестяного сосуда из погребения чулымских тюрков. Могильник Тургайский I. Курган 11, погребение 1. Из публикации А. П. Дульзона [Дульзон 1953: 265]

Укрепление верхнего края декоративной орнаментированной полоской встречается на берестяной посуде южных селькупов, но среди этнографических предметов абсолютных аналогов этой археологической находке нам не известно. Дно сосуда изготовлено из двух слоев бересты, что характерно для предметов технологической группы I южных селькупов (рис. 1).

Более информативны предметы из погребальных комплексов Балагачевского могильника. Цилиндрический берестяной сосуд из кургана 9, погребение 3, имел высоту около 25 см и диаметр 24,5 см [Дульзон 1953: 240]. Несмотря на то, что в современном состоянии (ТОКМ 2250/332) изделие сильно смято, восстановить технологические особенности его изготовления возможно. Стенки сосуда состоят из двух деталей, имеют два боковых шва, что в целом не характерно для этнографии южных селькупов.

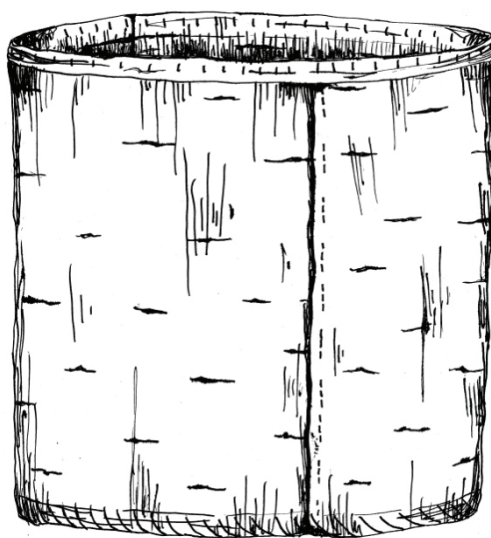
Стенки сосуда накладывались на дно с напуском (шириной до 1 см), после чего дно со стенками сшивалось насквозь. Такие приемы при изготовлении берестяной утвари на предметах южных селькупов не отмечены (рис. 6 а, б, в).

а — вид сосуда в современном состоянии

б — прием соединения стенок с дном

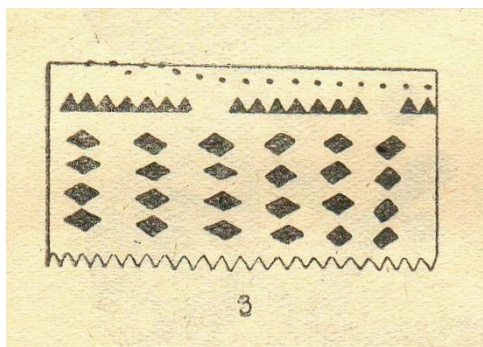
в — реконструкция изделия.

Рисунок В. Харламовой

Рис. 6. ТОКМ 2250/332. Берестяной сосуд. Балагачевский могильник. Курган 9, погребение 3. Раскопки А. П. Дульзона, 1946

Берестяной сосуд из того же могильника (курган 13, погребение 1) сохранился крайне фрагментарно. Его форма и детали не восстанавливаются полно, но декор реконструируется благодаря рисунку самого А. П. Дульзона. По верхнему краю емкости была приклеена ажурная полоска бересты с геометрическим орнаментом в виде треугольников и ромбов (ТОКМ 2250/181) [Дульзон 1953: 245, 312, табл. 8, 3] (рис. 7 а, б).

Укрепление верхнего края ажурной полоской известно на посуде южных селькупов, хотя такие полоски уже и не столь богато орнаментированы. Орнаментация стенок по всей высоте прорезным рисунком с подкладным фоном характерна для селькупов реки Кети (см. рис. 8). Правда, абсолютно аналогичного геометрического орнамента, такого, как на фрагменте из кургана 13, у них не зафиксировано. Наличие по нижнему краю полосок с треугольными вырезами — элемент, часто используемый при изготовлении берестяных предметов селькупам реки Кети, но совершенно неизвестный у селькупов Оби и Тыма.

а — из публикации А. П. Дульзона, 1953

б — ТОКМ 2250/181

Рис. 7. ТОКМ 2250/181. Фрагмент орнаментированной полосы. Балагачевский могильник. Курган 13, погребение 1. Раскопки А. П. Дульзона, 1946

Рис. 8. КККМ 1591/23. Красноярский краевой краеведческий музей. Коробка. Река Кеть, сборы А. А. Савельева, 1920

Еще два берестяных сосуда обнаружены в Балагачевском могильнике, в том же кургане 13, но в погребении 3, в котором были похоронены два человека — ребенок [Дульзон 1953: 252, табл. 8, 2] и подросток [Дульзон 1953: 257]; вероятно, оба сосуда были сделаны из двух деталей и имели два соединительных шва. В ТОКМ неплохо сохранился один из них (ТОКМ 2250/335), тот, что был установлен в области ног подростка в бронзовом котле. Сосуд имел высоту стенок около 14 см и диаметр 22 см. О нем А. П. Дульзон прямо пишет, что «боковые стенки... были сшиты из двух кусков ниткой растительного происхождения; вокруг верхнего и нижнего края имеется резной орнамент на особых полосках бересты, под швами положены берестяные прокладки», как считает исследователь, «чтобы сделать его непроницаемым для жидкости», что вполне вероятно. Стенки и дно емкости соединены берестяной полоской и прошиты насквозь; берестяная полоска украшена прорезным орнаментом, имеет зачерненный подкладной фон из бересты [Дульзон 1953: 257] (рис. 9 а, б, рис. 10 а, б).

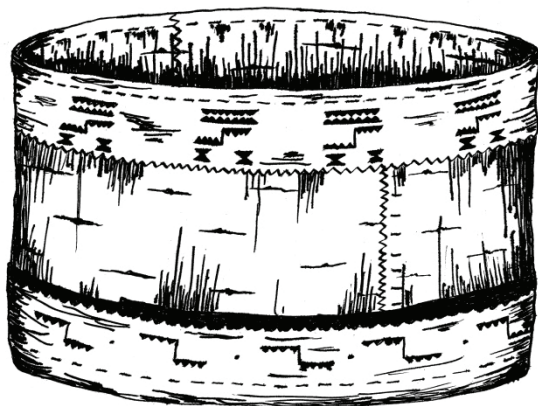

а — вид сосуда в современном состоянии

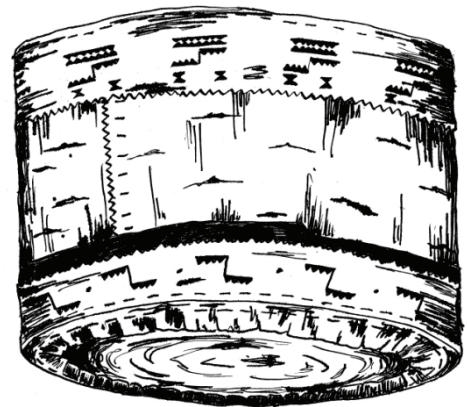

б — прием соединения стенок с дном

Рис. 9. ТОКМ 2250/335. Берестяной сосуд. Балагачевский могильник. Курган 13, погребение 3. Раскопки А. П. Дульзона, 1946

а — изделие

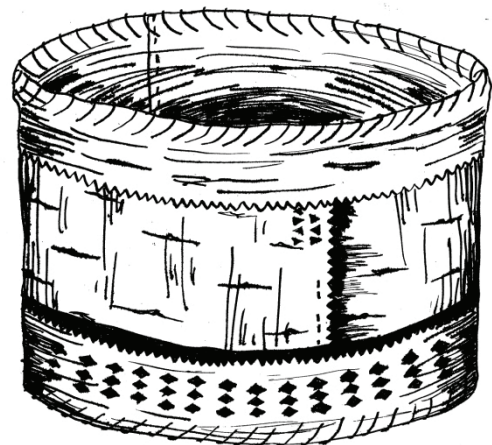
б — вид соединения дна и стенок

Рис. 10. ТОКМ 2250/335. Реконструкция сосуда. Рисунок В. Харламовой

Похожие элементы присутствуют и на сосуде селькупского могильника на Остяцкой Горе, найденном в женском погребении (курган 12, погребение 5; ТОКМ 1499/218) [Дульзон 1955: 109]. Его стенки тоже сделаны из двух кусков бересты, низ укреплен накладной полоской с ажурной прорезью ромбов с использованием подкладной зачерненной бересты. Верхний край укреплен дополнительной полоской бересты. Однако определить, каким образом крепилась накладная полоска, с внутренней или внешней стороны, или же стенки сосуда загибались во внутреннюю сторону, после чего в месте загиба подкладывалась полоска бересты, в настоящий момент не представляется возможным (рис. 11 а, б). При этом традиционным технологическим приемом при изготовлении берестяной утвари I группы селькупами Кети считается посуда, сшитая из одного цельного куска бересты (см. рис. 6).

а — вид сосуда в современном состоянии

б — реконструкция сосуда. Рисунок В. Харламовой

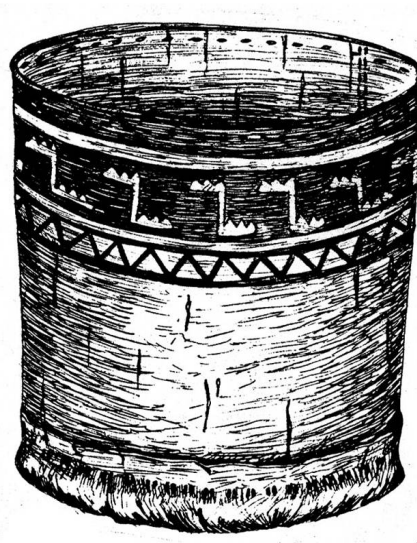
Рис. 11. ТОКМ 1499/218. Берестяной сосуд. Могильник на Остяцкой горе. Курган 12, погребение 5. Раскопки А. П. Дульзона, 1954

Укрепление нижнего края с декорированием зачерненной берестой часто встречается у этнографических предметов селькупов Кети, но идентичный орнамент не зафиксирован. Ажурная полоска с ромбическим орнаментом отмечена и в Балагачевском могильнике (ТОКМ 2250/181), что, возможно, отражает смешение чулымско-селькупских (с р. Кети) технологических приемов при изготовлении берестяной утвари.

Абсолютные аналоги в способе изготовления с южноселькупской берестяной утварью прослежены на единственном археологическом предмете — коробке из кургана 3 Карбинского II могильника XVII в. с реки Кети (ТОКМ 13057/36) [Боброва 2012: рис. 11, 3]. По технике изготовления она абсолютно идентична предметам берестяной утвари южных селькупов, хранящимся в музейном фонде. Автор раскопок считает этот погребальный памятник селькупским [Боброва 2012: 79] (рис. 12 а, б).

а — фрагменты берестяного изделия

б — реконструкция сосуда, выполненная А. Бобровой

Рис. 12. ТОКМ 13057/36. Карбинский могильник II. Курган 3

В связи с различной этнической принадлежностью раскопанных могильников XVII в. возникает необходимость объяснения некоторых общих моментов в технике изготовления берестяных предметов южных селькупов и чулымских тюрков. **Не исключено**, что основные технологические приемы имели широкое распространение и считались **общепринятыми** на всей территории Нарымского Приобья и Причулымья. Это такие приемы, как сшивание предмета из основных деталей — дна и стенки (стенок), соединение дна и стенки дополнительно берестяной накладной полоской, использование при укреплении верхнего и нижнего края сосуда полосок бересты с прорезным орнаментом, подкладывание зачерненной бересты.

Таким образом, на основании выявленных особенностей появилась возможность не только провести классификацию берестяной утвари южных селькупов, но и, проанализировав технику изготовления, определить территориальное распространение отдельных приемов.

К сожалению, как было указано выше, сравнительный анализ на этнографическом уровне берестяных изделий I группы, принадлежащих южным селькупам и чулымским тюркам, не представляется возможным из-за отсутствия этнографических предметов именно XVII в. у последних, в том числе в коллекционных материалах А. П. Дульзона.

Следует особо отметить, что предметы в описанной выше технике изготовления, отнесенные к первой группе берестяных предметов южных селькупов, пока не зафиксированы этнографами и у потомков чулымских тюрков — чулымских татар, берестяная утварь которых ограничивалась преимущественно изготовлением предметов второй технологической группы по классификации каталога «Берестяная утварь южных селькупов» [Локтионова 2017]. Их делали без сшивания деталей, и они представляли собой изделия с цельной внутренней стенкой и внешней — с «замковым» креплением и вставным дном (туеса).

Тем не менее, на основании имеющихся археологических источников XVII в. выявлены элементы совпадений в технике изготовления берестяных сосудов чулымских тюрков и южных селькупов из погребальных комплексов на территории Нарымского Приобья и Причулымья, а именно укрепление верхнего края, его ажурность, прорезание орнамента, зачернение бересты.

Обнаружение сосуда, сшитого из двух деталей — дна и стенки, — в археологическом памятнике, оставленном чулымскими тюрками, косвенно может свидетельствовать о заимствовании таких приемов (или же самого предмета) у соседей — южных селькупов.

Предварительно можно отметить, что находки с Остяцкой горы демонстрируют смешение технологических приемов, отмеченных как в этнографических коллекциях южных селькупов, так и в археологических материалах XVII в. чулымских тюрков.

Сокращения

ед. хр. — единица хранения

КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей

ТОКМ — Томский областной краеведческий музей

Л и т е р а т у р а

Аникин 2000 — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских, палеоазиатских языков. Москва — Новосибирск, 2000. {*Anikin A. E.* Etymological Dictionary of the Russian Dialects of Siberia. Loan words from Uralic, Altaic, Paleo-Asiatic Languages. Moscow – Novosibirsk, 2000.}

Багашев 2017 — *Багашев А. Н.* Антропология западной Сибири. Новосибирск, 2017. {*Bagashev A. N.* Anthropology of the Western Siberia. Novosibirsk, 2017.}

Боброва 2012 — *Боброва А. И.* Карбинский курганный могильник II — археологический памятник позднесредневековой истории Прикетья // Труды ТОКМ. Т. 17. Томск, 2012. С. 56—93. {*Bobrova A. I.* Karbin Burial Mound II – An Archaeological Monument of Late Medieval Ket Region // Works of TDRM. Vol. 17. Tomsk, 2012. P. 56—93.}

Дульзон 1950 — *Дульзон А. П.* Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. зап. ТГПИ. Т. 6. Томск, 1950. С. 175—187. {*Dulson A. P.* Ancient Peoples Movements on the Territory of the Tomsk Oblast' Based on Toponymy Data // TSPI Proceedings. Vol. 6. Tomsk, 1950. P. 175—187.}

Дульзон 1953 — *Дульзон А. П.* Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Уч. зап. ТГПИ. Т. 10. Томск, 1953. С. 127—334. {*Dulson A. P.* Late Archaeological Monuments of Chulym and the Problem of Chulym Tatars' Origin // TSPI Proceedings. Vol. 10. Tomsk, 1953. P. 126—334.}

Дульзон 1955 — *Дульзон А. П.* Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчаново на р. Оби // Уч. зап. ТГПИ. Т. 13. Томск, 1955. С. 97—154. {*Dulson A. P.* Ostyak Burials of 16th and 17th centuries near Molchanovo on Ob' // TSPI Proceedings. Vol. 13. Tomsk, 1955. P. 97—154.}

Локтионова 2017 — *Локтионова А. А.* Каталог берестяной утвари южных селькупов. Томск, 2017. {*Loktionova A. A.* Catalogue of Birchbark Appliances of Southern Selkups. Tomsk, 2017.}

Локтионова, Боброва 2018 — *Локтионова А. А., Боброва А. И.* Технологические приемы изготовления и ornamentации берестяных изделий южных (нарымских) селькупов: этно-археологические параллели // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень, 2018. С. 387—389. {*Loktionova A. A., Bobrova A. I.* Technological Methods of Making and Figuration of the Southern (Narym) Selkups' Birchbark Products: Ethno-Archaeological Parallels // The Human and The North: Anthropology, Archaeology, Ecology. Tyumen, 2018. P. 387—389.}

Львова, Томилов 2006 — *Львова Э. Л., Томилов Н. А.* Чулымцы // Тюркские народы. М., 2006. С. 125—170. {*Lvova E. L., Tomilov N. A.* Chulyms // Turkic Peoples. M., 2006. P. 125—170.}

Нарымское Приобье 2016 — *Боброва А. И., Рыкун М. П., Тучков А. Г., Чернова И. В.* Нарымское Приобье во II тысячелетии н. э. (X—XX вв.). Томск, 2016. {*Bobrova A. I., Rykun M. P., Tuchkov A. G., Chernova I. V.* Narym Ob' Region in the 2nd Millennium A. D. (from 10th to 20th centuries). Tomsk, 2016.}

Орлова 1928 — *Орлова Е. Н.* Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт (Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна). Т. 1. Вып. 4. Красноярск, 1928. {*Orlova E. N.* Population of Ket and Tym Rivers, its Composition, Economy and Lifestyle (Works of the Scientific/Hunting Expedition on Ob and its Basin). Vol. 1. Issue 4. Krasnoyarsk, 1928.}

Пелих 1972 — *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972. {*Pelikh G. I.* Origins of Selkups. Tomsk, 1972.}

Тучкова 2018 — *Тучкова Н. А.* Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Томск, 2018. {*Tuchkova N. A.* Ethnic History and Folklore of Selkups: The Problem of Data Correlation. Author's Abstract of the Doctor of History Thesis. Tomsk, 2018.}

Хороших, Гемуев 1980 — *Хороших П. П., Гемуев И. Н.* Берестяные изделия селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 171—185. {*Khoroshikh P. P., Gemuev I. N.* Birchbark Products of Selkups // Ethnography of the Northern Asia. Novosibirsk, 1980. P. 171—185.}

Чиндина 1975 — *Чиндина Л. А.* О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск, 1975. С. 61—93. {*Chindinga L. A.* On the Burying Ritual of the Late Burials of the Narym Ob Region // From the Siberian History. Vol. 16. Tomsk, 1975. P. 61—93.}

РЕЗЮМЕ

В работе проводится сопоставление способов изготовления берестяных изделий из погребальных комплексов Томской области, из археологического собрания Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова и этнографической утвари, хранящейся в музейных коллекциях, собранных в местах проживания южных селькупов в 1912—1992 гг. Авторами предложено описание археологической берестяной посуды, выявлены общие и специфические приемы ее изготовления, сделаны предварительные выводы о возможных чулымско-селькупских заимствованиях отдельных приемов, распространенных на территории Нарымского Приобья и Причулымья.

SUMMARY

The paper compares the methods of manufacturing birchbark products from the burial complexes of the Tomsk region, from the archaeological collection of the M. B. Shatilov Tomsk Regional Museum of local history and from the ethnographic museum collections of birchbark appliances collected in the areas of residence of the southern Selkup in 1912—1992. The authors proposed the way of describing archeological birchbark kitchenware and established general and specific methods of its production. In addition, the authors made preliminary conclusions about possible Chulyum-Selkup borrowings of some production techniques distributed in the territory of the Narym Ob and Chulyum regions.

Ключевые слова: береста, археологические и этнографические источники, Причлымье, Нарымское Приобье, позднее средневековье, техника изготовления, берестяная утварь, чулымские тюрки, южные селькупы

Keywords: birch bark, archeological and ethnographic sources, Chulyum region, Narym Ob region, late Middle Ages, manufacturing techniques, birchbark appliances, Chulyum Turks, southern Selkups

Боброва Анна Ивановна, Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова; a_bobrova@bk.ru

Anna I. Bobrova, Tomsk Regional Museum of local history and ethnographic utensils; a_bobrova@bk.ru

Локтионова Анна Анатольевна, Томский государственный педагогический университет; lokanna2016@yandex.ru

Anna A. Loktionova, Tomsk State Pedagogical University; lokanna2016@yandex.ru

Новые данные о фольклоре эвенков Китая: сюжеты о творении мира

Анализируемые сюжеты о творении мира эвенков Китайской Народной Республики были записаны авторами статьи во время гостевой поездки в июне 2017 г. от представителя *яко-эвенков*, одной из трех групп эвенков КНР. Две другие именуются *солон-эвенки* и *тунгус-эвенки*. Официально эвенки КНР входят в число 56 национальностей, проживающих на территории Китая. Общая численность эвенков в КНР составляет около 30 000 человек. Признанные «национальным меньшинством» среди населения Китая, эвенки КНР сохраняют свою идентичность и традиционную культуру, общую с российскими эвенками. Одними из первых работ о тунгусах северо-востока Китая являются ставшие классическими труды этнолога-эмигранта С. М. Широкогорова [Широкогородов 2017]. В советский период отечественной этнографии об эвенках Китая известны публикации А. М. Кайгородова [Кайгородов 1968]. Краткий обзор современного этногенеза и расселения китайских эвенков дается в статье Е. Ф. Афанасьевой [Афанасьева 2009].

Эвенки-оленеводы Китая, у которых авторам статьи удалось побывать, живут в административном национальном округе Хулунбуирского аймака Внутренней Монголии поблизости от г. Ген-Хе, в деревне Алогуя. Многие из них имеют русскую фамилию Кудрины, которая весьма распространена у российских эвенков Иркутской области и Забайкальского края и реже встречается у эвенков Амурской области. Отдельные представители старшего поколения эвенков КНР (60—70 лет и более) могут говорить по-русски — к примеру, знаток эвенкийского фольклора, прекрасная исполнительница эвенкийских народных песен и мифологических повествований Маня Кудрина. Предки сказительницы и других эвенков, носящих фамилию Кудрины и русские имена Маня, Мила, Нюра, Сережа, Арайка (Раиса в эвенкийской огласовке), когда-то, вероятно, проживали на территории России, о чем их потомки рассказывать не любят.

Современная эвенкийская речь группы *яко-эвенков* КНР наиболее близка к речи эвенков Иркутской, Амурской областей, юга Якутии и Забайкалья и по всем языковым характеристикам соответствует восточному наречию эвенкийского языка [Мыреева 2004]. Общение на эвенкийском языке с представителями данной группы не вызывало затруднений. В их эвенкийской речи имеется немало русских заимствований, к примеру, в одном лишь записанном мифе встречаются следующие русские заимствования: *морал* ‘моря’; *вес* ‘все, всё’; *дяблокичил* ‘с яблоками’; *сакэй* ‘всякие’, т. е. ‘разнообразные’; *семеначил* ‘с семенами’, в рассказанном мифе слово *семена* имеет значение ‘плоды’. Также им знакомы русские слова *крупа* (*курупа*), *сахар*, *контора*, *обед*, *ужин*, *казна* (имеется в виду *государственная казна*: *кашинадук мэун эмэвки* ‘от государства деньги выделяются’; буквально — «из казны государственной деньги приходят»).

Эвенкийский язык в КНР не преподается и не изучается в школах и вузах, средой сохранения родного языка является семья и сообщество. В автономном эвенкийском хошуне административные должности занимают этнические эвенки, и это, по нашему мнению, также способствует сохранению родного языка. У эвенков КНР существует своя, довольно многочисленная, интеллигенция, работающая в городах Китая (Хэйхэ, Хайлар, Нантунь, Пекин) в таких сферах, как наука, искусство, медицина, музейное дело и т. д. Все владеют китайским языком, кроме того, являются носителями и монгольского языка. Молодое поколение эвенков, с которыми мы общались, владеет английским и родным языками.

Наша поездка к эвенкам Хулунбуирского аймака Эвенкийского автономного округа КНР была краткой, и по этой причине не удалось записать значительный фольклорный материал. Нами было записано три текста мифов на эвенкийском языке. Кратко изложим их содержание.

1. В давние времена ничего и никого не существовало, кроме создателя Пуркана (Буркана). Устав от одиночества, он создает из пустоты коршуна-сигачана и отправляет его на поиски земли. Коршун возвращается с небольшим кусочком глины-песка в клюве, который Пуркан расплющивает так, что тот растягивается и становится величиной с кумалан-коврик. Постепенно увеличиваясь, становится обширной землей. Но земля пустынна. Тогда Пуркан делает так, что на ней начинают расти деревья, возникают реки, моря, в водах рек и морей появляется рыба, в лесах — дикие звери и птицы [ПИМА 2017].

2. Сотворенная Пурканом земля вначале пустынна, затем он создает разных зверей, птиц. Медведя он не только создает огромным и сильным, но и дает ему руки-лапы, подобные человеческим. Тот начинает вырывать деревья с корнями и швырять их, разрушая землю. Пуркан, увидев это, переделывает

медведя: уменьшает его, ломает ему руки-лапы, делая их такими, каковы они сейчас — без большого пальца. Медведь плачет от боли до тех пор, пока его глаза не уменьшаются. С тех пор медведь хоть и большой зверь, а глазки у него маленькие [ПИМА 2017].

3. Пуркан сотворил разных диких зверей. Собаку сделал, но была она без шерсти, голая, как люди. Летом, когда она бегала по тайге, ее нещадно кусали кровососущие насекомые (комары, мошкара, паузы), у нее чесалось все тело, и она кричала и выла от боли. Зимой же она сильно мерзла, отчего тоже все время громко выла. Ее соседи, дикие звери, устали от этого воя и визга. Все живущие на земле звери стали просить Пуркана убрать от них шумную собаку. Пуркан, поймав собаку, уменьшил ее, и, исправив свою ошибку, дал ей одежду — шерсть. Кроме того, он посоветовал собаке жить с человеком, который будет ее кормить. Но не все собаки, обретши шерсть, пожелали жить с человеком, и такие собаки стали волками [ПИМА 2017].

В упомянутых мифах эвенков КНР группы *яко-эвенков* является божество-творец *Бурхан*. Согласно фонетическим законам эвенкийского языка, звонкий звук «б» в начальной позиции оглушается, и в эвенкийской огласовке данное слово произносится как *Пуркан*. Некоторая часть эвенков Забайкальского края, Иркутской и Амурской областей в значении «бог-творец» также использует слово *Буркан*, в большинстве случаев творцом мира у эвенков России является *Сэвэки* [Мыреева 2004: 111]. Эвенки КНР, от которых были записаны тексты, называли бога-творца так же, как и российские, — *Сэвэки*. На вопрос, как они именуют бога-творца, создателя земли и всего живого на ней, нам ответили: *Сэвэки-кэт гунывкил, Пуркан-кат гунывкил* — ‘и *Сэвэки* именуют, и *Пуркан* называют’ [ПИМА 2017].

Бурхан/Буркан — тюрко-монгольская модификация слова *будда*. В монгольской мифологии, преимущественно у бурят, *Бурханом* может быть названо любое божество, даже просто злой дух: *Араха-Бурхан (Раху), Саган-Бурхан* — дух оспы. В значении ‘божество вообще’ и как мифологический персонаж *Бурхан* фигурирует в фольклоре шорцев, хакасов, тувинцев, киргизов, уйгуров, может обозначать изображение бога, идола [Мифология 1998: 104]. В лексике других тунгусо-маньчжурских народов также имеется слово *буркан*, к примеру, *буркан* — дух-помощник шаманов во время камлания у нанайцев [Широкогоров 1919: 65—70]. Вхождение имени *Пуркан (Буркан)* в мифологический цикл творения эвенков КНР, возможно, связано с монгольским влиянием.

Записанные мифы о творении земли не совпадают по содержанию с мифами творения в фольклоре российских эвенков, ибо традиционно у эвенков землю добывает гагара, ныряя на дно моря-океана. Водоплавающая птица, ныряющая за землей, характерна для мифов и других народов Севера (манси, нганасаны и др.). Водоплавающая птица в мифах о творении мира у народов Севера не всегда является ныряльщиком за землей. К примеру, у нивхов землю создает чирок, выщипывая из своей грудки пух для гнезда, чтоб вывести птенцов. Множество чирковых гнезд, соединившись, создают остров, который «стал большой землей» [АФНССДВ 1989: 295].

Следует отметить, что в фольклоре народов, в частности эвенков, могут встречаться мифы о творении мира с мотивом, где хищная птица облетает мир и приносит землю неведомо откуда [Чадаева 1990: 239]. Наряду с этим у них распространена и другая версия творения мира, в основе которой лежит мотив ныряльщика за землей [ФЭБ 2005: 206—210]. Подобный мотив есть и в мансийском фольклоре, где за землей ныряет гагара и присутствует Ворон, облетающий всю землю. Мотив облета земли Белым Вороном с целью несколько раз обернуться вокруг земли для того, чтобы узнать, насколько земля увеличилась [АФНССДВ 1989: 96].

Не акцентируя внимание на именах творцов согласно записанному материалу, отметим самые общие различия в мифологических повествованиях о творении мира у эвенков России и Китая:

— для мифов российских эвенков характерен дуализм творения мира, мир творят два брата: *Сэвэки* и *Харги* [Дьяконова 2016а: 227]; в мифах эвенков КНР дуализм творения отсутствует — *Пуркан* творит мир единолично;

— в верхнем пространстве *угу (угу Буга)* обитают братья *Сэвэки* и *Харги, Пуркан* — изначально одинок;

— образы *Сэвэки* и *Харги* выступают антиподами, *Сэвэки* творит все нужное для людей, *Харги* не всегда творит полезное для человека, больше вредное [Варламова 2013; Дьяконова 2016а: 227—232];

— до творения братьев мир двучленен: имеется верхнее пространство *угу* и нижнее — *му* (вода); в более поздней интерпретации — *угу Буга* (небо) и *лам Булдяр* (океан) [Дьяконова 2016б: 10]. В мифах эвенков КНР изначально нет ничего и никого, кроме *Пуркана*;

— до акта творения земли уже существуют два мира и некоторые водоплавающие: малая гагарка, голголь [Дьяконова 2017: 1—4]; в мифах эвенков КНР нет никого и ничего, кроме *Пуркана*;

— первым творением *Сэвэки* является земля, а первым и главным помощником — малая гагарка-*укэн* (ныне исчезнувший вид), нырнувшая и принесящая в клюве со дна моря-океана землю — глину-песок *тукала* [Дьяконова 2017: 2]; первым творением *Пуркана* является хищная птица коршун-*сигачан*;

— в мифах российских эвенков одним из главных персонажей является собака, сторож-хранитель сотворенных людей, нарушившая наказ *Сэвэки*, вследствие чего задуманный творцом миропорядок меняется (человек становится смертным); в мифах эвенков КНР собаке не присущи вышеупомянутые функции, ее роль в мифах творения иная.

Характерным началом мифов творения мира у российских эвенков является краткий зачин, где обрисована изначальная ситуация до актов творения: а) имеется небо, под ним сплошная вода, где обитают отдельные водоплавающие птицы; б) живут два брата, *Сэвэки* и его антипод *Харги*; в) причины, побудившие *Сэвэки* к актам творения, не указываются. Сообщается лишь, что *Сэвэки* решает сделать землю, по его просьбе малая гагарка достает кусочек земли из-под воды, и из него *Сэвэки* создает землю и все прочее (в том числе и человека) [Варламова-Кэптукэ 1991: 9; МЭТФ 1936; ФЭЯ 1971].

По мифам эвенков-оленевонов Китая (яко-эвенков), до творения земли существует лишь сам *Пуркан* в пространстве космоса и больше никого и ничего: *Тэли Пуркан бичэ. Тэли дуннэ-кэт, Буга-кат ачин, екун-кат ачин*. 'Тогда Пуркан был. Тогда ни земли, ни неба [Буга] не было, ничего не было' [ПМА 2017]. Как видим, здесь исходная ситуация отличается от исходной ситуации, рисуемой мифами российских эвенков. По материалам фольклора других народов Севера, подобная изначальная ситуация характерна для мифов хантов: «Не было ни земли, ни воды, был только один Нум-Торум» [МПСХМ 1990: 60]; «Когда не было ни земли, ни воды, высоко, на седьмом небе, жил Нум с братьями. Жили они одни, пасли оленей, ловили птиц и зверей. Отец Нума был слишком стар и не мог больше управлять небесными светилами» [МПСХМ 1990: 158].

Главным мотивом, побуждающим *Пуркана* творить наш мир, является его изначальное состояние — «абсолютная пустота», наводящая на творца тоску, скуку и чувство одиночества: *Пуркан ичэчихэ, эхилэ: «Энэе, екун-кат ачин эду. Екун-кат эвки ичэврэ. Дэмэрике-вэл, энэе-вэнюн, — гундехэ, Пуркан эхилэ элэкэмэ чивкачаканма оча җалатви»* — 'Пуркан, посмотрев вокруг себя, восклицает: «Какая скукота, ничего-то здесь нет. Ничего не виднеется даже. И надоедливо это, и одиноко-то [видеть всю эту пустоту], — говоря так, Пуркан лепит руками из пустоты первую на свете птицу — сигачана (коршуна)' [ПМА 2017].

По мифологической версии эвенков-оленевонов Китая, первым творением *Пуркана* является коршун-*сигачан*, который, по велению творца, находит и приносит кусочек будущей земли (песок-глину *тукала*): *Сигачанмэ эхилэ дэгиливкэнчэ: «Сигачан, тукалая гэлэктэнэкэл», — гунчэ, тынчэ. Тынчэ. Дэгиливкэнчэ. Сигачан тыкин, тыкин җэнэчэ. Таке горово бичэ — эмэчэ. Пуркандула эмэчэ элэ. Амҗакандукки тукалаланма тыкэ нэчэ.* — 'Повелел Сигачану лететь. «Сигачан, песка-глины поищика», — сказал, из рук выпустил. Выпустил. Повелел лететь. Сигачан прочь, прочь [от Пуркана] улетел куда-то. Так очень долго его не было — потом вернулся. К Пуркану прилетел вот. Из клюва своего небольшой кусочек глины-песка вот так положил в руки творца' [ПМА 2017].

Интересна для сравнения изначальная ситуация, описываемая в мифах творения эвенков охотской группы. По их версии, в самом начале существовала лишь земная твердь из сплошных камней и скал, где обитала первая в мире птица — орел. Создатель (имя собственное создателя на эвенском языке не указано) велит орлу принести песка; тот летит и приносит землю в перьях над своим копчиком. Создатель рассыпает песок, образуются холмы, на них вырастает лес [Чадаева 1990: 123]. Таким образом, имеется определенное сходство эвенковского мифа с мифом эвенков КНР — хищная птица (орел у эвенков, коршун у эвенков) как помощник творца. Однако ни в одном опубликованном мифе эвенков России коршун не является персонажем, принимающим участие в сотворении земли. Если хищная птица (орел и коршун) выступает как главный помощник творца в создании земли и у эвенков, и у эвенков КНР, то напрашивается вывод, что образ хищной птицы в указанной роли был характерен для древних тунгусов еще до разделения их на два тунгусских этноса — эвенков и эвенков.

Для российских эвенков коршун-*сигачан* важен в обрядовом фольклоре, ибо он считается священной птицей, ранее ему посвящался ритуальный танец, сопровождаемый обрядовой песней. Существует игра в коршуна (также сопровождаемая обрядовым пением), где *сигачан* выступает в роли матери, защищающей своих птенцов: мать-*сигачан* становится первой, за ней вереницей (держа друг друга за талию обеими руками) становятся дети-птенцы, а нападающий враг может ловить-выхватывать только последнего из них [ПМА 1987].

Обрядовые песни, обращенные к *сигачану*, были записаны нами в 1980-х гг. от эвенков различных локальных групп. К сожалению, ни одна из них не вошла в том «Обрядовая поэзия и песни эвенков» [ОППЭ 2014]. Коршун, по мировоззрению эвенков-охотников, — это своеобразный «коллега» в промысле: он кружит в небе и видит, в каком месте пасутся копытные, его парение над определенным местом указывает охотнику на будущую добычу, ибо после удачной охоты и *сигачан* будет сыт. Многие охотники-эвенки говорят о том, что у них бывает конкретный друг-помощник коршун. У эвенков существуют приметы, связанные с коршуном: если он начинает кружить над стойбищем и пронзительно кри-

чать, значит, он предупреждает о беде (может вдруг появиться в местах кочевания стая волков, к примеру, и следует лучше охранять оленей). Коршун может вдруг камнем падать с неба перед человеком (как бы перекрывая ему дорогу), и это означает, что не следует кочевать либо идти на охоту в этом направлении [ПМА 1987].

Коршун-*сигачан* в мифологических преданиях эвенков является символом молодого охотника, имеющего красивый расшитый узорами кисет. Восточные эвенки в весенний праздник обновления жизни на земле *икэчик* (у западных эвенков *икэнипкэ*) ранее традиционно посвящали коршуну танец незамужних девушек, сопровождаемый пением. По сведениям эвенкийки К. П. Афанасьевой, прекрасного знатока эвенкийского фольклора, уроженки Охотского побережья (Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края), танец незамужних девушек посвящался коршуну как символу молодого охотника, которого они просили сбросить им свой кисет. Символическое дарение своего кисета коршуном означало нахождение девушкой своего суженого [ПМА 1987]. От К. П. Афанасьевой нами было записано и описание этого танца. Вначале парами танцуют только девушки, поют песню о *сигачане*-охотнике, прося его сбросить им свой кисет. Данные слова имели иносказательный смысл, на самом деле песня служила обращением к присутствующим молодым неженатым мужчинам. В течение танца молодой эвенк выбирал понравившуюся ему девушку, подходил и разбивал девичью пару, что символизировало «бросание» кисета определенной девушке. Далее девушка должна была танцевать с выбравшим ее парнем. Если она согласна была создать с ним семью, то они танцевали, скрепив руки «колодцем». В процессе танца нельзя было смотреть друг другу в глаза, и лишь скрепленные руки означали их взаимное согласие создать семью, якобы благословленную коршуном [ПМА 1987]. Приводим слова традиционного пения девушек, посвященные коршуну [текст песни записан от восточных эвенков]:

Сигачан! Икэр-икэр, икэрэй! ‘Коршун! Запевай-пой, пой вместе с нами!’

Тунгурикон амудиду ‘У округлого озера’

Икэр-икэр, икэрэй! ‘Запевай-пой, пой вместе с нами!’

Сигачан! Икэр-икэр, икэрэй! ‘Коршун! Запевай-пой, пой вместе с нами!’

Оллокорво, икэр-икэр, икэрэй! ‘Рыбешечек много, икэр-икэр, икэрэй’

Тунгурикон амудиду дявадас. ‘В округлом озере ты должен наловить’.

Сигачан! Икэр-икэр, икэрэй! ‘Коршун! Запевай-пой, пой вместе с нами!’

Сигачан! Каптургави бурикэл. ‘Коршун! Оброни свой кисет’.

Сигачан! Икэр-икэр, икэрэй! ‘Коршун! Запевай-пой, пой вместе с нами!’

Каптургави бурикэл, икэр, икэрэй! ‘Кисет свой сбрось нам, икэр, икэрэй!’ [ПМА 1987].

Таким образом, приведенный выше материал показывает, что хищный коршун в мировоззрении российских эвенков являлся покровителем семьи и рода, а также является помощником эвенка в охоте.

Краткий анализ мифов творения яко-эвенков КНР показывает, что сохраняются общие мотивы, характерные для мифов творения эвенков и России, и КНР:

— мотив усовершенствования мира творцом (*Пуркан*, как и *Сэвэки*, частенько «перedefирует» созданные им творения);

— мотив «голой, как человек, собаки»;

— мотив «медведя-разрушителя, имеющего руки-лапы, как у человека»;

— мотив «маленьких глаз у большого по величине медведя».

Возможно, мотив происхождения волка от собаки, не пожелавшей жить с человеком (по мифу эвенков Китая), также обусловлен монгольским влиянием. В мировоззрении эвенков России волк хоть и является существом сакральным, не относится к родовым тотемным животным. Более того, в фольклоре восточных эвенков он относится к разряду зверей-*арингки* (*арингка* — существо потустороннего мира).

В связи с задачей пополнения научных материалов по фольклорному наследию эвенков наличие нескольких новых мифов на языке оригинала и введение их в научный оборот имеет немаловажное значение. Исторически сложившаяся разобщенность эвенков России и КНР длилась долгое время, лишь с начала 2000-х годов стали возможны контакты между сородичами. Отсутствие контактов повлекло за собой определенные изменения: сюжетный и мотивный фонды российских и китайских эвенков обрели свои локальные характеристики. Вместе с тем в мифах эвенков КНР сохранился общий эвенко-эвенкийский мотив — хищная птица как помощник творца у эвенков России и яко-эвенков КНР.

Л и т е р а т у р а

Афанасьева 2010 — *Афанасьева Е. Ф.* Эвенки Китая // Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии: материалы всерос. конф. с междунар. участием (Улан-Удэ. 11 ноября 2009 г.). Улан-Удэ, 2010. С. 11—21. {*Afanasyeva E. F.*

The Evenki of China // Tungus-Manchu ethnic groups in the new century: materials of all-Russian conference with international participation (Ulan-Ude. The 11th of November 2009). Ulan-Ude, 2010. P. 11—21.}

АФНССДВ 1989 — Антология фольклора народностей Сибири, Севера и Дальнего Востока. Красноярск, 1989. {Anthology of folklore of people of Siberia, the North and the Far East. Krasnoyarsk, 1989.}

Варламова 2013 — Варламова Г. И., Дьяконова М. П. Образы *Сэвэки* и *Хэвки* в мировоззрении и фольклоре эвенков и эвенов // Религиоведение. 2013, 2. С. 15—22. {Varlamova G. I., Dyakonova M. P. Images of *Seveki* and *Hevki* in the worldview and folklore of the Evenki and the Evens // Religious studies. 2013, 2. P. 15—22.}

Варламова-Кэптукэ 1991 — Варламова-Кэптукэ Г. И. Двуногий да поперечноглазый, черноголовый человек-эвенк и его земля Дулин Буга. Якутск, 1991. {Varlamova-Captuke G. I. Two-legged and cross-eyed, black-headed man Evenk and his land Dulin Buga. Yakutsk, 1991.}

Дьяконова 2016а — Дьяконова М. П. Образы антиподов демиургов в мифах творения эвенков и эвенов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016, 1. С. 227—232. {Dyakonova M. P. Images of the antipodes of the demiurge in the myth of creation of the Evenki and the Evens // Newsletter of Kalmyk Institute of humanitarian studies, RAS. 2016, 1. P. 227—232.}

Дьяконова 2016б — Дьяконова М. П. Миф в фольклоре эвенков и эвенов (Цикл творения мира). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2016. {Dyakonova M. P. Myth in the folklore of the Evenki and the Evens (Cycle of creation). Summary of a PhD thesis. Makhachkala, 2016.}

Дьяконова 2017 — Дьяконова М. П. Образы помощников демиургов в мифологическом цикле творения мира эвенков и эвенов // Электронный научный журнал «Меридиан». 2017, 5 (8). С. 1—4. {Dyakonova M. P. Images of the helpers of the demiurge in mythological cycle of creation of the Evenki and the Evens // Electronic scientific journal "Meridian". 2017, 5 (8). P. 1—4.}

Кайгородов 1956 — Кайгородов А. М. Эвенки в Трехречье (по личным наблюдениям) // Советская этнография. 1968, 4. С. 123—132. {Kaigorodov A. M. Evenki in the Land of Three Rivers (personal observations) // Soviet Ethnography. 1968, 4. P. 123—132.}

Мифология 2008 — Мифология: энциклопедия / Гл. ред. Мелетинский Е. М. Репринт. М., 2008. {Mythology: encyclopedia / Ch. Ed. Meletinsky E. M. Reprint. M., 2008.}

МПСХМ 1990 — Мифы, предания, сказки хантов и манси. Москва, 1990. {Myths, legends, tales of Khanty and Mansi. Moscow, 1990.}

Мыреева 2004 — Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2004. {Myreeva A. N. Evenki-Russian dictionary. Novosibirsk, 2004.}

МЭТФ 1936 — Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Василевич Г. М. Л., 1936. {Materials on the Evenki (Tungus) folklore] / Comp. Vasilevich G. M. L., 1936.}

ОППЭ 2014 — Обрядовая поэзия и песни эвенков / Сост. Варламова Г. И., Шейкин Ю. И. Новосибирск, 2014. {Ritual poetry and songs of the Evenki / Comp. Varlamova G. I., Sheikin Ju. I. Novosibirsk, 2014.}

ПМА 1987 — Полевые материалы Варламовой Г. И. Фольклорная экспедиция в Амурскую область, август 1987 года. {Field materials by Varlamova G. I. Folklore expedition to the Amur region, August, 1987.}

ПМА 2017 — Полевые материалы Дьяконовой М. П. КНР, Внутренняя Монголия, г. Ген-Хе, июнь 2017 года. {Field materials by Dyakonova M. P., China, Inner Mongolia, Kuung-Hue, June 2017.}

ФЭБ 2005 — Фольклор эвенов Березовки: образцы шедевров / Сост. Роббек В. А. Якутск, 2005. {The folklore of the evens of Berezovka: samples of masterpieces / Comp. Robbek V. A. Yakutsk, 2005.}

ФЭЯ 1971 — Фольклор эвенков Якутии / Сост. Романова А. В., Мыреева А. Н. Л., 1971. {The folklore of the Evenki of Yakutia / Comp. Romanov A. V., Myreeva A. N. L., 1971.}

Чадаева 1990 — Чадаева А. Древний свет: Сказки, легенды, предания народов Хабаровского края. Хабаровск, 1990. {Chadaeva A. Ancient light: fairy tales, stories, legends of the people of Khabarovsk territory. Khabarovsk, 1990.}

Широкогоров 1919 — Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке. Вып. 1. Владивосток, 1919. С. 47—108. {Shirokogorov S. M. Tungus experience of the research into the basics of shamanism // Scientific notes of the faculty of History and Philology in Vladivostok. Iss. 1. Vladivostok, 1919. P. 47—108.}

Широкогоров 2017 — Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии и истории этих групп). М., 2017. {Shirokogorov S. M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters on the geography and history of these groups). M., 2017.}

РЕЗЮМЕ

В статье описаны и проанализированы три фольклорных сюжета о творении мира у эвенков КНР, имеющие отличия от сюжетов российских эвенков. Язык эвенков, от которых сделаны записи мифов, по всем языковым характеристикам представляет собой восточное наречие языка эвенков России. Записи текстов эвенков КНР позволяют выявить разнообразие общеэвенкийских сюжетов о творении мира.

SUMMARY

The article describes and analyzes three folklore stories about the creation of the world among the Evenki of China, which have differences from the stories of the Russian Evenki. The language of the Evenki, from which the records of myths are made, by all linguistic characteristics represents the Eastern dialect of the language of the Evenki of Russia. The texts recorded from the Evenki of China will allow to reveal the locality and the variety of the Evenki's myths.

Ключевые слова: эвенки России, эвенки Китая, фольклор, эвенкийский язык и фольклор, мифы творения

Keywords: Evenki of Russia, Evenki of China, folklore, Evenki language and folklore, myths of creation

Варламова Галина Ивановна, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск); dmp76@bk.ru

Galina I. Varlamova, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS (Yakutsk); dmp76@bk.ru

Дьяконова Мария Петровна, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск); dmp76@bk.ru

Maria P. Dyakonova, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS (Yakutsk); dmp76@bk.ru

Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): именная морфология¹

1. Введение

Статья посвящена особенностям именной морфологии в памятнике хантыйской письменности «Священная история»² («Емынь ястопса»). Мы рассмотрим инвентарь показателей грамматических категорий существительного и ряд особенностей их употребления, о которых можно делать уверенные заключения на материале памятника. Кроме того, будет проанализирована парадигма личных местоимений. Материал памятника будет сопоставлен со сведениями, доступными из описаний западных хантыйских диалектов (принадлежность памятника к западной группе диалектов не вызывает сомнений, см. описываемые далее его свойства). Свойства других разрядов местоимений, а также прилагательных, числительных и послелогов в данной работе подробно не рассматриваются³. Также остаются за рамками этой статьи вопросы словообразования.

В работах предшественников морфологическая система памятника «Священная история», насколько нам известно, не рассматривалась. Некоторые сведения о графической системе приводятся в [Moldanova, Normanskaia 2018].

Рассматриваемый памятник был издан Тобольским комитетом православного миссионерского общества в 1900 г. Его текст представляет собой свободный пересказ содержания Ветхого и Нового Завета для носителей хантыйского языка. В качестве авторов на титульном листе указаны священник Иоанн Егоров и дьячок Иоанн Попов, служившие в хантыйских землях. Краткая информация об Иоанне Егорове доступна в [Софронов 2005; Исаева 2015]. Он был одним из участников Обдорской миссии, которым было поручено переводить на языки северных народов богослужебные тексты, и составителем ряда религиозных и учебных изданий на хантыйском языке. Подробных биографических сведений об Иоанне Попове обнаружить, к сожалению, не удалось⁴. В предшествующей литературе (см., например, [Штейниц 1937: 198; Хонти 1993: 302; Кошкарева 2013: 52—53]) этап развития хантыйской письменности, к которому относится рассматриваемый памятник, определен как миссионерский: приезжие русскоязычные миссионеры переводили на хантыйский язык тексты, связанные с христианством, с целью его распространения среди хантыйского народа. Мы не можем достоверно судить об уровне владения хантыйским языком авторов памятника (хотя, учитывая стоявшие перед ними задачи, он должен был быть как минимум таким, чтобы носители хантыйского языка могли без искажений понимать смысл созданных ими текстов), равно как и не имеем информации о том, выверялся ли текст с носителями хантыйского

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014).

² Как справедливо заметил анонимный рецензент «Урало-алтайских исследований», название памятника было бы точнее перевести на русский как «Священное сказание». Мы, однако, используем вариант «Священная история», поскольку он написан на титульном листе памятника и использование другого русского варианта названия могло бы затруднить соотнесение этого памятника и публикаций о нем.

³ Для послелогов, производных от существительных, в целом справедливы утверждения, которые будут сделаны о морфологии существительных, — с той лишь разницей, что различные послелоги подвергаются разной степени грамматикализации и сохраняют неодинаковый объем морфосинтаксических свойств прототипического существительного. В целом и в современном хантыйском языке, и в тексте памятника эта ситуация выглядит так же, как она уже представлена в исследованиях уральских языков (см., например, [Майтинская 1982: 9—78]). В то же время сравнительно малый объем корпуса памятника часто не позволяет делать уверенные суждения о свойствах конкретного послелога, поэтому мы хотели бы воздержаться от детального анализа этой проблематики.

⁴ В [Тобольские Епархиальные ведомости 1888: 247—253] содержится подробный рассказ о жизни протоиерея Петра Александровича Попова, проводившего миссионерскую деятельность среди северных ханты. Были ли Петр и Иоанн Поповы родственниками или просто однофамильцами, к сожалению, неясно. Заметим, однако, что П. А. Попов, как следует из текста «Тобольских Епархиальных Ведомостей», не был носителем хантыйского языка, хотя и изучал его долгое время.

языка. Однако для дальнейшего изложения следует понимать, что в целом для создателей хантыйских письменных памятников дореволюционного периода хантыйский язык мог быть не родным⁵.

Памятник «Священная история» доступен в сканированном виде на сайте электронных коллекций Российской национальной библиотеки⁶. Глоссированный текст памятника размещен в открытом доступе на платформе LingvoDoc⁷. В оригинале памятника хантыйский текст сопровождается пословным подстрочным переводом на русский язык. В корпусе на LingvoDoc морфемная разбивка проведена по строке памятника. Глоссы для каждой словоформы даны на современном русском литературном языке с обозначением грамматических показателей латиницей. Перевод каждого предложения также дан на современном русском литературном языке; он составлен разработчиком корпуса на основе подстрочника, приведенного в оригинале. В отдельном поле для словоформ памятника указаны, где это возможно, их фонетические соответствия в казымском диалекте хантыйского языка в системе транскрипции из [Кошкарева, Соловар 2007]. Казымский диалект выбран для этого поля как диалект хантыйского языка, на основе которого сложилась определенная литературная традиция; кроме того, разные хантыйские корпуса и словари в системе LingvoDoc связаны через казымские формы, что делает возможной их перекрестную обработку.

В памятнике использован дореволюционный кириллический алфавит. Для обозначения фонемы /ŋ/ к нему добавлена буква *н*. Других букв для обозначения хантыйских фонем, отсутствующих в русском языке, не добавлено. Так, в тексте не отмечаются долгота и краткость гласных, ср. одинаковую первую букву в словах *анть* ‘не’ [с. 23, строка 7] (каз. *ǎnt*) и *азу* ‘отец’ [с. 4, строка 7] (каз. *aśi*). Для обозначения гласных фонем заднего ряда используются только буквы *о* и *у*, отражающие не все возможные качественные различия (см. [Николаева 1995: 21—26; Кошкарева, Соловар 2007] и др.), ср. *Торымь* ‘небо, бог’ [с. 4, строка 8] (каз. *torǎm*), *ходы* ‘как’ [с. 4, строка 13] (каз. *χōī*), *о́лынъ* ‘начало’ [с. 7, строка 8] (каз. *ǎlǎj*). В примерах систематически отражается озвончение шумных согласных в окружении гласных и сонорных, не имеющее в хантыйском языке фонологического статуса, см., например, *о́лды* ‘быть, жить’ [с. 23, строка 2] (каз. *wǎlǎj*), *сиды* ‘так’ [с. 4, строка 4] (каз. *śitǎ*). Как можно понять уже из некоторых приведенных примеров, в памятнике систематически отмечается словесное ударение (в некоторых словах, однако, знак ударения опущен).

Хантыйские примеры из памятника приводятся с сохранением записи источника в глоссированном виде. Литературные переводы взяты из корпуса на LingvoDoc. При каждом примере дается указание на соответствующую страницу и строку в тексте памятника.

Во всех утверждениях о морфологической системе памятника мы опираемся на примеры, встретившиеся в нем не менее трех раз (при этом в тексте статьи может цитироваться меньше примеров, иллюстрирующих конкретное явление, особенно если оно известно из описаний хантыйского языка и не вызывает сложностей). В качестве источника каждого примера указывается только одна из пар вида «страница & строка», где он встретился в тексте (отдельные цитируемые словоформы при этом, разумеется, могут встречаться в памятнике много раз). Случаи привлечения менее частотных примеров оговариваются эксплицитно.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 рассматривается склонение существительных — употребление числовых показателей, падежных показателей, устройство и особенности парадигмы посессивного склонения. Раздел 3 посвящен склонению личных местоимений. В разделе 4 подводятся итоги.

2. Имя существительное

Хантыйское существительное имеет грамматические категории числа, падежа и посессивности. Показатели всех этих категорий представлены в тексте памятника. Далее рассмотрим их подробно по отдельности.

2.1. Показатели числа

Существительные в памятнике встречаются в первую очередь в формах единственного и множественного числа. Единственное число не имеет специального показателя. Показатель множественного числа в основном склонении имеет вид «гласный + *т*», в конце слова в соответствии с дореволюционной

⁵ Отметим также комментарий анонимного рецензента о том, что в тексте имеются буквальные переводы с русского языка на хантыйский. Более детальное рассмотрение гипотез о возможном калькировании конструкций выходит за рамки этой статьи.

⁶ Адрес сайта — <http://primo.nlr.ru/>. Поисковый запрос — «Емынг ястопса».

⁷ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/902/9/perspective/902/12/view>

русской орфографией добавляется *ъ* (о числовых показателях в посессивном склонении см. раздел 2.3). Гласный отражает, по-видимому, фонему /ə/, ср. запись этого показателя как *-ət* в [Николаева 1995: 81; Кошкарёва 2011: 171]. В тексте памятника этот показатель встречается в вариантах *-ат(ь)*, *-ят(ь)*, *-эт(ь)*, *-от(ь)*, см., например, *хот-эт-на* (дом-PL-LOC) ‘в домах’ [с. 124, строка 10], *сох-от-на* ‘тканями’ (ткань-PL-LOC) [с. 57, строка 12]. Имеется вариант *-тъ* без начального гласного, присоединяющийся к основам на гласный (это соответствует современным описаниям, см., например, [Николаева 1995: 39—43]): *астарши́на-тъ* (старшина-PL) ‘старейшины’ [с. 116, строка 13], *э́ве-тъ* (девушка-PL) ‘девушки’ [с. 57, строка 12].

Форма двойственного числа существительных встретилась в памятнике всего в одном примере: *та́л-нэ́нь* (зима-DU) ‘две зимы’ [с. 58, строка 10], показатель двойственного числа в этом примере соответствует его стандартному виду *-нэп* (ср., например, [Николаева 1995: 81]). При этом количественные конструкции с числительным *ка́т* ‘два’ в памятнике довольно частотны: не считая составных числительных типа *катъ сэ́разь* ‘две тысячи’ [с. 22, строка 13], таких конструкций встретилось 27, см., например:

- (1) *Си катъ хорáз-ынъ юхъ рэг-атъ тай-л-атъ.*
 тот два красота-ATTR дерево плод-PL иметь-NPST-3PL
 ‘У этих двух красивых деревьев есть плоды’ [с. 14, строка 12]
- (2) *Си катъ верь кинзя арь сир-на Еврей родъ хоз-я Тóрымъ ондас-та-сь...*
 тот два дело кроме много способ-LOC еврей народ у-ILL бог помощь-CAUS-PST
 ‘Кроме этих двух дел, Бог многими способами помогал еврейскому народу...’ [с. 37, строки 11—12]
- (3) *А́кт-ас-эмъ муръ пел-я Пророкъ Илья яста-сь:*
 собирать-DETR-PFV.PTCP народ к-ILL пророк Илья говорить-PST
 «Хóлна хуу катъ кúр-на нóх-ты нит-л-аты?»
 еще долго два нога-LOC хромать-IPFV.PTCP/INF стать-NPST-2PL
 ‘Пророк Илья сказал собравшемуся народу: «Еще долго на обе ноги хромать будете?»’ [с. 51, строки 13—14; с. 52, строка 1]

На современном этапе в западных диалектах хантыйского языка двойственное число нельзя считать вышедшим из употребления, см. подробный анализ его использования в [Сидорова 2016], а также цитируемую в этой работе литературу⁸. В примерах (1)—(3) представлены типы контекстов, которые, согласно анализу М. А. Сидоровой, могли бы способствовать употреблению формы двойственного числа: в (1)—(2) это именные группы с указательным местоимением *си* ‘тот’, которые обладают информационным статусом данного, в (3) это конструкция с наименованием части тела (совместимая, однако, и с другими стратегиями маркирования). Наиболее вероятным может быть предположение о том, что формы двойственного числа не были активно употребляемыми в идиолектах авторов памятника (возможно, в силу того что хантыйский язык мог быть для них не родным). Утверждение об отсутствии в конце XIX в. двойственного числа в говорах тех мест, где был создан памятник, было бы труднообъяснимым с учетом современных данных.

2.2. Показатели падежа

2.2.1. Общее устройство системы

Падежные показатели существительных, встретившиеся в тексте памятника, представлены в таблице 1. Наличие нулевого показателя у номинатива (в корпусе на сайте LingvoDoc и в данной статье он не обозначается) полностью ожидаемо.

Соотношение показателей иллатива и локатива выглядит не вполне тривиально в свете сопоставления с современными языковыми данными. Распределение соответствующих показателей в западных диалектах хантыйского языка приведено в таблице 2 (для единообразия все показатели записаны латиницей).

Как видно из таблицы 2, инвентарь базовых падежных показателей существительного в «Священной истории» совпадает только с шеркальским и низямским диалектами (согласно описаниям В. Штейница и Л. Хонти). По отдельности и показатель *-а*, и показатель *-на* встречаются в различных западных диалектах,

⁸ Некоторая тенденция заменять формы двойственного числа на формы единственного или множественного числа отмечена, в частности, в [Honti 1997: 16; Ядобчева-Дресвянина 2004: 36]. Однако о тотальной утрате двойственного числа речи в этих работах не идет.

Таблица 1. Показатели падежа существительных

Название падежа	Обозначение в глоссах	Показатели
Номинатив	—	—
Иллатив ⁹	ILL	-a (-я) ¹⁰
Локатив ¹¹	LOC	-на ¹²

Таблица 2. Падежные показатели существительных в «Священной истории» и в западных диалектах хантыйского языка

Диалект и издание	Приуральский [Николаева 1995: 82; Соловар и др. 2016: 106]	Приуральский [Ядобчева-Дресвянина 2004: 43]	Шурышкарский [Кошкарева 2011: 168; Соловар и др. 2016: 104]	Шурышкарский (с. Мужж) [Rédei 1965: 34]	Шурышкарский (сынский) [Steinitz 1975: 39]	Казымский [Каксин 2007: 59]	Казымский [Соловар и др. 2016: 105]	Шеркальский [Steinitz 1975: 214; Honti 1986: 60, 134]	Низямский [Honti 1986: 60, 133]
Соответствие ILL	-ji	-i, -i'	-a, -i	-a	-a	-a	-a	-a	-a
Соответствие LOC	-na	-na	-ən	-ŋ	-ŋ, -ən	-n, -ən, -an	-ən	-na	-na

но, как правило, не сосуществуют в одной системе в современном языке. Вместе с тем относить исследуемый памятник к шеркальскому или низямскому диалекту было бы странно, поскольку текст памятника имеет ряд морфологических отличий от этих диалектов (они будут оговорены далее), а также явные фонетические отличия. Так, фонемы, соответствующие казымским /л/ и /л'/, передаются в памятнике буквой л (в т. ч. в сочетании с ъ или с ь), тогда как в примерах из шеркальского диалекта, приводимых в [Steinitz 1975: 192], им соответствуют *t* и *t'*, ср., например, шерк. *tatə* 'зима' — каз. *täl* — в памятнике *mal* [с. 59, строка 4]; шерк. *t'ät'* 'война' — каз. *lal'* — в памятнике *ljal'* [с. 45, строки 7—8]; шерк. *tšw* 'лошадь' — каз. *lšw* — в памятнике *lou* [с. 117, строка 10]. Аналогичные фонетические различия имеются и с низямским диалектом, см. полевые данные по нему, приведенные в [Онина, Козлов 2013а, б].

Более вероятное объяснение состоит в том, что в «Священной истории» сохраняются прахантыйские падежные маркеры. Согласно [Honti 1986: 60], выявленные нами показатели иллатива и локатива реконструируются соответственно как **a/*ä* и **na/*nä* (эта реконструкция подтверждается в том числе данными восточнохантыйских диалектов, приводимыми в цитируемой работе). В шеркальском и низямском диалектах архаичные показатели тоже оказались сохранены, тогда как в других западных диалектах они претерпели различные изменения, результаты которых мы и наблюдаем на современном этапе.

Далее рассмотрим употребление каждого падежа по отдельности.

⁹ Данный падеж по-разному обозначается в различных источниках, в т. ч. с учетом его формальных и семантических особенностей в разных диалектах, ср. датив/иллатив [Каксин 2007: 59], дательно-направительный [Кошкарева 2011: 168], аллатив [Мымрина 2006: 149], транслатив [Николаева 1995: 82; Ядобчева-Дресвянина 2004: 43; Мымрина 2006: 149], транслокатив [Кошкарева 2011: 168]. В корпусе на LingvoDoc в настоящее время используется глосса DAT (датов), которая была выбрана перед началом разметки для указания на наиболее высокую в синтаксической иерархии позицию непрямого объекта, которую могут занимать соответствующие формы. В этой статье выбрана глосса ILL (иллатив), исходя из семантики этих падежных форм в тексте памятника, которая стала полностью ясна только по окончании разметки (подробнее см. раздел 2.2.3).

¹⁰ В памятнике встречается также показатель иллатива *-ы* в составе послелога *унды* 'до'. С существительными он встретился всего в двух случаях: *хатл-ы* (день-ILL) [с. 11, строка 14], *атт-ы* (ночь-ILL) [с. 93, строка 9].

¹¹ Данный падеж обозначается в литературе как локатив [Николаева 1995: 82; Ядобчева-Дресвянина 2004: 43; Мымрина 2006: 149; Кошкарева 2011: 168], инессив/инструктив [Каксин 2007: 59], местно-творительный [Кошкарева 2011: 168].

¹² В памятнике встречается также показатель локатива *-(и)нь* — в основном с послелогами, см. *юби-инь* (после-LOC) 'после' [с. 15, строка 9], *эльби-инь* (перед-LOC) 'перед' [с. 146, строка 5], но в редких случаях и с существительными, см. *тага-инь* (место-LOC) 'на месте' [с. 43, строка 12], *сир-нь* (способ-LOC) 'способом' [с. 6, строка 2]. Однако основным показателем локатива и с существительными, и с послелогами выступает показатель *-на*.

2.2.2. Номинатив

Номинатив используется в позициях субъекта, прямого объекта, приименного аргумента, именного предиката, а также при послелогох, см. формы, выделенные в (4)—(6). Все эти употребления общеизвестны и для современного хантыйского языка.

- (4) *Муу о́мд-ымъ порá юби-на катъ сэразь тál-лунъ кемь пáр-асъ,*
 земля сажать-PFV.PTCP время после-LOC два тысяча зима-лето примерно кончатся-PST
изá нэнхо родъ Тóрымъ ерэма-съ...
 все человек род бог забывать-PST
 ‘После сотворения мира прошло около двух тысяч лет, весь человеческий род забыл Бога...’
 [с. 22, строка 13; с. 23, строка 1]
- (5) *Óлын-на ханэмы-мъ ём-а юв-ымъ нэ и́ттамъ*
 начало-LOC прятаться-PFV.PTCP хороший-ILL становиться-PFV.PTCP женщина теперь
ханя́ма-ды антъ вёрм-асъ, Христось кур-ль хоз-я́ ко́ропты-исъ...
 прятаться-IPFV.PTCP/INF NEG мочь-PST Христос нога-POSS.3SG у-ILL падать-PST
 ‘Поначалу спрятавшаяся выздоровевшая женщина теперь не могла прятаться, пала к ногам Христа...’ [с. 89, строки 9—11]
- (6) *Мэтъ олынъ хонъ Сауль о-съ, киметъ хонъ Давидъ о-съ.*
 самый начало царь Саул быть-PST второй царь Давид быть-PST
 ‘Самым первым царем был Саул, вторым царем был Давид’ [с. 46, строки 2—3]

2.2.3. Иллатив

Центральным значением иллатива в тексте «Священной истории» является значение конечной точки, см. (7)—(8). В (8) тем же маркером, что и существительное со значением ‘вода’, оформлен серийный послелог с основой *либи-* ‘внутренность’.

- (7) *Муу эульть нынъ вёр-манъ о-с-анъ, хál-ды со́рам-на*
 земля из ты делать-CVB быть-PST-2SG умирать-IPFV.PTCP/INF смерть-LOC
му-а ма́н-л-анъ.
 земля-ILL идти-NPST-2SG
 ‘Из земли ты был сделан, мертвым в землю уйдешь’ [с. 18, строки 9—10]
- (8) *...ай ва́расъ эульть вёр-ымъ ларáсь ли́би-я*
 маленький прут из делать-PFV.PTCP ящик внутренность-ILL
пóн-асъ ёга́нъ ин-а э́сл-асъ.
 класть-PST река вода-ILL пускать-PST
 ‘[Мать] положила [ребенка] в сделанный из прутьев ящик и пустила в воду’ [с. 31, строки 9—11]

Кроме того, иллатив используется в именной предикации для передачи транслативной семантики, маркируя и объект, в который что-л. превращается (или, шире, новое состояние, в которое вступает участник ситуации), см. (9), и объект, которым что-л. является без указания в контексте на изменения, см. (10) с базовым бытийным глаголом и (11) с глаголом *шауды* ‘хранить, сохранять’, в семантике которого заложена идея отсутствия изменений.

- (9) *Си ул-ымъ но́тард-амъ веръ сага́тъ Египетъ хонъ*
 тот спать-PFV.PTCP говорить-PFV.PTCP дело за Египет царь
Иóсифъ ло́наръ хо-я́ вёр-с-али.
 Иосиф приближенный человек-ILL делать-PST-3SG.SO
 ‘За этот рассказ о сне египетский царь сделал Иосифа приближенным человеком’ [с. 29, строки 11—12]
- (10) *...Ма панть хо́-я о́с-эмъ, нынъ Ма́н-эмъ хóт-а*
 я путь человек-ILL быть-PST-1SG вы я-1SG[DAT/ACC] дом-ILL
антъ ло́н-олт-с-аты...
 NEG входить-CAUS-PST-2PL
 ‘...когда Я был странником, вы Меня не пустили в дом...’ [с. 114, строки 2—3]

- (11) *Си Ёмынгъ Иосифъ ёж-а Архьерэ-ятъ Мари́я кáтл-анта-с-эль*
 тот священный Иосиф рука-ILL архиерей-PL Мария держать-CAUS-PST-3PL.S:SG.O
џві-я шау-ды о́рын-на.
 девушка-ILL хранить-IPFV.PTCP/INF для-LOC
 ‘Архиереи отдали Марию этому святому Иосифу, чтобы она осталась девой’ [с. 59, строки 7—9]

Маркирование именного предиката одним и тем же способом в контекстах постоянного свойства и в контекстах изменения свойства встречается в уральских языках, хотя и менее распространено, чем различное маркирование этих типов контекстов (см. [de Groot 2017: 514—516]). В хантыйском языке употребление в именной предикации маркеров *-a/-i*, насколько можно судить по имеющимся описаниям, закреплено в большей степени за контекстами изменения, см. данные казымского диалекта [Соловар 2011: 130—131, 237—238, 316—322], а также описание приуральской системы в [Ядобчева-Дресвянина 2004: 45—46], где утверждается, что данная форма используется с тремя глаголами (приводятся в транскрипции автора цитируемой работы): *нитта/нитты* ‘стать, становиться’, *йида/йиты* ‘стать, становиться’, *нэматта/нэматты* ‘именоваться, называться’. С другой стороны, в [Николаева 1995: 83] для данного падежа отмечаются и контексты «предикативного состояния», предполагающие отсутствие изменений. Материал памятника подкрепляет данные И. А. Николаевой.

Функций, прототипических для датива, формы иллатива в исследуемом памятнике, как было установлено, не выражают (именно поэтому мы отказались в статье от глоссы DAT и от обозначения этого падежа как датива). Семантическая роль адресата (при глаголах речи) передается конструкциями с послелогом *пеля* (основной вариант, известный и из опубликованных работ, см. [Соловар 2011: 208]), (12)—(13), и *хозя* (14), имеющими в своем составе застывший маркер иллатива.

- (12) *Си ю́би-на Ё́ва пѐл-я То́рымъ яста-съ:*
 тот после-LOC Ева к-ILL бог говорить-PST
«Игэ-нъ ё́жъ ли́би-инъ нынгъ о́л-ды нит-л-энь».
 муж-POSS.2SG рука внутренность-LOC ты жить-IPFV.PTCP/INF стать-NPST-2SG.S(SG.O)
 ‘После этого Бог сказал Еве: «Ты будешь жить в руках твоего мужа»’ [с. 18, строки 10—12]
- (13) *Си Иерусалимъ во́ж-на унъ Ё́мынгъ хотъ о-съ, Изá Евре́й родъ*
 тот Иерусалим город-LOC большой священный дом быть-PST весь еврей народ
То́рымъ пѐл-я пѐих-ся-ты о́рын-на.
 бог к-ILL молить-DETR-IPFV.PTCP/INF для-LOC
 ‘В том городе Иерусалиме был большой храм, чтобы весь еврейский народ молился Богу’ [с. 73, строки 2—4]
- (14) *То́рымъ у́л-ым-на ла́у-съ Соломо́нь хоз-я: «Во́г-а ма*
 бог спать-PFV.PTCP-LOC говорить-PST Соломон у-ILL просить-IMP я
эу́льт-энь¹³ мо́ла ны́н-энь ма́-ды».
 от-POSS.2SG что ты-2SG[DAT/ACC] давать-IPFV.PTCP/INF
 ‘Бог во сне сказал Соломону: «Проси у меня, что тебе дать»’ [с. 47, строки 8—9]

Семантическая роль конечного посессора передается либо теми же конструкциями с послелогом *пеля* (15) и *хозя* (16), либо конструкциями с послелогом *эльты*¹⁴ (17). Заметим, что для местоимений в такой функции фиксируется употребление синтетических форм датива-аккузатива, как в (18). Подробнее о парадигме местоимений см. раздел 3.

- (15) *Ва́нд-а, тамъ му́у ны́н-энь на нынгъ родъ пѐл-я ма́-л-эмь¹⁵.*
 смотреть-IMP этот земля ты-2SG[DAT/ACC] ADD ты род к-ILL давать-NPST-1SG.S(SG.O)
 ‘Смотри, эту землю дам тебе и твоему роду’ [с. 28, строки 2—3]

¹³ В этой словоформе не исключена описка: *эу́льт-энь* (от-POSS.2SG) вместо ожидаемого *эу́льт-эмь* (от-POSS.1SG).

¹⁴ В западных хантыйских диалектах этот послелог в первую очередь маркирует исходную точку, см. [Кошкарева 2011: 156]. В словаре казымского диалекта [Соловар 2014: 381] ему приписаны значения ‘через, на, до, сверху’; ‘над’. В приуральском диалекте зафиксированы также употребления этого послелoga в контекстах адресата и бенефактива, см. [Николаева 1995: 155—156].

¹⁵ В графической системе рассматриваемого памятника лично-числовая флексия в этой форме и в аналогичных формах может соответствовать как казымскому *-эт* (1SG), так и казымскому *-ет* (1SG.S.SG.O). При глоссировании в статье отражены обе возможности.

- (16) *Хánж-имъ нáрд-опсы, Моисей ёж-на, Тóрымъ мi-им-атъ Еврей родъ хоз-я.*
 писать-PFV.PTCP велеть-NMN Моисей рука-LOC бог давать-PFV.PTCP-предмет еврей род у-ILL
 ‘Написанный закон, руками Моисея данный Богом еврейскому народу’ [с. 38, строки 2—3]
- (17) *Кiметъ рэгъ iге-ль iльты ма-сь, луу на лe-с-ли.*
 второй плод мужчина-POSS.3SG из давать-PST он ADD есть-PST-3SG.S.SG.O
 ‘Второй плод дала мужу, он тоже съел’ [с. 16, строки 8—9]
- (18) *...си сагáтъ изá мá-л-эмъ нýн-энь...*
 тот за всё давать-NPST-1SG.S(SG.O) ты-2SG[DAT/ACC]
 ‘...поэтому я дам тебе всё...’ [с. 48, строка 1]

Закрепление за падежом на *-а* иллативной функции и функции именного предиката при отсутствии типичных дативных функций не соответствует описаниям падежной семантики в современных западных диалектах. Так, в шурышкарском и казымском диалектах этот падеж имеет функции датива, иллатива и маркера в именной предикации [Rédei 1965: 38—39; Каксин 2007: 60]. В приуральском диалекте транслатив маркирует именной предикат, но не имеет ни иллативных, ни дативных функций [Николаева 1995: 83].

2.2.4. Локатив

Локатив кодирует семантику местонахождения в пространстве (19), а также различные метафорические локализации (20), в т. ч. временную (21).

- (19) *Изá мýу-на ол-ымъ нэнхо родъ андаке вой родъ iн-на хал-с-атъ.*
 весь земля-LOC жить-PFV.PTCP человек род или зверь род вода-LOC умирать-PST-3PL
 ‘По всей земле люди и звери погибли в воде’ [с. 24, строки 6—7]
- (20) *...изá нэнхо родъ Тóрымъ ерема-сь изá атмась грiх-на ол-ды нiд-эсь.*
 весь человек род бог забывать-PST все плохо грех-LOC жить-IPFV.PTCP/INF статья-PST
 ‘...весь человеческий род забыл Бога, все неправильно, в грехе жить стали’ [с. 23, строки 1—2]
- (21) *Си порá-на и веськáтъ хо Авраáмъ нэнхо родъ эульть Тóрымъ бýри-исъ...*
 тот время-LOC один праведный мужчина Авраам человек род из бог выбирать-PST
 ‘В это время Бог выбрал из рода человеческого одного праведника по имени Авраам...’ [с. 27, строки 6—7]

Помимо этого, локатив кодирует семантическую роль конечной точки:

- (22) *Ной луу хотъ тэль-на корабля либи эульть мýу-на эд-эсь*
 Ной он дом полный-LOC корабль внутренность из земля-LOC выходить-PST
на мóхты Тóрымъ пел-я пóих-ся-ты нiд-эсь.
 ADD сразу бог к-ILL молить-DETR-IPFV.PTCP/INF статья-PST
 ‘Ной со своим семейством вышел из корабля на землю и сразу стал молиться Богу’ [с. 24, строки 9—11]
- (23) *Си Енохъ веськáтъ ул-опса сагáтъ луу эл-ль тэль-на*
 тот Енох праведный жить-NMN за он тело-POSS.3SG с-LOC
хал-ды сóрам-ли торм-уу-на Тóрым-на вiи-мань о-сь.
 умирать-IPFV.PTCP/INF смерть-CAR небо-POSS.1PL-LOC бог-LOC брать-CVB быть-PST
 ‘Этому Еноху за его праведную жизнь Бог даровал бессмертие и вместе с его телом взял на небо’ [с. 21, строка 13; с. 22, строки 1—2]

Закрепление за локативом и контекстов местонахождения, и контекстов конечной точки ранее было описано для приуральского диалекта, см. [Николаева 1995: 82; Ядобчева-Дресвянина 2004: 44]. В [Мырина 2006: 94—95; Кошкарева 2011: 168; Соловар и др. 2016: 105—106] эта модель полифункциональности трактуется как отличительная черта приуральского диалекта. В типологических работах такая модель тоже упоминается, см., например, [Creissels 2008: 615]. В связи с тем, что в тексте «Священной истории» семантика конечной точки выражается как иллативом, так и локативом, возникает вопрос о конкуренции этих форм, однако в силу ограниченности материала памятника мы воздержимся здесь от определенных выводов.

Помимо участников пространственных фреймов, локатив кодирует агенса в пассивной конструкции (24), инструмент и средство (25), а также некоторые другие значения, семантически близкие к инструментально-му, ср. обстоятельство образа действия/способа в (26) и близкий контекст наименования языка в (27). Все эти употребления локатива ожидаемы, исходя из предшествующих описаний хантыйского языка.

- (24) *Си катъ веръ кинзя аръ сир-на Еврей родъ хоз-я Тóрымъ ондас-та-съ,*
 тот два дело кроме много способ-LOC еврей род у-ILL бог помощь-CAUS-PST
си порá унд-ы хунъ Тóрымъ ал-емъ мýу хоз-я
 тот время до-ILL когда бог обещать-PFV.PTCP земля у-ILL
Еврей родъ Моисей-на эгт-опта-с-а.
 еврей род Моисей-LOC приходить-CAUS-PST-PASS
 ‘Кроме этих двух дел, Бог многими способами помогал еврейскому народу, до тех пор, пока Моисей не довел еврейский народ до обещанной Богом земли’ [с. 37, строки 11—14]
- (25) *...латль хотъ тэль луу тасъ ои-л-аль эультъ чистамъ*
 каждый дом полный он богатство овца-PL-POSS.3SG/3PL из чистый
ошъ пóжахъ атъ вы-лъ, кэжи-на атъ вёл-лъ,
 овца детеныш пусть братъ-NPST нож-LOC пусть убивать-NPST
лу-эль вуръ атъ агат-лъ, си вур-на хотъ бу атъ нэжит-лъ...
 он-3SG[DAT/ACC] кровь пусть собирать-NPST тот кровь-LOC дом дверь пусть мазать-NPST
 ‘...каждая семья пусть возьмет чистого ягненка из своего стада овец, пусть заколет ножом, соберет его кровь, этой кровью пусть помажет дверь дома...’ [с. 34, строки 2—5]
- (26) *...топъ Иосифъ Тóрымъ ондас-на си ванд-амъ ул-ымъ мола*
 только Иосиф бог помощь-LOC тот видеть-PFV.PTCP спать-PFV.PTCP что
оль хонъ пел-я нотард-асъ.
 быть-NPST царь к-ILL говорить-PST
 ‘...только Иосиф с Божией помощью рассказал царю, что это за сон’ [с. 29, строки 9—10]
- (27) *...нэнхо-ятъ хólnа хуу и язык-на нотар-с-атъ, и рот-на¹⁶ о-с-атъ.*
 человек-PL еще долго один язык-LOC говорить-PST-3PL один род-LOC быть-PST-3PL
 ‘... люди еще долго говорили на одном языке, были одним родом’ [с. 25, строки 4—5]

В исследуемом памятнике встретились два примера (28)—(29), в которых форма локатива кодирует комитативного участника (*лоуна* ‘с лошадью’ в (28) и *нумысна* ‘с мыслью’ в (29)). Такие употребления ожидаемы типологически (см., например, [Архипов 2009: 252—253]), однако в описаниях западных хантыйских диалектов они либо не упоминаются [Николаева 1995: 82—83; Ядобчева-Дресвянина 2004: 44—45; Кошкарева 2005: 81—87; Каксин 2007: 60], либо приводятся только для узкого круга периферийных контекстов комитативной зоны [Khomchenkova 2018]. Ввиду малого объема данных мы не можем делать уверенных выводов о свойствах этой конструкции в памятнике.

- (28) *Хунъ Илья Елисѣй Пророкъ пиль-на яга сож-асъ туд-ынъ оголь*
 когда Илья Елисей пророк с-LOC вместе идти-PST огонь-ATTR нарта
туд-ынъ лоу-на нумыльта охл-асъ...
 огонь-ATTR лошадь-LOC сверху спускаться-PST
 ‘Когда Илья шел вместе с пророком Елисеем, сверху спустилась огненная колесница с огненными конями...’ [с. 53, строки 9—10]
- (29) *Ид-атъ Ангел-атъ Тóрымъ пиль-на емъ нумыс-на хасъ-с-атъ...*
 один-PL ангел-PL бог с-LOC хороший мысль-LOC оставаться-PST-3PL
 ‘Одни ангелы остались с Богом с добрыми мыслями...’ [с. 8, строки 2—3]

Более типично комитативное значение выражается послелогом *пильна* (28) и в некоторых примерах послелогом *тэльна* (30).

- (30) *Лу-эль осм-эль тэль-на сож-ели-манъ вант-с-атъ...*
 он-3SG[DAT/ACC] постель-POSS.3SG с-LOC ходить-IPFV-CVB видеть-PST-3PL
 ‘Его видели ходящим с постелью...’ [с. 76, строки 12—13]

¹⁶ Во втором вхождении в этом предложении форма локатива кодирует именной предикат. Однако в целом для рассматриваемого памятника такое ее использование нетипично.

В [Кошкарева 2011: 101—102, 129] отмечен послелог *тидна* для приуральского диалекта и *тидэн* для шурышкарского диалекта, а также варианты *тэдна* и *тэдэн* с аналогичным распределением по диалектам. Для казымского диалекта в [Соловар 2014: 317] приведен послелог *тедэн* ‘с’, в то время как второму из обсуждаемых здесь послелогов соответствует вариант *тида* [там же: 246], образованный от той же основы при помощи показателя датива/иллатива. Вариант *тида* рассматривается как основной для казымского диалекта и в [Khomchenkova 2018], тогда как вариант *тидэн*, как указано в упомянутой работе, в казымском диалекте неграмматичен. Таким образом, в этом случае в памятнике используются формы, свойственные, по данным современных описаний, приуральскому диалекту.

2.3. Показатели посессивности

Инвентарь посессивных аффиксов приведен в таблице 3. Для форм, встретившихся в памятнике один или два раза, аффикс указывается в скобках и приводятся все примеры. Обозначение «n/a» указывает на то, что соответствующих форм в памятнике не встретилось.

Таблица 3. Показатели посессивности в тексте памятника

Обладатель		Обладаемое		
Число	Лицо	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
Ед.	1	-эм(ь), -ем(ь), -м(ь) э́лл-эмь тело-POSS.1SG ‘мое тело’ [с. 11, строка 9] э́вемь ¹⁷ дочь-POSS.1SG ‘моя дочь’ [с. 96, строка 12]	n/a	-л-амь я́зын-л-амь слово-PL-POSS.1SG ‘мои слова’ [с. 85, строка 5]
	2	-эн(ь), -ен(ь), -н(ь) ро́д-энь род-POSS.2SG ‘твой род’ [с. 27, строка 10] а́зе-нь отец-POSS.2SG ‘твой отец’ [с. 40, строка 2]	n/a	(-л-ань) вэ́р-л-ань дело-PL-POSS.2SG ‘твои дела’ [с. 39, строка 13] я́х-л-ань люди-PL-POSS.2SG ‘твои люди’ [с. 128, строка 1]
	3	-ль, -л(ь), -ал(ь), -аль, -эль, -эл(ь), -ель, -иль, -оль, -ол(ь), -ул ¹⁸ ро́д-ль род-POSS.3SG ‘его род’ [с. 32, строка 3] лонл-ал-на вершина-POSS.3SG-LOC ‘на его вершине’ [с. 24, строка 9] рабо́та-эль работа-POSS.3SG ‘его работа’ [с. 35, строка 10]	n/a	-л-ал(ь) но́х-л-аль сын-PL-POSS.3SG/3PL ¹⁹ ‘его сыновья’ [с. 29, строка 2] нэ́бек-л-ал-на книга-PL-POSS.3SG/3PL-LOC ‘в его книгах’ [с. 46, строка 9]

¹⁷ Морфемное членение в посессивных формах существительных с основой на *-е* проводится так же, как в [Николаева 1995: 86—87].

¹⁸ В современных западных диалектах хантыйского языка данный показатель имеет вид *-(ə)l* [Николаева 1995: 86]; *-əl/-el* [Кошкарева 2011: 171] — условия выделения алломорфа *-el* в данном описании неясны из приводимых примеров; *-l/-al* [Каксин 2007: 61]. По нашим собственным полевым наблюдениям, в алломорфе с гласным используется /ə/. Встречающийся в памятнике разброс букв для гласных в этом показателе связан, вероятнее всего, с попытками отразить реализации фонемы /ə/ в различном фонетическом контексте. Колебания в употреблении твердого и мягкого знака после *л* обусловлены, по-видимому, попытками отразить звучание сонорного /l/ либо /l/.

¹⁹ Отгlossированные подобным образом формы парадигмы синкретичны в казымском диалекте, см. [Каксин 2007: 61]. Примеры, цитируемые в таблице 3, разнесены по клеткам в зависимости от своей семантики в конкретных контекстах.

Обладатель		Обладаемое		
Число	Лицо	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
Дв.	1	n/a	n/a	n/a
	2	n/a	n/a	n/a
	3	n/a	n/a	n/a
Мн.	1	-еу, -эу, -ев, -у, -уу ондáz-еу-на милость-POSS.1PL-LOC ‘нашей милостью’ [с. 10, строка 11] Áзе-у отец-POSS.1PL ‘наш отец’ [с. 102, строка 7] тóрм-уу небо-POSS.1PL ‘наше небо’ [с. 9, строка 9]	n/a	(-л-у, -л-уу) ²⁰ хóт-л-у-на дом-PL-POSS.1PL-LOC ‘в наших домах’ [с. 46, строка 13] лílь-л-уу душа-PL-POSS.1PL ‘наши души’ [с. 144, строка 13]
	2	(-нъ) эль-нъ тело-POSS.2DU/3DU/2PL ‘ваше тело’ [с. 15, строка 8]	n/a	(-л-анъ) лíl-л-анъ душа-PL-POSS.2DU/3DU/2PL ‘ваши души’ [с. 80, строка 10] грéх-л-анъ грех-PL-POSS.2DU/3DU/2PL ‘ваши грехи’ [с. 123, строка 11]
	3	(-эль) нóмс-эль-на мысль-POSS.3PL-LOC ‘их умом’ [с. 117, строка 7] арат-эль-на множество-POSS.3PL-LOC ‘в их множестве’ [с. 58, строка 2]	n/a	-л-ал(ъ) óх-л-алъ голова-PL-POSS.3SG/3PL ‘их головы’ [с. 99, строка 7] рóт-л-ал-на род-PL-POSS.3SG/3PL-LOC ‘в их родах’ [с. 23, строка 13]

В целом система посессивных аффиксов соответствует описаниям западных хантыйских диалектов, см., например, [Николаева 1995: 86—87; Каксин 2007: 61; Кошкарева 2011: 171]. Заметим, что она не совпадает с системами шеркальского и низямского диалектов, с которыми оказался сходным инвентарь падежных маркеров в памятнике (см. раздел 2.2.1), в силу общего фонетического расхождения. Так, для клеток PL-POSS.3SG/3PL в [Steinitz 1975: 216; Honti 1986: 135] представлен показатель *-tat* (ср. *-л-ал(ъ)* в «Священной истории»), для клетки POSS.3PL — показатель *-et* (ср. *-эль* в «Священной истории»).

Как и в непосессивных формах (см. раздел 2.1), в посессивной парадигме не зафиксировано форм двойственного числа ни для обладателя, ни для обладаемого.

Некоторых комментариев требует маркер *-уу* — POSS.1PL (при единственном числе обладаемого). В [Николаева 1995: 86] такой аффикс (*-иw* в транскрипции автора) отмечен для усть-полуйского говора приуральского диалекта, в то время как в усть-собском говоре приуральского диалекта используется аффикс *-ew*, и он же используется в шурышкарском [Кошкарева 2011: 171], казымском [Каксин 2007: 61], шеркальском [Steinitz 1975: 216] и низямском [Honti 1986: 133—134] диалектах. В то же время в памятнике встречаются и варианты, соответствующие более частотному *-ew*.

В других ситуациях различий в посессивной парадигме между усть-собским и усть-полуйским говорами (см. [Николаева 1995: 86; Ядобчева-Дресвянина 2004: 57—59]) в «Священной истории» представлены формы, совпадающие с усть-собскими: ср., в частности, усть-собские варианты *-et* для POSS.1SG и *-en* для POSS.2SG, которые, как видно из таблицы 3, используются в памятнике, в то время как их усть-полуйские соответствия *-at* и *-an* нам не встретились.

²⁰ Первый из указанных вариантов встретился два раза, второй — один раз. В современных западнохантыйских диалектах этим вариантам соответствуют показатели, транскрибируемые как *-l-iw* в [Николаева 1995: 86], *-l-iw* в [Каксин 2007: 66], *-l-эв* в [Соловар и др. 2016: 114]. Вариативность написания в памятнике, по-видимому, вызвана попытками его авторов отразить позиционные изменения согласного /w/ в сочетании с гласным.

3. Личные местоимения

В описаниях западных диалектов хантыйского языка приводятся несколько моделей образования падежных форм личных местоимений. В казымском диалекте (см. [Koshkareva 2001]) выделяется форма аккузатива с показателем *-ət* либо *-ī*, ср. *н̄ə̄-ət* или *н̄ə̄-ī* (ты-ACC) ‘тебя’. Кроме того, выделена форма датива с посессивным показателем без дативного маркера (*н̄ə̄-en* (ты-2SG) ‘тебе’) либо с посессивным показателем и с дативным маркером (*н̄ə̄-en-a* (ты-2SG-DAT) ‘тебе’). Выбор между двумя дативными формами определяется, согласно [Koshkareva 2001], информационной структурой высказывания. Такое же описание парадигмы приводится в [Каксин 2007: 65].

Для шеркальского диалекта в [Steinitz 1975: 218] и для низямского диалекта в [Honti 1986: 147] приводятся формы аккузатива с показателем *-ət* (но не с показателем *-ī*), а также формы датива с посессивными показателями (но без дативного маркера).

Для шурышкарского диалекта в [Кошкарёва 2011: 168—169] не приводятся специальных форм аккузатива, формы с посессивным аффиксом (как *н̄ə̄en*) трактуются как имеющие двойную функцию датива-аккузатива, а формы с посессивным аффиксом и с дативным маркером (как *н̄ə̄ena*) трактуются как дативные.

Для приуральского диалекта в [Николаева 1995: 93—95; Ядобчева-Дресвянина 2004: 61—65] приводятся формы датива-аккузатива (по образцу *н̄ə̄en*), а также формы локатива, например *н̄ə̄-en-na* (ты-2SG-LOC) ‘тобой’. Кроме того, для 3 л. мн. ч. приведены формы *л̄iwi-l-al* (он-PL-3SG/3PL) ‘их/им’ и *л̄iwi-l-al-na* (он-PL-3SG/3PL-LOC) ‘ими’, образованные, по-видимому, по аналогии с формами множественного числа в посессивной парадигме существительного (эта точка зрения высказана и в [Rédei 1965: 50]).

В [Steinitz 1975: 42; Rédei 1965: 49] формы, соответствующие приуральской форме *л̄iwilal*, указаны и для шурышкарского диалекта. В [Кошкарёва 2011: 169] они лишь кратко упомянуты со ссылкой на цитируемую нами работу В. Штейница, но не приведены в изложении собственных данных авторов.

Система склонения личных местоимений, представленная в «Священной истории», обобщена в таблице 4. Обозначение «п/а» указывает на отсутствие формы в тексте. Если форма встретилась в памятнике менее трех раз, она заключается в скобки. При глоссировании форм местоимений мы, с одной стороны, показываем их внутреннюю структуру (наличие посессивного показателя), с другой стороны, отмечаем выражаемое падежное значение.

Таблица 4. Парадигма личных местоимений в тексте памятника

Число	Лицо	Падеж	
		Номинатив	Датив / Аккузатив
SG	1	<i>ма</i>	<i>ман-эмь</i> <i>ман-емь</i> я-1SG[DAT/ACC]
	2	<i>нын̄ь</i> (<i>нэн̄ь</i>) ²¹	<i>нын-эн̄ь</i> <i>нын-ен̄ь</i> ты-2SG[DAT/ACC]
	3	<i>луу</i>	<i>лу-эль</i> он-3SG[DAT/ACC]
DU	1	п/а	п/а
	2	п/а	п/а
	3	(<i>лин̄ь</i>)	п/а
PL	1	<i>мун̄ь</i>	<i>мун-эу</i> мы-1PL[DAT/ACC]
	2	<i>нын̄ь</i>	<i>нын-ил(л)-ан̄ь</i> вы-PL-2DU/PL[DAT/ACC]
	3	<i>лӣи</i>	<i>луи-л-аль</i> он-PL-3SG/3PL[DAT/ACC] (<i>ли-л-аль</i>) они-PL-3SG/3PL[DAT/ACC]

²¹ Форма *нэн̄ь* встретилась в памятнике один раз [с. 110, строка 9].

Как видно из таблицы 4, в памятнике представлены только форма номинатива и синкретичная форма датива-аккузатива, что соответствует фрагментам системы приуральского и шурышкарского диалектов. Представлена также форма 3 л. мн. ч. *луй-л-аль*, о которой шла речь выше, и форма 2 л. мн. ч. *нын-ил(л)-ань*, не упомянутая в процитированных описаниях, но образованная по той же морфологической модели. Форм со специальным показателем аккузатива (*-ət* или *-tĩ*), форм с дативным аффиксом (как *пәҗена*) и форм локатива выявлено не было.

Форма 3 л. дв. ч. встретилась в памятнике один раз, см. пример (31), где, однако, эта форма рассогласована со сказуемым, которое оформлено множественным числом. Это укладывается в общую тенденцию неупотребления форм двойственного числа в памятнике, см. также раздел 2.1 о числовом оформлении существительных и раздел 2.3 о посессивной парадигме.

- (31) *Иоакімъ на Анна нұрс-яма-т-эль* *унд-ы о-с-атъ,*
 Иоаким ADD Анна старый-PUNCT-IPFV.PTCP/INF-POSS.3PL до-ILL жить-PST-3PL
нйвремь антъ тэй-с-атъ. Линь аръ ситъ орын-на тыжста-с-атъ...
 ребенок NEG иметь-PST-3PL они.DU много то для-LOC печалиться-PST-3PL
 ‘Иоаким и Анна дожили до старости, и у них не было детей. Они очень печалились из-за этого...’ [с. 56, строки 7—8]

Требуют комментариев также местоимения 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. Форма номинатива записывается для них в памятнике одинаково — *нынъ*. Вместе с тем в контекстах ед. ч. и мн. ч. эта форма проявляет разные синтаксические свойства. Так, она демонстрирует разное числовое согласование с вершиной посессивной группы (32), с финитной формой глагола (33) и с именным предикатом (34).

- (32) а. *...нынъ род-энъ эультъ ман-а на муу-на...*
 ты род-POSS.2SG от идти-IMP ADD земля-LOC
 ‘...от твоего рода иди в другую землю...’ [с. 27, строка 10]
- б. *...ма нынъ эль-нъ либи-на сорама ли²²*
 я вы тело-POSS.2DU/3DU/2PL внутренность-LOC смерть CAR
лиль пон-с-эмъ...
 дух класть-PST-1SG.S.(SG.O)
 ‘...я вложил в ваши тела бессмертный дух...’ [с. 15, строки 7—8]
- (33) а. *ходы сагатъ си элемъ нынъ ось-ты нит-с-анъ?*
 как за тот стыд ты знать-IPFV.PTCP/INF стать-PST-2SG
 ‘Почему ты познал этот стыд?’ [с. 17, строки 12—13]
- б. *...нынъ ось-л-аты, нэнхо лиль тәи-ль, эл-ль тәи-ль.*
 вы знать-NPST-2PL человек душа иметь-NPST тело-POSS.3SG иметь-NPST
 ‘...вы знаете, у человека есть душа, есть тело’ [с. 80, строки 4—5]
- (34) а. *ена Нынъ Торымъ Похъ!*
 действительно ты бог сын
 ‘Воистину Ты Сын Божий!’ [с. 96, строка 8]
- б. *О-ян-атъ нынъ, хунъ на хоят-атъ нын-ил-анъ тәгилие*
 блаженство-ATTR-PL вы когда ADD человек-PL вы-PL-2DU/PL[DAT/ACC] напрасно
лйут-ты на вожста-ты нит-л-атъ...
 ругать-IPFV.PTCP/INF ADD гнать-IPFV.PTCP/INF стать-NPST-3PL
 ‘Блаженны вы, когда другие люди вас будут напрасно бранить и гнать...’ [с. 79, строки 12—13]

Объяснить употребление формы *нынъ* в памятнике можно, по-видимому, двумя путями. Во-первых, нельзя исключать совпадения формы 2 л. ед. ч. и формы 2 л. мн. ч. в говоре, которым владели авторы памятника, — см., например, описание подобной ситуации для шурышкарского диалекта (говор с. Мужы) в [Rédei 1965: 49] и для шеркальского диалекта в [Steinitz 1975: 218], где обе формы записаны как *пәҗ* и эксплицитно отмечено их совпадение. В этом случае, однако, не вполне ясно, почему синтаксические контексты этих форм в тексте памятника устойчиво различаются.

²² Данная единица соответствует деривационному аффиксу каритива *-лї*. В тексте памятника она может писаться с существительным как слитно, так и раздельно.

Во-вторых, нельзя исключать и того, что в данных формах имеется одинаковый конечный согласный /ŋ/, но разные гласные, в памятнике обозначенные одной буквой²³. В целом в большинстве описаний формы личных местоимений 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. подаются как различные. В шурышкарском и казымском диалектах они выглядят, согласно [Кошкарева 2011: 168—170], как *nǎŋ* (2 л. ед. ч.) и *nīŋ* (2 л. мн. ч.)²⁴ — с некоторыми вариациями в обозначении гласных в разных источниках, но с четким различием согласных /ŋ/ для ед. ч. и /n/ для мн. ч., см. также [Steinitz 1975: 42; Каксин 2007: 65; Соловар и др. 2016: 109—110].

Вторая гипотеза согласуется с материалами по приуральскому диалекту, приведенными в [Николаева 1995: 93—94]: для обеих форм дается конечный согласный /ŋ/, записываются эти формы как *nǎŋ* и *nīŋ*. Для многих хантыйских говоров совпадение конечных согласных в этих формах отмечено и в [DEWOS: 1004]. В то же время в [Ядобчева-Дресвянина 2004: 61; Соловар и др. 2016: 111] для 2 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч. дается форма *нын*, отличная от формы 2 л. ед. ч. (что совпадает с описаниями шурышкарского и казымского диалектов). В грамматическом очерке к словарю [Кошкарева 2011: 170] также указывается вариант *nīn* для 2 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч., однако в самом словаре данной форме приписано только значение 2 л. дв. ч. [там же: 85]. Эти данные противоречат обсуждаемой здесь возможности — как, впрочем, и данным К. Редей и В. Штейница, на которых основана альтернативная гипотеза.

Некоторая проблема обеих высказанных гипотез состоит в том, чтобы объяснить отражение фонемы /ǎ/ в слове *nǎŋ* ‘ты’ буквой *ы* (либо отражение этой буквой фонемы, обозначенной в [Rédei 1965: 49; Steinitz 1975: 218] как /a/). Других примеров такого соответствия в тексте «Священной истории» нет. В то же время оно может объясняться упрежденным характером краткого /ǎ/, отмеченным, например, в [Куркина 2000: 57; Иванов 2010: 5], а также проявляющимся в том, что /ǎ/ после палатализованных согласных в некоторых случаях отражается в памятнике буквой *е*, ср. *sedá* [с. 28, строка 4] — каз. *šáta* ‘там’; *нель-э́нгъ* [с. 140, строка 9] — каз. *nǎl jaŋ* ‘сорок (букв.: четыре десятка)’; *емь* [с. 112, строка 14] — *jǎm* ‘хороший’.

4. Заключение

В статье были рассмотрены особенности именной морфологии памятника хантыйской письменности «Священная история». В работах предшественников материал этого памятника, насколько нам известно, с такой точки зрения не обсуждался. В целом устройство именных категорий в исследуемом тексте носит не вполне последовательный характер. Оно в основном соответствует тем сведениям о западных хантыйских диалектах, которые содержатся в литературе, но в разных точках совпадает с данными по разным диалектам, а иногда демонстрирует специфические особенности либо следы архаичного состояния языковой системы.

В памятнике прослеживаются некоторые черты приуральского диалекта. В первую очередь, это закрепление за локативом (падежом с маркером *-na*) и контекстов локализации, и контекстов конечной точки. Кроме того, это маркер POSS.1PL *-уу*, зафиксированный в изученных нами работах предшественников только в усть-полуйском говоре приуральского диалекта. Архитектура падежной парадигмы личных местоимений тоже соответствует описаниям приуральского диалекта (будучи в то же время совместимой с описаниями шурышкарского диалекта). При этом возможны различные интерпретации того факта, что формы 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. в памятнике записываются одинаково (как *нынъ*).

Одновременно с этим в памятнике не представлен специализированный падежный маркер с транслативной семантикой, имеющийся в приуральском диалекте. Соотношение используемых в тексте падежных маркеров (*-a* для иллатива и *-na* для локатива) не соответствует данным современных западнохантыйских диалектов, за исключением шеркальского и низямского, с которыми, однако, в «Священной истории» имеются бросающиеся в глаза отличия и на фонетическом уровне, и в некоторых точках морфологической системы. В этих случаях в памятнике сохраняются прахантыйские показатели (то же, по видимому, имеет место в шеркальском и низямском диалектах).

Среди специфических особенностей памятника можно выделить, во-первых, практически полное отсутствие форм двойственного числа (что сложно объяснить на фоне данных по современному хантыйскому языку, где эта граммема сохранна куда в большей степени, чем если бы она находилась в настолько

²³ Логически возможный вариант с обозначением одной буквой *n* согласных /n/ и /ŋ/ маловероятен, поскольку не соответствует графической системе памятника в целом (и, кроме того, было бы странно основываться на допущении, что фонема /n/, легко передаваемая буквой *n* из стандартного кириллического алфавита, зачем-то стала бы передаваться добавленной в алфавит буквой *n*).

²⁴ Форма *nīn* функционирует и как личное местоимение 2 л. дв. ч.

пассивном употреблении в конце XIX в.), во-вторых, закрепление за падежом с маркером *-a* иллативных и транслативных (но не дативных) функций, не описанное в существующих очерках падежной семантики в западных хантыйских диалектах. В этой связи интересным направлением дальнейшего исследования могло бы быть подробное изучение функций этого маркера в архивных материалах по низямскому и шеркальскому диалектам, учитывая, что с этими диалектами сходен сам набор падежных показателей в памятнике.

Окончательное решение вопроса о диалектной природе «Священной истории» должно основываться на комплексном учете не только рассмотренного нами материала, но и, как минимум, подробного анализа особенностей фонетики, лексики и глагольной морфологии, который заведомо выходит за рамки одной статьи. Свой отпечаток на языковые особенности памятника могла наложить и специфическая социолингвистическая ситуация его написания, к которому, весьма вероятно, привлекались люди, выучившие хантыйский язык не как родной. Этот вопрос нуждается в отдельном историческом исследовании (а данные из текстов такого рода, по-видимому, не должны быть лишены критической оценки). В то же время подобная ситуация любопытна для понимания процессов, которые происходят при создании литературных текстов на языках с зарождающейся письменной традицией.

Сокращения

Общие

каз. — казымский диалект

шерк. — шеркальский диалект

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

LOC — локатив

ACC — аккузатив

NEG — отрицание

ADD — аддитивная частица

NMN — номинализация

ATTR — атрибутивизатор

NPST — непрошедшее время

CAR — каритив

O — объект

CAUS — каузатив

PFV.PTCP — перфективное причастие

CVB — конверб

PL — множественное число

DAT — датив

POSS — посессивность

DETR — детранзитивизатор

PST — прошедшее время

DU — дуалис

PUNCT — пунктив

ILL — иллатив

S — субъект

IMP — императив

SG — единственное число

INF — инфинитив

SO — субъектно-объектное спряжение

IPFV.PTCP — имперфективное причастие

Литература

Архипов 2009 — *Архипов А. В.* Типология комитативных конструкций. М., 2009. {*Arkipov A. V.* Typology of comitative constructions. M., 2009.}

Иванов 2010 — *Иванов В. А.* Фонетика говора с. Теги. Экспедиционный отчет. Рукопись. М., 2010. {*Ivanov V. A.* Phonetics of the Tegi subdialect. Fieldwork report. Manuscript. M., 2010.}

Исаева 2015 — *Исаева В. С.* Просветительская деятельность игумена Иринарха // Электронный журнал «Образование Ямала». 2015, 10 // <http://yamal-obr.ru/articles/prosvetitelskaya-devatelnost-igumena-iri>, 2015. {*Isaeva V. S.* Educational activities of hegumen Irinarkh // Online journal "Education of Yamal". 2015, 10 // <http://yamal-obr.ru/articles/prosvetitelskaya-devatelnost-igumena-iri>, 2015.}

Каксин 2007 — *Каксин А. Д.* Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2007. {*Kaksin A. D.* The Kazym dialect of Khanty. Khanty-Mansiysk, 2007.}

Кошкарева 2005 — *Кошкарева Н. Б.* Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / ред. *Широбокова Н. Н.* Новосибирск, 2005. С. 74—119. {*Koshkareva N. B.* The syntactic devices of expressing locative relations (evidence from the Uralic and Tungusic languages of Siberia // Ways of forming the linguistic landscape of Siberia / Ed. *Shirobokova N. N.* Novosibirsk, 2005. P. 74—119.}

Кошкарева 2011 — *Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А.* Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / под общ. ред. *Кошкаревой Н. Б.* Екатеринбург,

бург, 2011. {*Valgamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shijanov A. A.* Dialectological dictionary of Khanty (Shuryshkary and Obdorsk dialects) / Ed. *Koshkareva N. B.* Ekaterinburg, 2011.}

Кошкарева 2013 — *Кошкарева Н. Б.* Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013, 3 (14). С. 47—78. {*Koshkareva N. B.* Current issues of developing Khanty graphics and orthography // *Bulletin of Ugric Studies.* 2013, 3 (14). P. 47—78.}

Кошкарева, Соловар 2007 — *Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н.* Увты муй ўвты. Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007. {*Koshkareva N. B., Solovarov V. N.* Увты муй ўвты. Course of Khanty practical phonetics (Kazym dialect). Novosibirsk, 2007.}

Куркина 2000 — *Куркина Г. Г.* Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000. {*Kurkina G. G.* The vowel system of Khanty (an experiment-based study). Novosibirsk, 2000.}

Майтинская 1982 — *Майтинская К. Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982. {*Maytinskaya K. E.* Function words in the Finno-Ugric languages. M., 1982.}

Мымрина 2006 — *Мымрина Д. Ф.* Категория падежа в диалектах хантыйского языка (сопоставительный аспект). Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. {*Mymrina D. F.* The category of case in Khanty dialects (a comparative study). Candidate of Philology thesis. Tomsk, 2006.}

Николаева 1995 — *Николаева И. А.* Обдорский диалект хантыйского языка. М. — Гамбург, 1995. {*Nikolaeva I. A.* The Obdorsk dialect of Khanty. M. — Hamburg, 1995.}

Онина, Козлов 2013а — *Онина С. В., Козлов А. А.* Словарь низямского диалекта хантыйского языка. I. А—S // Урало-алтайские исследования. 2013, 3. С. 104—126. {*Onina S. V., Kozlov A. A.* Dictionary of Nizyam Khanty. I. A—S // *Ural-Altai Studies.* 2013, 3. P. 104—126.}

Онина, Козлов 2013б — *Онина С. В., Козлов А. А.* Словарь низямского диалекта хантыйского языка. II. Т—X // Урало-алтайские исследования. 2013, 4. С. 76—96. {*Onina S. V., Kozlov A. A.* Dictionary of Nizyam Khanty. II. T—X // *Ural-Altai Studies.* 2013, 4. P. 76—96.}

Сидорова 2016 — *Сидорова М. А.* Конкуренция формы двойственного числа и конструкции с числительным в хантыйском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3 / Ред. *Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. В.* М., 2016. С. 260—272. {*Sidorova M. A.* Competition between the form of dual number and the numeral construction in Khanty // *Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2016”.* Vol. 3 / Eds. *Lyutikova E. A., Tsimmerling A. V., Konoshenko M. B.* M., 2016. P. 260—272.}

Соловар 2011 — *Соловар В. Н.* Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Дисс. ... докт. филол. наук. Йошкар-Ола, 2011. {*Solovarov V. N.* Paradigm of the simple sentence in Khanty (Kazym dialect). Doctor of Philology thesis. Yoshkar-Ola, 2011.}

Соловар 2014 — *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Ханты-Мансийск, 2014. {*Solovarov V. N.* Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect). Khanty-Mansiysk, 2014.}

Соловар и др. 2016 — *Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А.* Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2016. {*Solovarov V. N., Nakhraчева G. L., Shijanov A. A.* Dialects of Khanty. Khanty-Mansiysk, 2016.}

Софронов 2005 — *Софронов В. Ю.* Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (конец XVII — начало XX вв.). Часть I. Тобольск, 2005 // <http://textarchive.ru/c-2649974-p8.html>, 2005. {*Sofronov V. Ju.* Missionary and religious-educational activities of the Russian Orthodox Church in the Western Siberia (end of XVII — beginning of XX centuries). Part I. Tobolsk, 2005 // <http://textarchive.ru/c-2649974-p8.html>, 2005.}

Тобольские Епархиальные ведомости 1888 — Тобольские Епархиальные ведомости. 1 и 16 июня 1888 г. № 11—12. {*Bulletin of the Tobolsk Eparchy.* June 1 and 16, 1888. № 11—12.}

Хонти 1993 — *Хонти Л.* Хантыйский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 301—319. {*Honti L.* Khanty // *Languages of the world. Uralic languages.* M., 1993. P. 301—319.}

Штейниц 1937 — *Штейниц В.* Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. / Ред. *Прокофьев Г. Н.* М. — Л., 1937. С. 193—227. {*Steinitz W.* Khanty (Ostyak). Languages and writing systems of Northern peoples / Ed. *Prokofiev G. N.* M. — L., 1937. P. 193—227.}

Ядобчева-Дресвянина 2014 — *Ядобчева-Дресвянина В. Я.* Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. {*Yadobcheva-Dresvyanina V. Ja.* Declension and conjugation in the Obdorsk dialect of Khanty. Candidate of Philology thesis. SPb, 2004.}

Creissels 2008 — *Creissels D.* Spatial cases // *The Oxford handbook of case* / Eds. *Malchukov A., Spencer A.* Oxford, 2008. P. 609—625.

de Groot 2017 — *de Groot C.* The typology of the essive in the Uralic languages // *Uralic essive and the expression of impermanent state* / Ed. *de Groot C.* Amsterdam — Philadelphia, 2017. P. 497—549.

DEWOS — *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache.* 1—13. Lieferung / *Steinitz W., Sauer G.* u.a. Berlin, 1966—1991.

- Honti 1986 — *Honti L.* Chrestomathia Ostiacica. Budapest, 1986.
- Honti 1997 — *Honti L.* Numerusprobleme (Ein Erkundungszug durch den Dschungel der uralischen Numeri) // Fin-nisch-Ugrische Forschungen. 1997. Band 54, Heft 1—2. S. 1—126.
- Khomchenkova 2018 — *Khomchenkova I.* On comitative constructions in Kazym Khanty. Fieldwork report. Manuscript. Moscow, 2018.
- Koshkareva 2001 — *Koshkareva N.* The case systems of nouns and pronouns in Khanty // Variierende Markierung von Nominalgruppen in Sprachen unterschiedlichen Typs / Eds. *Boeder W., Hentschel G.* Oldenburg, 2001. P. 235—254.
- Moldanova, Normanskaia 2018 — *Moldanova I., Normanskaia Y.* The Graphical Features of the first texts in the Khanty language // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Vol. 5, 3.1. P. 197—204.
- Rédei 1965 — *Rédei K.* Northern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1965.
- Steinitz 1975 — *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Band I. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten Texte. Berlin, 1975.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются особенности именной морфологии в памятнике хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900). Анализируется инвентарь показателей числа, падежа и посесивности, а также особенности падежной семантики. Обсуждается устройство парадигмы личных местоимений. Материал сопоставляется с опубликованными данными западных хантыйских диалектов.

SUMMARY

The article deals with nominal morphology in a Khanty manuscript “Sacred history” (Tobolsk, 1900). I analyze the inventory of number, case, and possessive markers, as well as some peculiarities in the use of case forms. The paradigm of personal pronouns is also discussed. The material is compared with previously published data on Western Khanty dialects.

Ключевые слова: хантыйский язык, диалекты, письменные памятники, морфология имени

Keywords: Khanty, dialects, ancient manuscripts, nominal morphology

Кашкин Егор Владимирович, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), Томский государственный университет; egorka1988@gmail.com

Egor V. Kashkin, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Moscow), Tomsk State University; egorka1988@gmail.com

«Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков» (1900) святого Макария: местоимение, наречие, прилагательное, числительное, послелого, частицы, провербы¹

1. Введение

Настоящая работа является продолжением описания памятника селькупской письменности — «Бесед...» святого Макария [Ковылин 2018] — и посвящена морфологии местоимения, наречия, прилагательного, числительного, послелогов, частиц, а также провербов. Статья, с одной стороны, нацелена на формальное описание данного идиома, а с другой — имеет сопоставительный характер и нацелена на выявление его особенностей. Подробная информация о памятнике и информантах изложена в работе о «Беседах...» святого Макария [Ковылин 2018]; в этом разделе мы лишь кратко опишем данные, релевантные для анализа материала, представленного в статье.

В текстах св. Макария представлено большое количество морфов, что объясняется нечеткостью записей, а также неправильные или приблизительные переводы частей предложений, что затрудняет интерпретацию. Однако в целом перевод текстов и качество записей позволяют провести их последовательный анализ.

В нашей работе используется классификация селькупских диалектов Т. Янурика², согласно которой селькупский язык можно подразделить на три диалектные группы — северную, центральную и южную [Глушков и др. 2013: 49—54].

Северная группа включает следующие диалекты: 1) тазовский; 2) ларьякский (верхнетолькинский); 3) карасинский; 4) туруханский; 5) баихинский (баишенский); 6) елогуйский. Этнонимическое название данной части селькупов — с е л ь к у п.

Центральная группа включает следующие диалекты: 1) ваховский; 2) тымский; 3) васюганский; 4) нарымский. Этнонимическое название данной части селькупов — ч у м ы л ь к у п.

Южная группа включает следующие диалекты: 1) среднеобской; 2) чаинский; 3) кетский; 4) верхнеобской; 5) чулымский. Этнонимическое название данной части селькупов — ш ё ш к у м и ш ё ш к у п, т ю й к у м, с ю с с ы к у м (с ю с с о к о й к у м).

В рамках исследования используется дополнительная классификация, в соответствии с которой выделяются следующие диалекты: 1) тымский (тымские, васюганские и чижапские чумылькупы); 2) обской диалект от Нарыма до Колпашево (среднеобские говоры чумылькупов, среднеобские говоры шёшкупов, верхнеобские говоры сюсюкумов выше Колпашево); 3) кетский диалект (кетские сюсюкумы) [Беккер и др. 1995а: 23].

Анализируемый материал является одним из первых памятников письменности на иванкинском говоре/диалекте, входящем в среднеобской диалект селькупского языка и относящемся к среднеобским говорам шёшкупов. Оригинал памятника опубликован в книге Х. Катца “Selkupica 2. Erzbischof Makarijs Besedy ob Istinnom Boge i Istinnnoj Vere na Narecii Obskich Ostjakov von 1900” [Katz 1976]. Книга св. Макария «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков» включает в себя 201 селькупское предложение и 1878 лексем. Перевод памятника на селькупский язык был сделан с алтайского языка, а к селькупскому был приложен буквальный русский перевод [ОТК 1901: 5].

В составлении текстов приняли участие два информанта: Роман Сергеевич Тобольжин и Никифор Максимович Тобольжин [Дульзон 1952: 278; ОТК 1901: 5].

Далее в тексте работы рассматриваются диалектологические критерии с целью диалектной локализации данного идиома, местоимения (личные, возвратно-личные местоимения *on-* ‘сам’ и *nure-* ‘сам’,

¹ Анализ материала выполнен при поддержке гранта РФФИ № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (рук. В. М. Алпатов); корпус <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1606/106079/perspective/1606/106082/view>, материал которого лег в основу статьи, создан при поддержке гранта Правительства России № 14.У26.31.0014 «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур».

² Классификация дополнена С. В. Глушковым, А. В. Байдак и Н. П. Максимовой.

взаимно-личные, вопросительные местоимения *кот* 'кто' и *кай* 'что', отрицательные местоименные конструкции, неопределенные, указательные местоимения, наречия, прилагательные и числительные от местоименных основ), наречия (простые наречия, наречия-дериваты), прилагательные (качественные, относительные), числительные (количественные, собирательные, порядковые), послелого (серийные и несерийные), частицы и провербы.

2. Диалектологические критерии

Далее представлен набор критериев, значимых для выявления специфики материалов диалекта св. Макария. Написанные на нем тексты демонстрируют распределение признаков, свойственных северным, центральным и южным диалектам селькупского языка XIX в. и ранее [Хелимский 1985; Глушков и др. 2013: 54]:

1) распределение носовых и смычных в ауслaute: Юж. *-m, -n, -ŋ*; Центр. *-p, -t, -k*; Сев. *-m/-p (~ Ø), -n/-t (~ Ø), -ŋ/-k (~ Ø)*;

2) отражение $*š^j > s$: Сев., Центр. $š^j$; Юж. s ;

3) отличительной чертой нарымского диалекта является развитие $*s > h, χ$ - и $*ps > f$. На материале источников XVIII в. это развитие прослеживается еще крайне нерегулярно, но спустя столетие нарымский диалект характеризовался уже вполне последовательным употреблением h, f вместо $*s, *ps$ (записи М. А. Кастрена). Данный критерий помогает отделить центральный нарымский диалект от южной диалектной зоны;

4) у Е. А. Хелимского вызывает сомнения использование в качестве диалектологического маркера соответствия Юж. *-j*; Центр. *-l/-lʲ*; Сев. *-lʲ*. В обском диалекте чередование *-j* и *-l/-lʲ* представлено на уровне морфонологии и на стыках слов. Однако данный критерий помогает довольно последовательно разделить центральные и южные диалекты селькупского языка: в южных диалектах доминирует показатель *-j*, а в центральных — *-l/-lʲ*.

В диалекте материалов св. Макария используются носовые смычные в ауслaute *-m, -n, -ŋ*, что сближает его с южными диалектами; используются согласные s и $š$, характерные как для центральных, так и для южных диалектов; отмечаются согласные s и z , свойственные всем южным диалектам; последовательно используется согласный *-j*, соотносящийся с южной диалектной зоной и лишь в редких случаях согласный *-l* (два примера), соотносящийся с центральными диалектами. Подробное обсуждение данных признаков следует далее.

3. Местоимение

В местоименной морфологии текстов св. Макария выделяются: 1) личные местоимения; 2) возвратно-личные местоимения *он-* 'сам' и *нире-* 'сам'; 3) взаимно-личные местоимения; 4) вопросительные местоимения *кот* 'кто' и *кай* 'что'; 5) отрицательные местоименные конструкции; 6) неопределенные местоимения; 7) указательные местоимения; 8) наречия, прилагательные и числительные от местоименных основ. Местоимения могут изменяться по лицам, числам, падежам, а также иметь маркеры посессивности.

3.1. Личные местоимения

Личные местоимения изменяются по лицам, числам, падежам и могут нести на себе маркеры посессивности. Посессивные показатели зафиксированы только при использовании косвенных падежей.

Категории лица, числа, падежа и посессивности

В материалах св. Макария зафиксированы следующие личные местоимения 1, 2, 3 л. ед., дв., мн. ч.: 1SG *ман* (*маны*); 2SG *тан*; 3SG *табы* (*тыбы, таб, тапы, тыпы, тан*); 1PL *ме* (*мий*); 2DU и 2PL *те* (*мий, тий*); 3DU *табыяк, табыитыяк*; 3PL *табыла*. В селькупском языке личные местоимения 2 л. дв. и мн. ч. не противопоставляются [Беккер и др. 1995б: 75], а информация о числе в этом случае либо понимается из контекста, либо выражается в лице-числовых маркерах глагола или в маркерах посессивности, оформляющих соответствующие личные местоимения в косвенных падежах. Двойственное и множественное число различаются морфологически только у личных местоимений 3 л., где соответствующие маркеры числа присоединяются к местоимению 3SG *табы*. В материалах св. Макария для выражения двойственного числа в третьем лице используются маркеры *-ягы* (*-яги, -як*) и *-итыяк*. Маркер *-ягы* состоит из двух элементов, обозначающих двойственное число: *-я* 'DU' + *-гы* 'DU'; маркер *-итыяк* — из трех

элементов: *-шиты* < *шиты* ‘два’ + *-я* ‘DU’ + *-гы* ‘DU’. Для выражения множественного числа в третьем лице используется маркер *-ла*. Далее представлены примеры личных местоимений в номинативе.

Номинатив

1SG: *ман* (*маны*)³

- (1) *Ку-ла-м крѣкы-н-ты-нто то джаджы-ку, Ман Он-ен кам уйде-нынч-аӀ.*
 человек-PL-ACC грех-GEN-POSS.3SG-ABL1 прочь выбросить-INF 1SG сам-1SG кровь пустить-FUT-1SG.sub
 ‘Чтобы людей от грехов искупить, Я свою кровь пролью’ [Макарий 1900: 18].

2SG: *тан*

- (2) *Тан Табы-н чаат каинду-й чипкола ней таады-р-ет.*
 2SG 3SG-GEN за как-ADJZ ?печаль EMPH принести-CHAR-IMP.2SG.ob
 ‘Ты за Него какие скорби будут — терпи’ [Макарий 1900: 23].

3SG: *табы* (*тыбы, таб, тапы, тыны, тан*)

- (3) *А на-н-ко тыбы най на оқыр и-т э-пп-а.*
 а это-GEN-DEST 3SG EMPH это один сын-POSS.3SG быть-PSTN-3SG.sub
 ‘Потому что у нее это один сын был’ [Макарий 1900: 11].

2DU/2PL: *те* (*тій, тий*)

- (4) *Те кай-но тау по-кый чопыры-м аз ам-чы-ли?*
 2PL что-DEST это дерево-LOC.ADJZ плод-ACC NEG есть-?IPRF-2DU
 ‘Вы почему этого дерева плоды не едите?’ [Макарий 1900: 4] (см. этот же пример под № 45).

3DU: *табыяк, табыштыяк*

- (5) *Табы-я-к Ну-ни ас ѓнгӱльча-ак, лоз-ны ѓнгӱльча-ак.*
 3SG-DU-DU Бог-LAT2 NEG послушать-PRS.3DU.sub дьявол-LAT2 послушать-PRS.3DU.sub
 ‘Они Бога не послушали, а дьявола послушались’ [Макарий 1900: 3].

1PL: *ме* (*мій*)

- (6) *На мы-гынто мій тӓн-ут, Иусус Христос Ну-н И-т эй-г-аӀ.*
 это вещь-ABL1 1PL знать-PRS.1PL Иисус Христос Бог-GEN сын-POSS.3SG быть-EP-PRS.3SG.sub
 ‘Из этого мы знаем, (что) Иисус Христос Божий Сын есть’ [Макарий 1900: 17].

2DU/2PL: *те* (*тій, тий*)

- (7) *Ман ѓдушише-з-аӀ, тій Массым ас ыт-толџи-с-ылыт.*
 1SG захотеть.пить-PST-1SG.sub 2PL 1SG.ACC NEG выпить-CAUS-PST-2PL
 ‘Я жаждал, вы Меня не напоили’ [Макарий 1900: 27].

3PL: *табыла*

- (8) *Нашакын табы-ла Табы-ни чыдџе-нч-ат.*
 тогда 3SG-PL 3SG-LAT2 говорить-FUT-3PL
 ‘Тогда и они Ему ответят’ [Макарий 1900: 27].

В южных и центральных диалектах селькупского языка падежная система личных местоимений отличается от падежной системы существительных по количеству падежей и по способу образования косвенных падежных форм [Беккер и др. 1995б: 79]. Для местоимений 1 и 2 л. характерно образование косвенных падежей при помощи посессивных суффиксов, которые подчеркивают лицо и число местоимения, в то время как для местоимений 3 л. используются обычные маркеры падежей [там же].

Далее рассмотрим сопоставительную таблицу 1, демонстрирующую личные местоимения в номинативе на основе переводных текстов Н. П. Григоровского [Григоровский 1879а, б], архивных материалов лаборатории языков народов Сибири (ЛЯНС) по иванкинскому говору селькупского языка (среднеобские говоры шѣшкун/шѣшкуп) [Архив ЛЯНС 1980—1981⁴], очерков по тазовскому диалекту селькупского языка [Кузнецова и др. 1980: 141—144, 289], очерков по центральным и южным диалектам селькупского языка [Беккер и др. 1995б: 71, 77—78], русско-селькупского разговорника на базе говора шѣшкуп/шѣшкун [Быконя 1999: 14], а также данных по грамматике центральных и южных диалектов селькупского языка, представленных в «Селькупско-русском диалектном словаре» [Быконя и др. 2005: 340].

³ Здесь и далее в скобках представлены морфы, зафиксированные в обсуждаемом памятнике.

⁴ Архивные материалы лаборатории языков народов Сибири по иванкинскому говору селькупского языка. Тома 55 и 58.

Таблица 1. Личные местоимения в номинативе

Число	Лицо	Тазовский диалект	Тымский диалект	Среднеобские говоры	Среднеобские говоры (1 случай)	Св. Макарий*	Верхнеобские говоры	Н. П. Григоровский**	Кетский диалект
Ед. ч.	1	<i>тап~тап</i>	<i>тап ~ тап</i>	<i>тап~тап</i>	<i>тап, ман (1 случай)</i>	<i>ман (маны)</i>	<i>тап</i>	<i>ман(ь)</i>	<i>тап</i>
	2	<i>тап ~ тап</i>	<i>тап ~ тап</i>	<i>тап~тап</i>	<i>тап, тап</i>	<i>тап</i>	<i>тап</i>	<i>тап</i>	<i>тап</i>
	3	<i>теп ~ теп</i>	<i>теп ~ теп</i>	<i>тап (таб), теп</i>	<i>таб</i>	<i>табы (тыбы, таб, тапы, тыпы, тап)</i>	<i>таб</i>	<i>таб(ь)</i>	<i>теп (теб)</i>
Дв. ч.	1	<i>те</i>	<i>те</i>	<i>ми шидэги</i>	—	—	<i>те</i>	—	<i>те</i>
	2	<i>те</i>	<i>те</i>	<i>ти шидэги</i>	<i>те (тй, тий)</i>	—	<i>те</i>	—	<i>те</i>
	3	<i>тепэқи</i>	<i>табеR (тебеR)</i>	<i>табла шидэги, табыттыя издыя</i>	<i>табьяк, табыттыяк</i>	—	<i>табјшт а(q) (табјштјау)</i>	<i>табьягь</i>	<i>тепқи</i>
Мн. ч.	1	<i>те</i>	<i>те</i>	<i>ми</i>	<i>ме (мй)</i>	—	<i>те</i>	<i>ме</i>	<i>те</i>
	2	<i>те</i>	<i>те</i>	<i>ти</i>	<i>те (тй, тий)</i>	—	<i>те</i>	<i>те</i>	<i>те</i>
	3	<i>тепу~тепул</i>	<i>тебит, тебин</i>	<i>табла</i>	<i>табыла</i>	—	<i>табјла, табјт</i>	<i>табла</i>	<i>тепла, тебат</i>

* Здесь и далее подобным образом будет представлен идиом материалов св. Макария.

** Здесь и далее подобным образом будет представлен идиом материалов Н. П. Григоровского.

На основании данных из таблицы 1 можно сделать следующие выводы.

1) В кетском диалекте, диалекте материалов св. Макария, материалов Н. П. Григоровского и верхнеобских говорах используется личное местоимение 1SG *man*. В среднеобских говорах шёшкумов/шёшкупов (за исключением одного случая) используется личное местоимение 1SG *mat*. В тазовском, тымском диалектах и среднеобских говорах отмечается использование местоимений 1SG *man* ~ *mat*. Согласно распределению носовых и смычных в ауслaute, в материалах св. Макария конца XIX в. используется согласный *-n*, что является чертой, свойственной южной диалектной группе, в то время как в материалах среднеобских говоров шёшкумов/шёшкупов конца XX в. используется согласный *-t*, что является чертой, свойственной центральной диалектной группе, за исключением одного случая, где используется согласный *-n*. Рефлексация *-n* ~ *-t* в ауслaute характерна для современных центральных и северных диалектов и отличается от данных Е. А. Хелимского, относящихся к XIX в. и ранее: Юж. *-m*, *-n*, *-ŋ*; Центр. *-p*, *-t*, *-k*; Сев. *-m/-p* (~ Ø), *-n/-t* (~ Ø), *-ŋ/-k* (~ Ø) [Хелимский 1985].

2) В тазовском, тымском диалектах и всех среднеобских говорах личные местоимения 2SG имеют форму *tan* ~ *tat*, во всех остальных диалектах — *tan*. При сравнении выяснилось, что в материалах св. Макария за конец XIX в. используется согласный *-n* в ауслaute, что свойственно южной диалектной группе, в то время как в данных за конец XX в. (среднеобские говоры шёшкумов/шёшкупов) допускается вариация *-n* ~ *-t*, свойственная современным центральным и северным диалектам. Как и в предыдущем случае, рефлексация согласных в ауслaute в современных центральных диалектах отличается от данных за XIX в., ранее зафиксированных Е. А. Хелимским [Хелимский 1985].

3) Во всех диалектах, за исключением тазовского и тымского, личное местоимение 3SG имеет форму *tab*, в тымском и тазовском диалекте — *tem* ~ *tep*⁵. Никаких различий между диалектом текстов св. Макария за конец XIX в. и среднеобскими говорами шёшкумов/шёшкупов за конец XX в. не обнаружено — используется согласный *-b* в ауслaute, что свойственно центральной диалектной группе по исторической классификации Е. А. Хелимского [Хелимский 1985]. Это не вписывается в общую диалектную картину распределения носовых и смычных в ауслaute (ожидается альтернативное объяснение).

4) При сравнении личных местоимений двойственного и множественного числа никаких отличий не наблюдается, за исключением местоимений 3PL. В тазовском и тымском диалектах используются местоимения с исходом на *-t* ~ *-n* (ср. *tepyt* ~ *tepyñ*), в среднеобских говорах шёшкумов/шёшкупов, диалекте материалов св. Макария и диалекте материалов Н. П. Григоровского — только с исходом на *-la* (ср. *табыла*), в верхнеобских говорах и кетском диалекте — с исходом на *-la* и *-t* (ср. *tepla*, *tebat*), в среднеобских говорах — с исходом на *-la*, *-t* и *-n* (ср. *tabla*, *tabit*, *tebin*). Анализ архивных данных по южным диалектам селькупского языка показал, что в верхнеобских говорах и кетском диалекте в подавляющем числе случаев с личными местоимениями используется маркер множественного числа *-la* [Архив ЛЯНС 1962—1985].

Таким образом, рассматриваемый фрагмент морфологии характеризует материалы св. Макария как принадлежащие к южному диалектному ареалу.

Генитив

В генитиве местоимения 1 и 2 л. ед. и мн. ч. совпадают с местоимениями в номинативе: 1SG(GEN) *ман* (*маны*); 2SG(GEN) *тан*; 1PL(GEN) *ме* (*мий*). Местоимения 3 л. маркируются показателем генитива *-n*: 3SG-GEN *табы-н*.

1SG(GEN): *ман* (*маны*)

(9) **Ман** *кръге-ñ чаат Иисус Христос, ман Ном, ку-мб-а.*

1SG грех-GEN за Иисус Христос 1SG Бог умереть-PSTN-3SG.sub

‘За мои грехи Иисус Христос, мой Бог, умер’ [Макарий 1900: 24].

2SG(GEN): *тан*

(10) *Тапы тан крѣк-то-ко кочче чипкола-нт алчы-мб-а.*

3SG 2SG грех-GEN.POSS.2SG-DEST многие ?печаль-LAT1 упасть-PSTN-3SG.sub

‘Он за твои грехи во многие скорби впал’ [Макарий 1900: 23].

1PL(GEN): *ме* (*мий*)

(11) **Ме** *ку-й чачо-гун-утт нелджи мы куды ней ас ме-ку-с-т.*

1PL человек-ADJZ род-LOC1-POSS.1PL такой вещь кто EMPH NEG сделать-NAV-PST-3SG.ob

‘В нашем роде таких дел никто не делал’ [Макарий 1900: 9].

⁵ Противопоставление глухих и звонких не рассматривается нами в качестве диалектологического критерия.

3SG-GEN: *табы-н*

- (12) *Тан грѣк-то-ко Табы-н кап-т кван-мы-нт.*
 2SG грех-GEN.POSS.2SG-DEST 3SG-GEN кровь-POSS.3SG пойти-PSTN-LTNT.3SG
 ‘За твои грехи Его кровь лилась’ [Макарий 1900: 22].

Аккузатив

Местоимения 1 и 2 л. в аккузативе имеют особую структуру в селькупском языке. В их составе отмечается супплетивный маркер аккузатива *ǰ*, который также используется в ненецком и энецком языках [Хелимский 1982: 90—93]. Супплетивному маркеру часто предшествует личное местоимение, а после него могут следовать соответствующие посессивные суффиксы, указывающие на число и лицо местоимения [Беккер и др. 1995б: 80]. В материалах св. Макария зафиксированы следующие личные местоимения 1 и 2 л. в аккузативе: 1SG.ACC *ма-ссы-м* ‘1SG-suppletive.ACC-POSS.1SG’; 2SG.ACC *та-с-т* ‘2SG-suppletive.ACC-POSS.2SG’, *та-с* ‘2SG-suppletive.ACC’, *с-т* ‘suppletive.ACC-POSS.2SG’; 2PL.ACC *те-с-тым* (*тии-с-там*) ‘2PL-suppletive.ACC-POSS.3PL’. Помимо этого зафиксирован один случай использования местоимения 1 л. ед. ч. в аккузативе без соответствующего супплетивного маркера аккузатива: 1SG.ACC *маны-м*. Местоимения 3 л. маркируются показателями аккузатива *-м* и *-н*: 3SG.ACC *тапы-м*; 3SG-DU-DU.ACC *табы-я-гы-м*; 3SG-PL.ACC *табы-ла-м*; 3SG-PL.ACC *табы-ла-н*.

1SG.ACC: *массым*

- (13) *Ман кувошише-з-аӳ, тий Массым ас абс-ты-з-ылыт.*
 1SG быть.голодным-PST-1SG.sub 2PL 1SG.ACC NEG еда-VBLZ.TR-PST-2PL
 ‘Я алкал, вы Мне не дали есть (меня не накормили)’ [Макарий 1900: 27].

1SG.ACC: *маны-м*

- (14) *Ман оӳдӳшише-с-аӳ, тий Маны-м от-тӳлжси-с-ылыт.*
 1SG захотеть.пить-PST-1SG.sub 2PL 1SG.ACC выпить-CAUS-PST-2PL
 ‘Я жаждал, вы меня напоили’ [Макарий 1900: 25—26].

2SG.ACC: *таст, тас, ст*

- (15) *Куттар Табы ст свэра-с, тан тапы ней нин свэр-эт.*
 как 3SG 2SG.ACC любить-PST.3SG 2SG 3SG EMPH так любить-IMP.2SG.ob
 ‘Как Он тебя возлюбил (любил), и ты Его также люби’ [Макарий 1900: 23].

2PL.ACC: *тестым (тиистат)*

- (16) *Тестым кыча-нды ку-ла лаславим-б-ат!*
 2PL.ACC ?проклинать-PRS.PTCP человек-PL благославить.VBLZ-DUR-IMP.2PL
 ‘Вас проклинающих людей благословляйте!’ [Макарий 1900: 14].

3SG.ACC: *тапы-м*; 3SG-DU-DU.ACC: *табы-я-гы-м*; 3SG-PL.ACC: *табы-ла-м*

- (17) *Ном табы-ла-м пел-ды-му-мб-ат.*
 Бог 3SG-PL.ACC напарник-VBLZ.TR-DUR-PSTN-3SG.ob
 ‘Бог им помогал’ [Макарий 1900: 20].

3SG-PL.ACC: *табы-ла-н*⁶

- (18) *На-н кал-лепе, табы-ла-н лаславим-б-ат,*
 это-GEN сказать-CVB2 3SG-PL.ACC благославить.VBLZ-PSTN-3SG.ob
ну-н-шуне-нт вагы-нты-мб-а.
 небо-GEN-нутро-LAT1 подняться-IPRF-PSTN-3SG.sub
 ‘Это сказавши (букв. «этого по сказании»), их благословил, на небо вознесся’ [Макарий 1900: 20].

Далее представлена сопоставительная таблица 2, демонстрирующая личные местоимения в аккузативе на основе материалов по северным, центральным и южным диалектам селькупского языка [Григорьевский 1879а, б; Архив ЛЯНС 1964—1985⁷; Кузнецова и др. 1980: 141—144, 289; Быконя 1999: 14—15; Быконя и др. 2005: 340—341].

На основании данных из таблицы 2 можно сделать следующие выводы.

⁶ *Табы-ла-н* может альтернативно быть интерпретировано как ‘3SG-PL-LAT2’.

⁷ Архивные материалы лаборатории языков народов Сибири по среднеобским говорам селькупского языка. Тома 13, 34, 42, 55, 58, 61, 65.

Таблица 2. Личные местоимения в аккузативе

Число	Лицо	Тазовский диалект	Среднеобские говоры	Среднеобские говоры шёшкум/шёшкуп	Св. Макарий	Н. П. Григоровский
Ед. ч.	1	<i>šim/-p ~ mašim/-p</i>	<i>mašep/-m</i>	<i>мишэп</i>	<i>массым, маным</i>	<i>б́зымъ</i>
	2	<i>šinty ~ mašinty</i>	<i>taštip</i>	<i>таштып</i>	<i>маст, тас, ст</i>	<i>тáстъ</i>
	3	<i>təpym/-p</i>	<i>tabep/-m</i>	<i>табып/-м</i>	<i>тапым</i>	<i>тáбымъ</i>
Дв. ч.	1	<i>šimī ~ mēšimī ~ šinī ~ mēšinī</i>	<i>mižut</i>	<i>мижут шыдэгу(n)</i>	—	—
	2	<i>šintī ~ tēšintī</i>	<i>t'izep</i>	—	—	—
	3	<i>terāqim/-p</i>	<i>tabjap/-m</i>	<i>таблап шэдыяп (шыдэгуn)</i>	<i>табыягым</i>	<i>табья́гымъ</i>
Мн. ч.	1	<i>šimyt/-n ~ mēšimyt/-n ~ šinyt/-n ~ mēšinyt/-n</i>	<i>mižut</i>	<i>мижут</i>	—	<i>мэзуть</i>
	2	<i>šintyt/-n ~ mēšintyt/-n</i>	<i>t'izep</i>	<i>ми́жэп</i>	<i>тестым (миустат)</i>	—
	3	<i>təpytym/-p</i>	<i>tablap/-m</i>	<i>таблáн/-м</i>	<i>табылам, табы-ла-н</i>	<i>таблáмъ</i>

1) В тазовском диалекте и всех среднеобских говорах используются маркеры аккузатива *-m* и *-p*. В диалекте материалов св. Макария и диалекте материалов Н. П. Григоровского используется маркер аккузатива *-m*. Таким образом, в диалекте материалов св. Макария за конец XIX в., согласно распределению носовых и смычных в ауслaute, наблюдается архаичная рефлексация, сохранившаяся в южных диалектах, — маркер *-m*, в то время как в более поздних данных по этому же диалекту за конец XX в. (среднеобские говоры шёшкумов/шёшкупов) отмечаются инновационные черты, свойственные современным центральным и северным диалектам, — маркеры *-m* и *-p*.

2) В тазовском диалекте и среднеобских говорах шёшкумов/шёшкупов используется супплетивный маркер аккузатива *š* (ž), во всех среднеобских говорах — *š* (ž) и *z*, в среднеобских говорах шёшкумов/шёшкупов — *ш* (ж), в диалекте текстов св. Макария и материалах Н. П. Григоровского супплетивный показатель аккузатива *c*⁸. При сравнении данных по среднеобским говорам шёшкумов/шёшкупов за конец XIX в. и XX в. в первом случае (диалект материалов св. Макария) выделяются черты, свойственные южному ареалу, — супплетивный показатель аккузатива местоимения *c*, в то время как во втором случае отмечаются центральные и северные черты — показатель *š* (ž). Данное наблюдение является довольно интересным, т. к. согласно распределению диалектных признаков в южных диалектах изначально произошёл переход **šⁱ > s* (Сев., Центр. *šⁱ*; Юж. *s*) [Хелимский 1985]. Однако на материале более современных данных мы видим в данном диалекте обратное явление — *s > š* (ž) (XIX в. > XX в.). Предположительно, это может быть объяснено сильным влиянием центральных диалектов на южные в переходной зоне, к которой и относится иванкинский говор среднеобского диалекта.

Л а т и в

В лативе личные местоимения 1 и 2 л. имеют особую структуру выражения. В материалах св. Макария к личному местоимению присоединяется древний показатель латива *-ge* и далее конструкция может сопровождаться соответствующими посессивными суффиксами: 1SG.LAT *ме-ка* '1SG-LAT', *ме-ке-н* (*ме-ка-н, ме-га-н, ме-ге-н*) '1SG-LAT-POSS.1SG'; 2SG.LAT *те-ка* (*те-кка*) '2SG-LAT'; 2DU.LAT *те-гу-н-ди* '1PL-LAT-GEN-POSS.2DU'; 2PL.LAT *те-ге-н-тыт* (*те-ге-н-ныт, те-га-н-тыт, те-га-н-тет, те-гу-н-тет, тий-гы-н-дыт*) '2PL-LAT-GEN-POSS.3PL'.

1SG.LAT: *ме-ка, ме-ке-н* (*ме-ка-н, ме-га-н, ме-ге-н*)

(19) *Тап мекан а-во-и мей-г-ыт.*

3SG 1SG.LAT NEG-хорошее-ADJ сделать-EP-3SG.ob

'Он мне зло сделал' [Макарий 1900: 14].

⁸ Кириллическая буква *c* соответствует букве *s* на латинице.

2SG.LAT: *те-ка* (*те-кка*)

(20) *Кушакын ме-ст Таст мешиела-н, лыба-й мат-кын кодыр-с-ут, Текка түй-э-ут?*
когда 1PL-(?) 2SG.ACC болезнь-ADVZ тьма-ADJZ дом-LOC1 видеть-PST-1PL 2SG.LAT прийти-PST-1PL
'Когда мы Тебя больным или в темнице видели, к Тебе пришли?' [Макарий 1900: 26].

2DU.LAT: *те-ги-н-ди*

(21) *Те Ну-н даре ык э-кку, тау чопыры-м*
2PL Бог-GEN подобно NEG.IMP быть-INF это плод-ACC
ам-ку Ном тегинди ас куральджи-мб-ат.
съесть-INF Бог 2DU.LAT NEG приказать-PSTN-3SG.ob
'Чтобы вы Богу подобны не были, тех плодов есть Бог вам не приказал' [Макарий 1900: 4].

2PL.LAT: *те-ге-н-тым* (*те-ге-н-ным, те-га-н-тым, те-га-н-тет, те-ги-н-тет, тий-гы-н-дыт*)

(22) *Анюй тийгындыт чендж-ай.*
?истинно 2PL.LAT говорить-PRS.1SG.sub
'Истинно вам говорю' [Макарий 1900: 27].

Для выражения личных лативных местоимений 3 л. в материалах св. Макария используется маркер латива 2 (датов-аллатив) *-ни*: 3SG-LAT2 *табы-ни* (*табы-ний, тыпы-ны*); 3SG-DU-DU-LAT2 *табы-я-ги-ни*; 3SG-PL-LAT2 *тыбы-ла-ни*.

3SG-LAT2: *табы-ни* (*табы-ний, тыпы-ны*); 3SG-DU-DU-LAT2: *табы-я-ги-ни*; 3SG-PL-LAT2: *тыбы-ла-ни* (*табы-ла-на*)

(23) *Ном табы-ла-на кәк-но ык лары-мбы-ку ору-м ме-кку-мы-нд-ат.*
Бог 3SG-PL-LAT2 мучение-DEST NEG.IMP пугаться-DUR-INF сила-ACC дать-NAV-PSTN-LTNT-3SG.ob
'Бог им мучений не бояться силу давал' [Макарий 1900: 21].

Рассмотрим таблицу 3, отражающую личные местоимения в лативе в северных, центральных и южных диалектах селькупского языка [Григоровский 1879а, б; Кузнецова и др. 1980: 141—144, 289; Быконя 1999: 14—15; Быконя и др. 2005: 340—341].

Таблица 3. Личные местоимения в лативе

Число	Лицо	Тазовский диалект	Среднеобские говоры	Среднеобские говоры шёшкун / шёшкуп	Св. Макарий	Н. П. Григоровский
Ед. ч.	1	<i>mäkkä ~ tatqäk/-ŋ</i>	<i>mēka</i>	<i>mēka</i>	<i>мека, мекен</i> (<i>мекан, меган, мегей</i>)	<i>мэгень</i>
	2	<i>tänty ~ täntyŋy/-k ~ tatqänty</i>	<i>teka</i>	<i>mēka</i>	<i>тека (текка)</i>	<i>тэгень</i>
	3	<i>täryŋyŋ/-k ~ tärytkinī</i>	<i>tabin</i> (<*tabini), <i>tabendə, tabet</i> (<*tabett <*tabenti)	<i>табын</i>	<i>табыни</i> (<i>табыний, тыпыны</i>)	<i>табни</i>
Дв. ч.	1	<i>mēqyŋī</i>	<i>miqind</i>	<i>мигнут шыдэгинд,</i> (<i>мигынд шэд қумни</i>)	—	—
	2	<i>tēqyŋcī</i>	<i>t'iqind</i>	—	<i>тегинди</i>	—
	3	<i>täräqītkinī</i>	<i>tabjandə, tabjat, tabjan</i> (<*tabjani)	<i>таблан шэдьянд</i> (<i>шыдэгинд</i>)	<i>табыягини</i>	<i>табьягыни</i>
Мн. ч.	1	<i>mēqyŋyt/-n</i>	<i>miqind</i>	<i>мигынд</i>	—	<i>мэгунть</i>
	2	<i>tēqyŋcyt/-n</i>	<i>t'iqind</i>	<i>тигынд</i>	<i>тегентым</i> (<i>тегенным, тегендыльт</i>) <i>тегантым, тегантет,</i> <i>тегинтет, тийгындыт</i>)	
	3	<i>tärytytkinī</i>	<i>tablandə, tābedend, tabīdīntī, tabīdet, tablan</i> (<*tablani)	<i>таблан</i>	<i>тыбылани</i>	<i>таблани</i>

Анализ таблицы 3 показал, что формирование личных местоимений в лативе в тазовском диалекте в большинстве случаев отличается от формирования местоимений в лативе в центральных и южных диалектах селькупского языка, где отмечается единая стратегия их образования. Также наблюдаются отличия в использовании смычных и носовых в ауслaute согласно распределению: Юж. *-m, -n, -ŋ*; Центр. *-p, -t, -k*; Сев. *-m/-p (~ Ø), -n/-t (~ Ø), -ŋ/-k (~ Ø)* [Хелимский 1985].

1) Носовые и смычные в ауслaute личных местоимений в лативе используются нерегулярно. Нам удалось проследить рефлексацию согласных, с одной стороны, в тазовском диалекте в виде *-ŋ/-k* (смешанные северные черты), с другой стороны, в материалах диалекта св. Макария и диалекта Н. П. Григоровского в виде *-ŋ* (южная черта). Также во всех центральных и южных диалектах в ауслaute используется согласный *-t*, что не вписывается в классификацию Е. А. Хелимского, а в тазовском диалекте — *-n/-t* (смешанные северные черты). Таким образом, можно утверждать, что в диалекте материалов св. Макария используется маркер *-ŋ* — архаичная или южная диалектная черта, а также согласный *-t* в ауслaute, который присутствует во всех диалектах, а значит, может трактоваться как архаичная черта.

2) Во всех диалектах совпадают формы 1SG.LAT *mäkkä ~ matqäk/-ŋ*, но все остальные формы тазовского диалекта отличаются от форм центральных и южных диалектов: 2SG.LAT Таз. *tänty ~ täntyŋŋ/-k ~ tatqänty*, Центр., Юж. *teka (мэгень)*; 3SG.LAT Таз. *täpynŋ/-k ~ täpytkinŋ*, Центр., Юж. *tabin, tabenda*; 1DU.LAT Таз. *mēquŋŋ*, Центр., Юж. *miqind, ми́знут*; 2DU.LAT Таз. *tēquŋcī*, Центр., Юж. *t'iqind*; 3DU.LAT Таз. *täpāqitkinŋ*, Центр., Юж. *tabjan, tabjandə, табыягини*; 1PL.LAT Таз. *mēquŋyt/-n*, Центр., Юж. *miqind*; 2PL.LAT Таз. *tēquŋcyt/-n*, Центр., Юж. *t'iqind, мегентым, мэгендылтъ*; 2PL.LAT Таз. *täpytytkinŋ*, Центр., Юж. *tablandə, tābedend, tabidet, tablan*.

На основании проанализированных данных можно утверждать, что материалы св. Макария имеют в местоимениях с лативом архаичные черты, сохранившиеся в южных и центральных диалектах.

Остальные падежные маркеры личных местоимений 1, 2, 3 л. совпадают с соответствующими падежными маркерами существительных. Зафиксированы личные местоимения в локативе 2, аблативе 2⁹ и комитативе.

Локатив 2

Личные местоимения в Локативе 2 маркируются показателем *-нан*: 1SG.LOC2 *ман-нан*, 2SG.LOC2 *тан-нан*, 3SG-PL-GEN-LOC2 *табы-ла-н-нан*. Также зафиксирован маркер *-нна*, который употребляется только с личными местоимениями; он встречается всего три раза и может быть интерпретирован как алломорф показателя *-нан*: 3SG-LOC2 *тапы-нна*, 3SG-PL-LOC2 *табы-ла-нна*. Возможно, маркер *-нна* имеет аблативную семантику, однако однозначно сказать довольно сложно из-за ограниченного количества примеров и неоднозначности переводов.

(24) **Табы-ла-н-нан** апсод-ы мы-тат чангу-мб-а.

3SG-PL-GEN-LOC2 пища-ADJZ вещь-POSS.3PL отсутствовать-PSTN-3SG.sub

‘У них съестного ничего не было’ [Макарий 1900: 12].

(25) **Тапы-нна** такыл-быты Апостол-ла-т ку-й кыча-ны кван-б-ат.

3SG-LOC2 собрать.MLTPL-PST.PTCP апостол-PL-POSS.3SG человек-ADJZ ?род-LAT2 пойти-PSTN-3PL

‘Им избранные Апостолы во всю вселенную (в человеческий род) пошли’ [Макарий 1900: 20].

(26) **Тапы-нна** со такыл-баты святой ку-ла

3SG-LOC2 хороший собрать.MLTPL-PST.PTCP святой человек-PL

коччи-ñ äзи-ле үйбуру-мб-ат.

много-ADVZ статья-CVB1 начать-PSTN-3PL

‘Его благо избранный святой народ сильно слал умножаться’ [Макарий 1900: 22].

(27) **Табы-ла-нна** нагыр-быты книга-м Евангелие-гле нем-ни-мб-ат.

3SG-PL-LOC2 написать-PST.PTCP книга-ACC Евангелие-TRSL имя-VBLZ.TR-PSTN-3PL

‘Ими написанные книги Евангелием называются (у них написанную книгу Евангелием назвали)’ [Макарий 1900: 21].

Аблатив 2

Личные местоимения в аблативе 2 маркируются показателем *-нанто*: 1SG.ABL2 *ман-нанто*, 3SG-GEN-ABL2 *тыбы-н-нанто (табы-нанто)*.

⁹ Локатив 1 и аблатив 1 используются с неодушевленными именами, локатив 2 и аблатив 2 — с одушевленными.

- (28) *Ман-нанто кван-нат лозы-ны готован-чы-ни окырле э-ди түү-нт.*
 1SG-ABL2 пойти-IMP.2PL дьявол-GEN готовить.VBLZ-TR-PST.PTCP вечно быть-PRS.PTCP огонь-LAT1
 ‘От Меня идите в дьяволу уготованный вечный огонь’ [Макарий 1900: 27].

Комитатив

Личные местоимения в комитативе маркируются показателем *-се*: 3SG-DU-DU-DU-COM *табы-шты-я-к-се*; 3SG-COM *тапы-се* (*табы-се*).

- (29) *Тапы-се ку-ла коччы-н э-пп-ат.*
 3SG-COM человек-PL много-ADVZ быть-PSTN-3PL
 ‘С ним людей много было’ [Макарий 1900: 12].

3.2. Возвратно-личные местоимения

Местоимение *он* - ‘сам’

Данный тип местоимений образуется от основы *он* - ‘сам’ и выступает в селькупском языке в разных значениях в зависимости от используемого с ней падежа: NOM — лично-определяющее значение, GEN — возвратно-притяжательное значение, местные падежи — возвратное значение [Беккер и др. 1995б: 87]. Данные местоимения изменяются по лицам, числам и падежам. Маркеры рассматриваемых местоимений в номинативе и генитиве совпадают. В материалах св. Макария зафиксированы возвратно-личные местоимения в номинативе и генитиве, имеющие следующие маркеры: 1SG *-ей* (*-ен*); 2SG *-ейчь* (*-енч*, *-ынч*); 3SG *-чы* (*-чи*, *-чь*, *-ч*); 3PL *-чыт*; а также возвратно-личное местоимение в аблативе 2: 3SG-ABL2 *-чы-нанто*.

NOM/GEN

1SG: *-ей* (*-ен*)

- (30) *Он-ей айзе-ву, он-ей аве-ву варгы-н свэр-ав,*
 сам-1SG отец-ACC.POSS.1SG сам-1SG мать-ACC.POSS.1SG большой-ADVZ любить-PRS.1SG.ob
*Массым наишай ас свэр-ак, Мека-илле ас со-н эй-г-ам*¹⁰.
 1SG.ACC так NEG любить-PRS.1SG.sub 1SG.LAT-DEF NEG хороший-ADVZ быть-EP-PRS.3SG.sub
 ‘Своего (моего) отца, свою (мою) мать многолюбующий (сильно люблю), а Меня столько не любующий (не люблю) мне не угоден есть’ [Макарий 1900: 13].

2SG: *-ейчь* (*-енч*, *-ынч*)

- (31) *Он-ейчь Ну-й Амдыкоñ куишай тәне-н-се, мысе квое-н-т-се,*
 сам-2SG бог-ADJZ царь сколько ум-GEN-POSS.2SG-COM ?все душа-GEN-POSS.2SG-COM
шиде-н-ты-се, орып-ты-се мысе свэрэ-т.
 сердце-GEN.POSS.2SG-COM сила-GEN.POSS.2SG-COM ?все любить-IMP.2SG.ob
 ‘Твоего Бога Господа всем умом, всей душой, сердцем, силой всею люби’ [Макарий 1900: 13].

3SG: *-чы* (*-чи*, *-чь*, *-ч*)

- (32) *На-н-ко чвочо-нт, Он-чь Окыр И-м-т үду-ку кыкы-мб-а.*
 это-GEN-DEST место-LAT1 сам-3SG один сын-ACC-POSS.3SG послать-INF хотеть-PSTN-3SG.sub
 ‘Для этого на землю Своего Единного Сына послать обещал (хотел)’ [Макарий 1900: 8].

3PL: *-чыт*

- (33) *Он-чыт Ноп-тыт аулджи-мб-ат.*
 сам-3PL Бог-POSS.3PL забыть-PSTN-3PL
 ‘Своего Бога забыли’ [Макарий 1900: 6].

ABL2

- (34) 3SG-ABL2: *чы-нанто*
Ас он-чы-нанто айзү-мп-а, тапы-м Ном камбальджи-мб-ат.
 NEG сам-3SG-ABL2 статья-PSTN-3SG.sub 3SG-ACC Бог сотворить-PSTN-3SG.ob
 ‘Не от себя произошел, его Бог сотворил’ [Макарий 1900: 3].

Далее представлена сопоставительная таблица 4, отражающая словоизменительную парадигму местоимения *он* - ‘сам’ в северных, центральных и южных диалектах селькупского языка [Григоровский 1879а, б; Кузнецова и др. 1980: 141—144, 293; Беккер и др. 1995б: 99—100; Быконя 1999: 18].

¹⁰ В данном случае мы предполагаем опечатку. Вместо суффикса *-ам* должен использоваться *-ан*.

Таблица 4. Местоимение *on-* ‘сам’

Число	Лицо	Тазов- ский диалект	Тым- ский диалект	Средне- обские говоры	Средне- обские говоры шёшкум/ шёшкуп	Св. Макарий	Верхне- обские говоры	Н. П. Гри- горовский	Кетский диалект
Ед. ч.	1	<i>onāk~η</i>	<i>onek~η</i>	<i>onek~η</i>	<i>онэк</i>	<i>оней (онен)</i>	<i>oneη</i>	—	<i>onen</i>
	2	<i>onānty</i>	<i>openž</i>	<i>openž</i>	<i>онэнд (онэнжс)</i>	<i>онейчь (оненч, онынч)</i>	<i>onetdī (onent)</i>	—	<i>oneddi (onendi)</i>
	3	<i>onty</i>	<i>onž</i>	<i>onž</i>	<i>онжс</i>	<i>ончы (ончи, ончь, онч)</i>	<i>oddī (ont)</i>	<i>ондъ (онде)</i>	<i>oddi (ondi)</i>
Дв. ч.	1	<i>onī</i>	<i>onī</i>	<i>onī</i>	<i>они</i>	—	<i>oni</i>	—	<i>onī</i>
	2	<i>ontī</i>	<i>onžī</i>	<i>onžī</i>	<i>онжси</i>	—	<i>ontī (oddī)</i>	—	<i>oddi (ondi)</i>
	3	<i>ontī</i>	<i>onžī</i>	<i>onžī</i>	<i>онжси</i>	—	<i>ontī (oddī)</i>	—	<i>oddi (ondi)</i>
Мн. ч.	1	<i>onyt~n</i>	<i>onīt~n</i>	<i>onut~n</i>	<i>онут</i>	—	<i>onut</i>	<i>онень?</i> ¹¹	<i>onut</i>
	2	<i>ontyt~n</i>	<i>onžīt</i>	<i>onžīt~n</i>	<i>онжсит</i>	—	<i>ondīt (oddīt)</i>	—	<i>oddi (ondi)</i>
	3	<i>ontyt~n</i>	<i>onžīt</i>	<i>onžīt~n</i>	<i>онжсит</i>	<i>ончыт</i>	<i>ondīt (oddīt)</i>	<i>онендъ?</i> ¹²	<i>oddi (ondi)</i>

На основании данных из таблицы 4 можно сделать следующие выводы.

1) В тазовском, тымском диалекте и среднеобских говорах используется маркер возвратно-личных местоимений *-ek ~ -eη*, в среднеобских говорах шёшкумов/шёшкупов — 1SG *-äk*, в кетском диалекте, диалекте текстов св. Макария — *-eη*. Приведенные данные показывают, что, согласно исторической классификации Е. А. Хелимского [Хелимский 1985], в диалекте материалов св. Макария выделяются южные диалектные черты — носовой смычный в ауслaute *-η*, что можно определить как архаизм, в то время как в данных по среднеобским говорам шёшкумов/шёшкупов за конец XX в. отмечается черта, ранее присущая центральным диалектам, — *-k*, что является инновацией.

2) В тазовском диалекте используется маркер возвратно-личных местоимений 2SG *-ānty*, в тымском диалекте, среднеобских говорах, диалекте материалов св. Макария используется маркер *-enž*, в среднеобских говорах шёшкумов/шёшкупов — *-энд ~ -энжс*, в верхнеобских говорах и кетском диалекте — *-etdī ~ -ent*.

3) В тазовском и кетском диалектах, в верхнеобских говорах и диалекте материалов Н. П. Григоровского употребляется маркер возвратно-личных местоимений 3SG *-ty (-dī)*, в тымском диалекте, всех среднеобских говорах и диалекте материалов св. Макария — *-ž*. В ряде случаев¹³ в верхнеобских говорах и в кетском диалекте согласный возвратно-личного местоимения *on-* ‘сам’ подвергается регрессивной ассимиляции под воздействием последующего маркера 3SG *-dī*: *on-* > *od-* ‘сам’, однако подобная ассимиляция наблюдается не всегда: *oddi, ondi*.

4) Маркеры возвратно-личных местоимений 1DU не различаются по диалектам.

5) Для выражения возвратно-личных местоимений 2DU и 3DU используется один и тот же флексивный маркер. В тазовском, кетском диалектах и верхнеобских говорах показателем 2DU и 3DU является *-tī (-dī)*, в тымском диалекте и всех среднеобских говорах — *-žī*. В верхнеобских говорах и кетском диалекте под воздействием маркера *-dī* в ряде случаев отмечается регрессивная ассимиляция согласного соответствующего возвратно-личного местоимения: *oddi, ondi*.

¹¹ *Он-ень?* ‘сам-1PL’. Анализ данной формы затруднен, т. к. изменяемая часть не похожа на формы 1PL в других диалектах.

¹² *Онендъ?* ‘сам-3PL’. Анализ данной формы затруднен, т. к. изменяемая часть не похожа на формы 3PL в других диалектах. Возможно, здесь наблюдается сокращение парадигмы и используется суффикс *-ендъ* 3SG.

¹³ Здесь и далее правильное говорить об определенной части кетского диалекта и верхнеобских говоров, где представлено это фонетическое явление.

6) В кетском диалекте, среднеобских говорах шёшкумов/шёшкупов и верхнеобских говорах используется маркер возвратно-личных местоимений 1PL *-ut*, в тазовском, тымском диалектах и среднеобских говорах — *-ut* ~ *-un*.

7) Для выражения возвратно-личных местоимений 2PL и 3PL используется один и тот же флективный маркер. В кетском диалекте и верхнеобских говорах показателем 2PL и 3PL является *-dīt*, в тымском диалекте, среднеобских говорах шешкупов/шешкумов и диалекте материалов св. Макария — *-žīt*, в тазовском диалекте — *-tūt* ~ *-tun*, в среднеобских говорах — *-žīt* ~ *-žin*. В верхнеобских говорах и кетском диалекте в ряде случаев наблюдается регрессивная ассимиляция возвратно-личного местоимения *on-* > *od-* ‘сам’ под воздействием последующего маркера *-dīt*. Приведенные данные показывают, что во всех диалектах, в том числе и в диалекте материалов св. Макария, может использоваться маркер *-t* в ауслауте, что может трактоваться как архаизм, в то время как рефлексация *-t* ~ *-n* свойственна только тазовскому диалекту и среднеобским говорам, что выглядит как инновационная черта. Данное распределение согласных в ауслауте не соответствует исторической диалектной классификации Е. А. Хелимского [Хелимский 1985].

Рассмотренный материал характеризует диалект св. Макария как обладающий архаичной рефлексацией словоизменяемых суффиксов возвратно-личных местоимений: южными архаичными чертами — 1SG *-eŋ* — и архаичными чертами, наблюдающимися одновременно во всех диалектах — *-t* в ауслауте в маркерах 3PL *žīt* ~ *dīt*.

Местоимение *пире-* ‘сам’

Данное местоимение имеет форму *пире-* (*пирь-*, *пирä-*, *пыра-*), восходит к послелогу *pīr* ‘до, в высоту’ [Alatalo 2004: 97] и может условно переводиться как ‘сам’. В материалах св. Макария данное местоимение употребляется в номинативе (номинатив может маркировать прямое дополнение) POSS.1SG: *-y*, POSS.2SG: *-l*; аккузативе ACC-POSS.3SG *-n-t*; лативе LAT-GEN.POSS.2SG *-ge-ñt*, присоединяя соответствующие посессивные суффиксы. Местоимение *пире-* ‘сам’ используется как в связке с возвратно-личным местоимением *он-* ‘сам’, так и самостоятельно.

NOM

POSS.1SG: *-y*

(35) *Ман ку-ла-н чаат пире-у ме-нб-ау.*
1SG человек-PL-GEN за сам-POSS.1SG дать-PSTN-1SG.ob
‘Я за людей себя предал (отдал)’ [Макарий 1900: 18].

POSS.2SG: *-l*

(36) *Он-енч пире-л этыр-ле чеджи-к...*
сам-2SG сам-POSS.2SG беречь-CVB1 говорить-IMP.2SG.sub
‘(Ты) себя самого сохраняя, говори...’ [Макарий 1900: 23].

ACC-POSS.3SG: *-n-t*

(37) *Тан грѣк-ла-л куэчы-мб-ат, Тан пыра-н-т кәкемдымы-мба-ть.*
2SG грех-PL-POSS.2SG оставить-DUR-PRS.3PL 3SG сам-ACC-POSS.3SG ?предавать.на.мучения-PSTN-3SG.ob
‘Чтобы твои грехи оставлены были, Он предал Себя на мучения (заставил мучиться?)’ [Макарий 1900: 22].

LAT-GEN.POSS.2SG: *-ge-ñt*

(38) *Куттар он-еñчь пире-ге-ñт со-ñ тәрб-ант, ау ку-ни*
как сам-2SG сам-LAT-GEN.POSS.2SG хороший-ADVz думать-PRS.2SG.sub другой человек-LAT2
нәй ниñ со-ñ тәрби-к.
также так хороший-ADVz думать-IMP.2SG.sub
‘Как себе самому добра желаешь, другому человеку столько же добра желай’ [Макарий 1900: 14] (см. этот же пример под № 62).

3.3. Взаимно-личные местоимения

В материалах св. Макария зафиксирован всего один пример использования взаимно-личного местоимения *не-* ‘RECIP’ в аккузативе. В силу своей семантики данное местоимение обозначает взаимодействие двух или более лиц и не используется с формами ед. ч. [Беккер и др. 1995б: 99—100].

- (39) *Ку-ла-ни каинтуñ Ну-м свэр-ку, элы-ку, не-м-т¹⁴ свэр-ку,*
 человек-PL-LAT2 как Бог-ACC любить-INF жить-INF RECIP-ACC-POSS.3SG любить-INF
Иусусь Христос ниñь огыльчо-льджи-ку-мб-ат.
 Иисус Христос так выучить-TR-НАВ-PSTN-3SG.ob
 ‘Людям как Бога любить, как жить и друг друга любить, об этом Иисус Христос так учил’ [Макарий 1900: 13].

3.4. Вопросительные местоимения *кот* ‘кто’ и *кай* ‘что’

В материалах св. Макария зафиксированы вопросительные местоимения *кот* ‘кто’ в номинативе и *кай* (*каи*) ‘что’ в номинативе, аккузативе, лативе 1, аблативе 1 и дестинативе. Падежные маркеры вопросительных местоимений совпадают с соответствующими падежными маркерами существительных.

Кот ‘кто’

NOM

- (40) *Кот тегентыт онгүльдчи-ñ, тады-ñ тәрби-ле*
 кто 2PL.LAT послушать-PRS.3SG.sub правильный-ADVZ думать-CVB1
лос-т-ролдчи-н, на ку-ни со-ñ э-нчи-ñ.
 дух-VBLZ.TR-CAUS-PRS.3SG.sub это человек-LAT2 хороший-ADVZ быть-FUT-3SG.sub
 ‘Кто вас слушает, с чистою мыслью (правильно думая) крестится, тому человеку благо будет’ [Макарий 1900: 20].

Кай (*каи*) ‘что’

NOM

- (41) *Кай э-пп-ан, Ном камбальджы-мб-ат.*
 что быть-DUR-PRS.3SG Бог сотворить-PSTN-3SG.ob
 ‘Что есть, Бог сотворил’ [Макарий 1900: 17].

ACC

- (42) *Кай-м, тау чуочо-гын эле-лле, ме-ку-мб-ат, а на-м тапы-ла*
 что-ACC это земля-LOC1 жить-CVB1 сделать-НАВ-PSTN-3SG.ob а это-ACC 3SG-PL
книга-гле накыр-б-ат.
 книга-TRSL написать-PSTN-3PL
 ‘Что, на этой земле живя, творил, это они в книги записали’ [Макарий 1900: 21].

LAT1

- (43) *Иусус Христос кай-нт огулджо-лчи-шпы-мб-ат.*
 Иисус Христос что-LAT1 выучить-TR-DUR-PSTN-3SG.ob
 ‘Учение Господа нашего Иисуса Христа (Иисус Христос чему учил)’ [Макарий 1900: 12].

ABL1

- (44) *Кай-гынто камбальджы-мб-ат?*
 что-ABL1 сотворить-PSTN-3SG.ob
 ‘Из чего сотворил?’ [Макарий 1900: 1].

DEST

- (45) *Те кай-но тау по-кый чопыры-м аз ам-чы-ли?*
 2PL что-DEST это дерево-LOC.ADJZ плод-ACC NEG есть-?IPRF-2DU
 ‘Вы почему этого дерева плоды не едите?’ [Макарий 1900: 4] (см. этот же пример под № 4).

3.5. Отрицательные местоименные конструкции

В материалах св. Макария нет самостоятельных отрицательных местоимений. Вместо них используются конструкции, состоящие из соответствующего вопросительного местоимения, эмфатической частицы *ней* ‘EMPH’ и маркера отрицания/отрицательного предиката (отрицательная частица *ас* (*аз*) ‘NEG’, маркер отрицания при императиве *ык* (*эк, эки, ак*) ‘NEG.IMP’, отрицательный бытийный глагол *джайку-*

¹⁴ Предположительно должно быть *не-м-тыт* ‘RECIP-ACC-POSS.3PL’, так как данное местоимение не употребляется с формами ед. ч.

(*джайгу-*, *чангу-*) ‘отсутствовать’). Отрицательные местоименные конструкции от вопросительного местоимения ‘кто’ зафиксированы в номинативе: *куды-ней* (*куты-ней*, *куд-ней*) + *ас/аз* — кто-EMPH + NEG ‘никто не’; от ‘что’ — в номинативе: *кай-ней* + *ас* — что-EMPH + NEG ‘ничто не’, *кай-ней* + *джайку* — что-EMPH + отсутствовать ‘ничто не быть’; генитиве *каи-н-ней* + *ас* — что-GEN-EMPH + NEG ‘ничего не’. В отрицательных конструкциях эмфатическая частица *ней* ‘EMPH’ имеет фиксированное положение — она присоединяется непосредственно к вопросительному местоимению или к группе слов, которая это местоимение модифицирует. Эмфатическая частица *ней* ‘EMPH’ в подобных конструкциях у св. Макария может писаться тремя способами: отдельно, через дефис или слитно с соответствующим вопросительным местоимением/группой слов, которая это местоимение модифицирует. Также зафиксирован один случай употребления отрицательной местоименной конструкции без эмфатической частицы *ней* ‘EMPH’ в дестинативе: *кай-но* + *ас* — что-DEST + NEG ‘никак не’, что не является типичным ни в материалах св. Макария, ни в центральных и южных диалектах селькупского языка.

NOM: *куды-ней* (*куты-ней*, *куд-ней*) + *ас/аз* ‘никто не’

- (46) *Куд-ней* *нелджи-н* *о́чө-йт* *аз* *огулчо-льджи-ку-мб-ат*.
кто-EMPH такой-ADVZ слово-LAT1 NEG выучить-TR-НАВ-PSTN-3SG.ob
‘Никто таким словам не учил’ [Макарий 1900: 10].

NOM: *кай-ней* + *ас/джайку* ‘ничто не / не быть’;

- (47) *Нашакын кай-ней джайку-мб-а*.
тогда что-EMPH отсутствовать-PSTN-3SG.sub
‘Сначала (тогда) ничего не было’ [Макарий 1900: 1].

GEN, DEST: *каи-н-ней* + *ас* ‘ничто не’; *кай-но* + *ас* ‘никак не’

- (48) *Адамъ, Ева куша-кын рай-гын эла-мб-ак* *кръка-м* *ас* *тәнү-нб-ыды*, *каи-н*
Адам Ева когда рай-LOC1 жить-PSTN-3DU.sub грех-ACC NEG знать-PSTN-3DU.ob что-GEN
көште-м -ней *ас* *тәнү-мб-ады*, *кай-но* *ас* *тәрбу-мб-ак*, *кай* *чипкола-м -ней*
вред-ACC EMPH NEG знать-PSTN-3DU.ob что-DEST NEG думать-PSTN-3DU.sub что печаль-ACC EMPH
ас *тәнү-мб-ады*; *нагдъкопы-н* *э-пта-кый*, *ас* *соршу-мба-кый*.
NEG знать-PSTN-3DU.ob голый-ADVZ быть-PSTN-3DU.sub NEG стыдиться-PSTN-3DU.sub
‘Адам и Ева, когда в раю жили, греха не знали, никакой болезни (никакого вреда) не знали, никак не печалились, никакой нужды не знали, наги были, не стыдились’ [Макарий 1900: 2—3].

Зафиксирован один случай употребления маркера посессивности в отрицательной местоименной конструкции *кай-т-ней* + *ас* — что-POSS.3SG-EMPH + NEG ‘ничто ее не’.

- (49) *Святой Нятен Мария Ну-н И-м-т* *челы-м-ны-нб-ат*,
святой дева Мария Бог-GEN сын-ACC-POSS.3SG свет-VBLZ-TR-PSTN-3SG.ob
кай-т-ней *ас* *көжу-мб-а*, *челы-м-ны-мб-ат*.
что-POSS.3SG-EMPH NEG болеть-PSTN-3SG.sub свет-VBLZ-TR-PSTN-3SG.ob
‘Святая Дева Мария Божьего Сына родила, никакой болезни не чувствуя (ничего у нее не болело), родила’ [Макарий 1900: 8—9].

Употребляясь без отрицания вместе с вопросительными местоимениями, эмфатическая частица *ней* ‘EMPH’ прагматически выделяет данную лексему в предложении.

- (50) *Ну-н-шунчы-м*, *чоучы-м*, *каи-ней* *э-ан*, *Ном мухтут чель камбальджы-мб-ат*.
небо-GEN-нутро-ACC земля-ACC что-EMPH быть-PRS.3SG.sub Бог шесть день сотворить-PSTN-3SG.ob
‘Небо, землю, что есть, Бог в шесть дней сотворил’ [Макарий 1900: 1—2].

Также в материалах св. Макария встречается отрицательное местоимение-наречие *куша-кын ней* + *ас/ык* — сколько-LOC1 + EMPH + NEG/NEG.IMP ‘никогда не’.

- (51) *Грѣк-сую* *ку-ла-н* *квой-т* *варкы-н* *а-во-й*, *лыпа-й* *чвочо-кын*
грех-COM.ADJZ человек-PL-GEN душа-POSS.3SG большой-ADVZ NEG-хороший-ADJ тьма-ADJZ земля-LOC1
э-нч-ат, *кушакын ней* *ас* *чанэ-нч-ат*.
быть-FUT-3PL когда EMPH NEG выйти-FUT-3PL
‘Грешных людей души в весьма худом, темном месте будут, (откуда) никогда не выйдут’ [Макарий 1900: 12—13].

3.6. Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения образуются при помощи постфиксальных элементов *-ем* ‘INDEF’ и *-та* ‘INDEF’. У св. Макария встречаются неопределенное местоимение-прилагательное *кушшай-та* ‘сколько-то’ и местоимение-наречие / местоимение-прилагательное *кайду-ем* (*кайду-эм*) ‘как-нибудь, какая-нибудь’.

- (52) *Табы-ла-н сельджи няи-се, кушшай-та квуель-зе кушшай*
 3SG-PL-ACC семь хлеб-COM сколько-INDEF рыба-COM сколько
э-пп-ат абс-ты-мб-ат.
 быть-PSTN-3PL еда-VBLZ.TR-PSTN-3SG.ob
 ‘Их семью хлебами, несколькими (сколькими-то) рыбами, сколько было, накормил’ [Макарий 1900: 12].

- (53) *Тека-йлле кайду-эм а-во-й тән тўи-лос...*
 2SG.LAT-DEF как-INDEF NEG-хороший-ADJ мысль прийти-OPT.3SG.PTCL
 ‘Теперь тебе какая-нибудь худая мысль придет, (дьявол в грех если повлечет, ты с ним не соглашайся)’ [Макарий 1900: 23] (см. этот же пример под № 90).

К неопределенным местоимениям также относится лексема *аватты* (*аватти*) ‘некоторый’.

- (54) *Аватты ку-ла ну-н-шунч Ну-н даре терби-мб-ат.*
 некоторый человек-PL небо-GEN-нутро Бог-GEN подобно думать-PSTN-3PL
 ‘Некоторые люди небо почитали как Бога’ [Макарий 1900: 6—7].

3.7. Указательные местоимения

В проанализированных материалах св. Макария представлены следующие указательные местоимения: *на* ‘это, этот, тот’; *тау* ‘это, этот, эти’; *ау* ‘тот, другой’. Указательное местоимение *на* ‘это, этот, тот’ в материалах св. Макария изменяется по падежам: номинатив *на*; генитив *на-н*; аккузатив *на-м*; латив 2 *на-ни*; комитатив *на-зе*; дестинатив *на-н-ко* (*на-но*¹⁵) ‘за это, от того, для этого, потому’, — а также имеет маркеры числа (*на-ла-ни* ‘это-PL-LAT2’).

На ‘это, этот, тот’

NOM

- (55) *На грѣх-но Ном ку-нанто то кваны-мп-а.*
 это грех-DEST Бог человек-ABL2 прочь пойти-PSTN-3SG.sub
 ‘За эти грехи Бог от человека отвратился’ [Макарий 1900: 5].

GEN

- (56) *Исус Христос-ни на-н ау-т варгы-н чеган азў-мб-а.*
 Иисус Христос-LAT2 это-GEN мать-POSS.3SG большой-ADVZ ? стать-PSTN-3SG.sub
 ‘Иисус Христос над этой матерью весьма умилосердился (Иисусу Христу эту мать сильно ? стало)’ [Макарий 1900: 11].

ACC

- (57) *На-м манни-мбы-з-ат ку-ла, ченджсы-мб-ат.*
 это-ACC посмотреть-DUR-PST-3PL человек-PL говорить-PSTN-3PL
 ‘Это видавшие (смотрели) люди говорили’ [Макарий 1900: 9].

PL + LAT2

- (58) *Аватти ку-ла нўў, варгы по Ну-н*
 некоторый человек-PL камень большой дерево Бог-GEN
даре тербиш-мб-ат, на-ла-ни омты-мб-ат.
 подобно думать-PSTN-3PL это-PL-LAT2 поклоняться-PSTN-3PL
 ‘Некоторые люди камень, толстое дерево Богом считали, им стали поклоняться’ [Макарий 1900: 7].

COM

- (59) *На-зе кушшан ку-ла э-пп-а, кват-н-ат.*
 это-COM сколько человек-PL быть-PSTN-3SG.sub убить-PSTN-3SG.ob
 ‘В нем, сколько людей было, погибли (с этим... убил (потопом))’ [Макарий 1900: 6].

¹⁵ Стяжение маркеров: *н-ко* > *н-но* > *но* ‘GEN-DEST’.

DEST

- (60) *А на-н-ко ку-й чаач а-во-й мы-нт вьрум-п-елы-мб-ат.*
 а это-GEN-DEST человек-ADJZ род NEG-хороший-ADJ вещь-LAT1 верить.VBLZ-DUR-INCH-PSTN-3SG.ob
 '(От того худые обычаи явились), а поэтому человеческий род злу стал верить' [Макарий 1900: 7].

Тау 'это, этот, эти'

- (61) *Грѣк-се тау чуочо-нт кушай меишела азу-мб-а.*
 грех-СОМ это земля-LAT1 сколько болезнь статья-PSTN-3SG.sub
 'С грехом во всей земле (в эту землю) разные болезни стали' [Макарий 1900: 5].

Ау 'тот, другой'

- (62) *Куттар он-еячь пуре-ге-нт со-н тәрб-ант, ау ку-ни*
 как сам-2SG сам-LAT-GEN.POSS.2SG хороший-ADVz думать-PRS.2SG.sub другой человек-LAT2
най ний со-н тәрби-к.
 также так хороший-ADVz думать-IMP.2SG.sub
 'Как себе самому добра желаешь, другому человеку столько же добра желай' [Макарий 1900: 14] (см. этот же пример под № 38).

3.8. Наречия, прилагательные и числительные от местоименных основ

В материалах св. Макария зафиксированы наречия, прилагательные и числительные, основой которых служат вопросительные местоимения и местоименные основы *кай* 'что' и *ку* 'PRON.STEM', указательные местоимения и местоименные основы *на* 'это', *не* (*ни*, *ны*) 'PRON.STEM', *тэ* 'PRON.STEM', *ны* 'PRON.STEM'. Формальным показателем прилагательных во многих случаях служит суффикс *-й*, показателем наречий — *-н* (*-н*) либо соответствующие послелого и маркеры падежей. Ниже представлен список наречий, прилагательных и числительных, зафиксированных в текстах св. Макария, от соответствующих местоименных основ.

Каинтуй, каиндуй (от *кай* 'что') 'как'

Каиндуй, каинту, каиндуй (от *кай* 'что') 'какой'

Наишай, нашан (*на-н-шай* — это-GEN-PSTP.ADVz) 'так'

Нашакын (*на-ша-кын* — это-PSTP-LOC1) 'тогда'

Нашакынто, нашакынты (*на-ша-кынто* — это-PSTP-ABL1) 'с той поры, с того времени'

Нашакый (*на-ша-кый* — это-PSTP-LOC.ADJz) 'тогдашний'

Кушшан (*ку-н-шан* — PRON.STEM-GEN-PSTP) 'сколько' [Alatalo 2004: 252]

Кушшай (*ку-н-шай* — PRON.STEM-GEN-PSTP.ADJz) 'сколько' [Alatalo 2004: 252]

Кутчен (*ку-т-чен* — PRON.STEM-GEN-PSTP.LOC) 'где' [Alatalo 2004: 252]

Кучетт (*ку-четт* — PRON.STEM-PSTP.LAT) 'куда' [Alatalo 2004: 252]

Кутар, куттар (*ку-тар* — PRON.STEM-PSTP) 'как' [Alatalo 2004: 251]

Нельджи (*не* — PRON.STEM) 'такой, такие, такое' [Alatalo 2004: 195] (данное местоимение также зафиксировано с маркером латива 1)

Нелджин, нельди (*не* — PRON.STEM) 'так' [Alatalo 2004: 195]

Темт, тэмт (*тэ-мт* — PRON.STEM-LOC.POSS) 'здесь' [Беккер и др. 1995б: 157]

Нынто (*ны-нто* — PRON.STEM-LOC.POSS) 'здесь' [Alatalo 2004: 195]

Нындокто (*ны-ндо-кто* — PRON.STEM-LOC.POSS-ABL) 'затем'

Ний, нийъ, нин (*ни-н* — PRON.STEM-ADVz) 'так' [Alatalo 2004: 195]

Далее представлены некоторые примеры образования местоименных наречий, прилагательных и числительных от разных основ:

- (63) *Тан тыбы-н чаат, каиндуй кай э-пп-а, кай кван-ды-к.*
 2SG 3SG-GEN за какой мучение быть-DUR-PRS.3SG мучение идти-TR-IMP.2SG.sub
 'Ты за Него, какие мучения есть, мучения терпи' [Макарий 1900: 23].

- (64) *Наша-кынты кум чипкола-м, вади-н кюжи-тте-м кошту-мб-ат.*
 так-ABL1 человек печаль-ACC тело-GEN болеть-NMNLZ-ACC познать-PSTN-3SG.ob
 'С того времени человек печали, тела болезни познал' [Макарий 1900: 5].

- (65) *Ман кушиан тау чуоч камбыры окырле те-се э-нч-аӳ.*
 1SG сколько это земля ?идти.к.концу всегда 2PL-COM быть-FUT-3SG.sub
 ‘Я до скончания века (сколько эта земля ...) всегда с вами буду’ [Макарий 1900: 20].

Далее приведена таблица 5, отражающая статистику встречаемости падежей с местоимениями и местоименными наречиями.

Таблица 5. Статистика встречаемости падежей с местоимениями и местоименными наречиями в книге св. Макария

Падежи	Количество употреблений
GEN -н (-ӳ, -ни, -ны)	20
ACC -м (-ми, -мъ)	25
ACC -н	5
LAT1 -нт (-нты, -нты, -нто)	1
LAT2 -ни (-ны, -нӳ, -на, -н)	16
LAT ¹⁶ -qV + GEN + POSS	1
LOC1 -гын (-кын, -гун, -кыӳ, -ган, -кэн, -гыӳ)	22
LOC2 -нан	3
LOC2 -нна	3
ABL1 -гынто (-гыӳта, -кынто, -гунто, -кынты, -гынты, -гыӳты, -гонды, -гаӳто, -гыӳто, -конто, -гант, -каӳто, -кенто)	5
ABL2 -нанто (-нант, -нандо)	5
COM -се (-зе)	5
DEST -ко (-нко)/-но	8

Подводя итоги, отметим, что, согласно распределению носовых и смычных в ауслауте (Юж. -т, -п, -п; Центр. -р, -т, -к; Сев. -т/-р (~ Ø), -н/-т (~ Ø), -п/-к (~ Ø)), диалект материалов св. Макария в полной степени обладает признаками южных диалектов: GEN -н, ACC -м, LOC1 -гын, DEST -нко. Еще одним признаком, отграничивающим его от центральных диалектов, является сохранение показателя COM -се (ср. переход *s > h, χ- и *ps > f в нарымском диалекте селькупского языка).

4. Наречие

В селькупском языке выделяются простые наречия, неразложимые на синхронном уровне, и наречия-дериваты.

Простые наречия

К простым наречиям в материалах св. Макария стоит отнести такие лексемы, как *ти* ‘сюда’, *олька* ‘ни с чем’, *кыдак* ‘всегда’, *саймы* ‘взаймы’ (заимств. из рус.). Также прилагательное *со* ‘хороший’ может использоваться в качестве наречия ‘хорошо’.

- (66) *Саймы-нт мадыр-ты кум олька ык уйде-т.*
 взаймы-LAT1 просить-PRS.PTCP человек ни.с.чем NEG.IMP отпустить-IMP.2SG.ob
 ‘Взаймы просящего человека ни с чем не отпускай’ [Макарий 1900: 14].
- (67) *Ку-ни эли-ку пел-галыӳ ас со е-нч-ыӳ.*
 человек-LAT2 жить-INF напарник-CAR.ADVZ NEG хорошо быть-IPRF-PRS.3SG.sub
 ‘Человеку быть (жить) одному нехорошо’ [Макарий 1900: 2].

Отдельно стоит выделить наречия *ней* (*нӳй, нӳи, най*) ‘также’ и *ай* (*аи*) ‘опять, еще’. Данные лексические единицы обладают переходным статусом и также могут выступать в качестве частиц (см. раздел «Частицы»), а лексема *ай* (*аи*) — еще и в качестве союза.

- (68) *Ӓре-т ней ас челы-м-енчы-ӳ.*
 луна-POSS.3SG также NEG свет-VBLZ-FUT-3SG.sub
 ‘Луна также не будет светить’ [Макарий 1900: 24].

¹⁶ В расчет не принимались личные лативные местоимения с грамматикализованным маркером латива -qV.

- (69) *Аи* *окыр кум* *э-ппы-нт,* *неп-т* *Лазарь.*
еще один человек быть-PSTN-LTNT.3SG имя-POSS.3SG Лазарь
'Еще один человек был по имени Лазарь' [Макарий 1900: 11].

Наречия-дериваты

Наречия-дериваты могут образовываться от разных частей речи при помощи маркера наречия *-ñ* (*-н*), маркеров падежей, иметь в своем составе послелог, а также бытийный глагол в деепричастной форме. Согласно распределению носовых и смычных в ауслaute (Юж. *-т, -н, -ñ*; Центр. *-р, -т, -к*; Сев. *-т/-р* (~ Ø), *-п/-т* (~ Ø), *-ñ/-к* (~ Ø)), в диалекте материалов св. Макария используется маркер *-ñ*¹⁷ — южная диалектная черта. Далее представлены наречия-дериваты, зафиксированные в материалах св. Макария.

- Авоñ* (*а-во-ñ* — NEG-хороший-ADVz) 'плохо'
Соñ (*со-ñ* — хороший-ADVz) 'хорошо'
Таадыñ (*таады-ñ* — правый, правильный-ADVz) 'правильно'
Варкыñ, варгын, варкын, варкыñ (*варкы-ñ* — большой-ADVz) 'сильно, очень'
Коччыñ, коччын, коччыñ, коччийñ (*коччы-ñ* — много-ADVz) 'много'
Оккырыñ (*оккыры-ñ* — один-ADVz) 'однажды'
Окуршайñ, окыржан (*окур-шайñ* — один-PRTP.ADVz) 'одинаково, единообразно'
Окырле, окурле (*окыр-е-ле* — один-быть-CVB1) 'всегда, вечно'
Энне (*эн-не* — верх.LAT) 'вверх' [Беккер и др. 1995б: 157]
Илле (*эн-не* — низ.LAT) 'вниз' [Беккер и др. 1995б: 157]

- (70) *Ну-ни* *варгы-н* *таады-ñ* *тйарбы-нтйй*
Бог-LAT2 большой-ADVz правильный-ADVz думать-PRS.PTCP
ку-ла-но *ас* *такты-ку* *тйи-мб-айñ.*
человек-PL-DEST NEG выгнать-INF прийти-PSTN-3SG.sub
'Перед Богом большими праведниками считающих себя людей не (их) спасти я пришел' [Макарий 1900: 17].

- (71) *Со* *ку-ла* *окырле* *э-ди* *со* *эле-сса-т* *кван-ж-ат.*
хороший человек-PL вечно быть-PRS.PTCP хороший жить-NMNLZ-LAT1 пойти-FUT-3PL
'Праведники в вечную жизнь пойдут' [Макарий 1900: 28].

Наречие, оформленное маркером *-лақи*, означает неопределенность во времени, разную степень интенсивности качества [Беккер и др. 1995б: 156]. В материалах св. Макария зафиксировано одно такое наречие *капчелак* (*капче-лак* — потом-ATTEN) 'попозже'.

- (72) *Капче-лак* *на мете-ме-нчь* *на јела-т,* *он-чи* *кат-пыды*
потом-ATTEN это прийти-PSTN-LTNT.3SG это день-POSS.3SG сам-3SG сказать-PST.PTCP
оджо-ун-т, *тас,* *ку-й* *кыча-н* *эле-пте-нч-ит.*
слово-PROL-POSS.3SG 2SG.ACC человек-ADJz род-ACC жить-TR-FUT-3SG.ob
'В имеющий прийти день (попозже это пришло, этот день), Им Самим сказанному по слову, теб-
я и всех людей (человеческий род) воскресит' [Макарий 1900: 23].

Наречия, образованные от существительных и местоименных основ, рассматриваются в разделах «Адвербиальные формы существительного» в статье о местоименной морфологии обсуждаемого памятника [Ковылин 2018] и «Наречия, прилагательные и числительные от местоименных основ» в настоящей статье.

После анализа всех наречий вопросы интерпретации вызывают лишь три лексемы: *анюнь* (*анюñ*) '?истинно', *анто* '?после', *нуанто* '?поэтому', которые не удалось обнаружить в доступных словарях. Данные лексемы также были проанализированы Х. Катцем, который затрудняется точно интерпретировать их. Так, комментируя лексему *анюнь*, он предлагает единственный возможный перевод из контекста '?истинно'¹⁸ [Katz 1976: 59, 61, 84, 85]. Рассматривая лексему *анто*, он пишет, что лексема неясна, и предлагает перевод '?после'¹⁹ [Katz 1976: 36, 37, 64, 85]. Интерпретируя лексему *нуанто*, Х. Катц предлагает рассматривать ее как сочетание русской лексемы *ну* 'ну' и селькупской *анто* '?после' [Katz 1976:

¹⁷ Латинская буква *-ñ* соответствует у св. Макария кириллической букве *-ñ* и в ряде случаев букве *-н*.

¹⁸ Warhlich [Katz 1976: 85].

¹⁹ Danach, darauf [Katz 1976: 85].

42, 43, 72]. Мы согласны с выводами Х. Катца, за исключением интерпретации последней лексемы, которую мы будем рассматривать как единое слово *нуанто* ‘?поэтому’.

(73) *Анюнь чендж-аӀ.*

?истинно говорить-PRS.1SG.sub

‘Истинно говорю’ [Макарий 1900: 26].

(74) *Анто кум камбальджы-мб-ат.*

?после человек сотворить-PSTN-3SG.ob

‘После всего человека сотворил’ [Макарий 1900: 2].

(75) *Нуанто Ну-н он-чы ку-ла-н-ты-ни, эльманд-ла-н таре тӀн-ыт,*

?поэтому Бог-GEN сам-3SG человек-PL-GEN-POSS.3SG-LAT2 ребенок-PL-GEN как знать-PRS.3SG.ob

со азу-мб-а.

хороший стать-PSTN-3SG.sub

‘Поэтому Бог своих людей как детей (знал и) пожалел’ [Макарий 1900: 8].

5. Прилагательное

Формальными показателями прилагательных в селькупском языке являются маркеры *-j* и *-l*. Согласно распределению диалектологических признаков, для южных диалектов более характерен согласный *-j*, а для центральных — *-l/-lʲ*; в диалекте материалов св. Макария в большинстве случаев используется показатель прилагательного *-й*, и только в двух случаях выделяется маркер *-л*.

Качественные прилагательные

Качественные имена прилагательные представлены в материалах св. Макария производными основами, за исключением лексемы *авой* ‘плохой’, которую можно рассматривать как лексикализовавшуюся единицу. Иногда к производным основам добавляется маркер прилагательного *-й*. Далее приведены качественные прилагательные, зафиксированные в материалах св. Макария.

Варгы ‘большой’

Со ‘хороший’

Тадык ‘правый’

Квотыче ‘левый’

Шанда ‘новый’

НагдӀ ‘голый’

АярыӀ ‘другой’

А-во-й — NEG-хороший-ADJz ‘плохой’

(76) *Со ку-ла-м тадык пеле-ка-нт ныльдж-ендж-ит.*

хороший человек-PL-ACC правый сторона-DIM-LAT1 поставить-FUT-3SG.ob

‘(Он) праведников по правую сторону поставит’ [Макарий 1900: 25].

Зафиксирован случай употребления прилагательного с маркером *-чыка*, имеющим уменьшительное значение и оттенок ослабления признака.

Соо-чыка — хорошо + ATTEN ‘хорошенький’

(77) *Окур соо-чыка эра Ной пая-н-ды-се,*

один хорошо-ATTEN старик Ной жена-GEN-POSS.3SG-COM

накур и-н-ды-се, пая-ла-н-ды-се калы-мб-а.

три сын-GEN-POSS.3SG-COM жена-PL-GEN-POSS.3SG-COM остаться-PSTN-3SG.sub

‘Один благочестивый старец Ной с женой, тремя сыновьями, их женами остался’ [Макарий 1900: 6].

Относительные прилагательные

Л. А. Алиткина и Н. М. Терещенко отмечают, что в селькупском языке полное выражение получил разряд относительных прилагательных, образующихся при помощи маркеров *-lʲ* или *-j* [Беккер и др. 1995б: 30—31; Терещенко 1968: 294—295]. Е. А. Хелимский исключает из числа прилагательных аффик-

тивные формы таких частей речи, как существительное и глаголы, и отмечает, что к прилагательным может быть отнесено небольшое количество слов как с маркером *-l'*, так и без него, обозначающих признак предмета, выполняющих функцию приименного определения и обладающих признаком степеней сравнения [Кузнецова и др. 1980: 266]. Автор работы придерживается точки зрения, при которой отыменные лексемы, оканчивающиеся на *-l'* или *-j*, могут быть отнесены к адъективным формам существительных, которые в процессе развития языка постепенно переходят в разряд относительных прилагательных. В свою очередь, адъективные формы глаголов рассматриваются нами только в качестве частей. В материалах св. Макария зафиксировано следующее относительное прилагательное.

Ненне-й — вперед.LAT2 + ADJz ‘передний, будущий’

- (78) *Иисус Христос ненне-й элы-сса-н кат-ку-мы-мд-ат.*
Иисус Христос вперед.LAT2-ADJz жить-NMNLZ-ACC сказать-НАВ-PSTN-LTNT-3SG.ob
‘Иисус Христос о том, что будет (будущую жизнь), предрекал’ [Макарий 1900: 11].

Отыменные, местоименные прилагательные и прилагательные от порядковых числительных представлены в разделе «Адъективные формы существительного» в статье о местоименной морфологии данного памятника [Ковылин 2018], а также в разделах «Наречия, прилагательные и числительные от местоименных основ» и «Порядковые числительные» в настоящей статье.

Отдельно выделим отглагольное прилагательное *алатолай*²⁰ (*алатулай*) ‘ложный’, так как данная лексема вызывает некоторые сложности при интерпретации.

- (79) *Ас со, алатолай ну-ла-ни омты-ле үбүру-мб-ат.*
NEG хороший ложный Бог-PL-LAT2 молиться-CVB1 начать-PSTN-3PL
‘Недобрым, ложным богам молиться стали’ [Макарий 1900: 6].

Также в текстах св. Макария возможно использование предикативных имен прилагательных, маркированных специальными суффиксами. В приведенном примере предикативное прилагательное с суффиксом *-ñ* ‘PRD.3SG’ используется вместе с глагольным предикатом *äзү-* ‘стать’ в 3 л. ед. ч.

- (80) *Чуочь а-во-ñ äзү-мб-а.*
земля NEG-хороший-PRD.3SG стать-PSTN-3SG.sub
‘Земля худой стала’ [Макарий 1900: 5].

6. Числительное

Далее рассматриваются количественные, собирательные и порядковые числительные, представленные в материалах св. Макария.

Количественные числительные

В тексте обсуждаемого памятника зафиксированы следующие количественные числительные.

- Окыр* (*оккур, окур*) ‘один’
Шиты (*шиды, шит, шидо*) ‘два’
Нагур (*нагуру, накур*) ‘три’
Тетты ‘четыре’
Сомбла ‘пять’
Мухтут ‘шесть’
Сельджи ‘семь’
Нак-сари — три + связка, шнурок десятками ‘тридцать’
Тес-сары — четыре + связка, шнурок десятками ‘сорок’

Особый интерес представляют следующие две формы числительных.

1) *Сомбла кот тон* ‘пять тысяч’. Данное числительное выражается последовательностью более простых составляющих его компонентов-числительных: *сомбла* ‘пять’ + *кот* ‘десять’ + *тон* ‘сто’.

²⁰ *Аллегу* ~ *älугу* ‘обмануть, рассердиться’ [Быконя и др. 2005: 13]; *äлыдыгу* ‘обмануть’ [Быконя и др. 2005: 14]; *äлыдылый* ‘обманчивый’ [Быконя и др. 2005: 14]. Можно предположить, что лексема *алатолай* ‘ложный’ является отглагольным прилагательным от незасвидетельствованного глагола *алатол-*.

- (81) *Аи оккырыӀ сомбла нѝи-се, шит квыл-зе сомбла кӀт тон кум*
 еще однажды пять хлеб-COM два рыба-COM пять десять сто человек
абс-ты-мб-ат, ас тор-б-а нӀ-ль-кум кыта
 еда-VBLZ.TR-PSTN-3SG.ob NEG считать-DUR-PRS.3SG дочь-ADJZ-человек маленький
мы-ла-н-ты-се
 вещь-PL-GEN-POSS.3SG-COM
 ‘Еще однажды пятью хлебами, двумя рыбами пять тысяч народа напитал, не считая женщин с детьми’ [Макарий 1900: 12].

2) *Нагур квэ-н наксари по-н-т и по-н-т пеле-ка-(н)* ‘тридцать три с половиной года’. Первая часть ‘тридцать три года’ состоит из числительного *нагур* ‘три’, следующего за ним существительного *квэ* ‘излишек, остаток’, маркированного генитивом *-н*, и числительного *наксари* ‘тридцать’; также добавляется существительное *по* ‘год’, оформленное маркерами генитива и посессивности *-н + -т*. Вторая часть ‘и половина года’ состоит из русского союза *и*, существительного *по* ‘год’, оформленного маркерами генитива и посессивности *-н + -т*, и существительного *пеле-ка* ‘половина + DIM’.

- (82) *Ну-н И-т Иисусь Христось чуочо-кын нагур квэ-н наксари*
 Бог-GEN сын-POSS.3SG Иисус Христос земля-LOC1 три излишек-GEN тридцать
по-н-т и по-н-т пеле-ка-н эла-мб-а.
 год-GEN-POSS.3SG и год-GEN-POSS.3SG половина-DIM-LAT2 жить-PSTN-3SG.sub
 ‘Божий Сын Иисус Христос на земле три к тридцати годам и года половину (тридцать три с половиной года) жил’ [Макарий 1900: 18].

Количественные числительные в материалах св. Макария могут принимать маркеры падежей.

- (83) *На темнӀ-ла-н-т коте-каӀт окыр-ни ме-мб-алыт, Мека ме-мб-алыт.*
 это брат-PL-GEN-POSS.3SG промежуток-ABL1 один-LAT2 сделать-PSTN-2PL 1SG.LAT сделать-PSTN-2PL
 ‘Из сих братьев одному, что сделали, Мне сделали’ [Макарий 1900: 26].

Собирательные числительные

В исследуемых материалах зафиксировано собирательное числительное *шинне* ‘оба’.

- (84) *На крӀх-но Ном шинне рай-кынто то такы-мб-ат.*
 это грех-DEST Бог оба рай-ABL1 прочь выгнать-PSTN-3SG.ob
 ‘За этот грех Бог их (обоих) из рая изгнал’ [Макарий 1900: 5].

Порядковые числительные

Порядковые числительные в текстах св. Макария имеют показатель *-мчел* (*-нчел*), который распадается на составляющие элементы *-мчел* ‘ORD’ и *-и* ‘ADJZ’.

Шиды-мчел-и — два-ORD-ADJZ ‘второй’
Нагуру-мчел-и (нагуру-нчел-и) — три-ORD-ADJZ ‘третий’
Тессары-мчел-и — сорок-ORD-ADJZ ‘сороковой’

- (85) *Шиды-мчел-и заповѣдь най нейлдчи.*
 два-ORD-ADJZ заповедь EMPH такой
 ‘Вторая заповедь подобная ей (такая же)’ [Макарий 1900: 13—14].

В дополнение стоит выделить одно наблюдение: в лексемах *шиты* ‘два’ и *шинне* ‘оба’ вместо ожидаемого в соответствии с переходом **šj* > *s* (Сев., Центр. *šj*; Юж. *s*) согласного *s* используется согласный *ш*. То же самое относится и к маркеру двойственного числа *-штыяк*, первая часть которого возводится к числительному ‘два’.

7. Послелогии

Все послелогии в селькупском языке могут быть разделены на серийные и несерийные; серийными называются те, которые соотносятся с именами существительными в формах пространственных падежей (корневая часть + маркеры пространственных падежей), а несерийными — не образующие серий с дру-

гими послелогоми тождественной именной этимологии [Беккер и др. 1995б: 180]. В материалах св. Макария обнаружено всего два серийных и три несерийных послелога.

Серийные послелоги

В материалах св. Макария отмечаются следующие серийные послелоги:

Коте-кайт (*коте-кент*) — промежуток-ABL1 ‘из’

Пары-нт (*пору-нт*) — верх-LAT1 ‘на’

- (86) *Ку-ла-м то и-ку чуочы-н пору-нт түй-мбаты, ку-ла-но*
 человек-PL-ACC прочь взять-INF земля-GEN верх-LAT1 прийти-PST.PTCP человек-PL-DEST
таку-мбаты Ну-н кәка-л-бы-тте и ку-тте-т
 выгнать-PST.PTCP Бог-GEN мучение-VBLZ-DUR-NMNLZ и умереть-NMNLZ-POSS.3SG
кушакын ней ык аульджи-ккө-т.
 когда EMPH NEG.IMP забыть-NAV-IMP.2SG.ob
 ‘Людей спасти на землю пришедшего, людей спасшего Бога страданий и смерти никогда не забывай’ [Макарий 1900: 22].

Несерийные послелоги

В материалах св. Макария отмечаются следующие несерийные послелоги:

Чат (*чаат, чаты*) ‘о, за’

Даре (*таре*) ‘подобно, как’

Мор ‘в течение’

- (87) *Квоя-те-н мор тегинтет түй-с-аһ, тий Масым ас үйды-с-ылт.*
 ходить-NMNLZ-GEN в.течение 2PL.LAT прийти-PST-1SG.sub 2PL 1SG.ACC NEG пустить-PST-2PL
 ‘Был странником (во время хождения), приходил Я к вам, и вы Меня не приняли’ [Макарий 1900: 27].

8. Частицы

В текстах св. Макария встречаются следующие частицы:

1) *Ас* (*аз*) ‘NEG’ — базовая отрицательная частица, используется в препозиции к любой лексеме, требующей отрицания, кроме глагола в форме императива или оптатива. Использование согласного *с* в данной лексеме относит диалект текстов св. Макария к южной диалектной группе на основе следующего критерия — развитие **s > h, χ*- и **ps > f* в нарымском диалекте.

2) *Ык* (*эки, эк, ак*) ‘NEG.IMP’ — отрицательная частица; используется в препозиции к глаголу в форме императива или оптатива.

3) *Би* ‘бы’ (заимств. из рус.) — употребляется в конъюнктиве.

4) *Ней* (*нәй, нәи, нәй*) ‘EMPH, также’ — эмфатическая выделительная частица; также участвует в словообразовании отрицательных местоименных и наречных конструкций и употребляется в качестве наречия (см. разделы «Отрицательные местоименные конструкции», «Простые наречия»).

5) *Ай* (*аи*) ‘опять, еще’ — эмфатическая выделительная частица; также употребляется в качестве наречия и союза (см. раздел «Простые наречия»).

6) *Та* ‘INDEF’, *ем* ‘INDEF’ — частицы-энклитики, служащие для образования неопределенных местоимений и наречий (см. раздел «Неопределенные местоимения»).

7) *Илле* (*йлле*) — частица-энклитика, присоединяется к словоформе с лативным значением. Данная частица-энклитика может трактоваться, с одной стороны, как элемент, придающий словоформе с лативным значением оттенок определенности (антоним частицы *емте*²¹ ‘-нибудь, INDEF’) ‘DEF’ [Беккер и др. 1995б: 246—247], а согласно другой точке зрения — как элемент, придающий лексеме значение приблизительной, неопределенной ориентации ‘APROX’ [Беккер и др. 1995б: 119]. Мы затрудняемся однозначно интерпретировать данную единицу, однако будем последовательно придерживаться первого варианта ее трактовки.

²¹ Написано латиницей.

Приведем примеры использования данных частиц.

- (88) *Эки чурь-к!*
NEG.IMP плакать-IMP.2SG.sub
'Не плачь' [Макарий 1900: 11].
- (89) *Благословлены-м-то юр-чи-мб-ат кум,*
благословение-ACC-POSS.3SG потеряться-TR-PSTN-3SG.ob человек
счаско-м-т ней юр-чы-мб-ат.
счастье-ACC-POSS.3SG EMPH потеряться-TR-PSTN-3SG.ob
'Благословенный (благословение потерял) человек и счастья лишился (счастье потерял)'
[Макарий 1900: 5].
- (90) *Тека-йлле каиду-эм а-во-й тән түй-лос...*
2SG.LAT-DEF как-INDEF NEG-хороший-ADJ мысль прийти-OPT.3SG.PTCL
'Теперь тебе какая-нибудь худая мысль придет, (дьявол в грех если повлечет, ты с ним не соглашайся)' [Макарий 1900: 23] (см. этот же пример под № 53).

9. Превербь

Селькупские превербь формально мало чем отличаются от соответствующих наречий, а их основной особенностью является предшествование глаголам и модификация их семантики. Иногда довольно сложно сказать, является ли анализируемая лексема превербом или наречием. В материалах св. Макария зафиксированы следующие превербь: *инне* (*энне*) 'вверх', *мал* 'врозь', *элле* 'вниз', *то* 'прочь'. Далее приведены примеры превербь с глаголами из анализируемого памятника.

- Инне.вачы-нты* — вверх + подняться + IPRF 'подниматься'
Энне.вачы-ку — вверх + поднять + НАВ 'поднимать, исцелять'
Мал.кван — врозь + пойти 'разойтись, рассеяться'
Мал.тар-чи — врозь + разделить + IPRF 'разделять'
Мал.ын — врозь + взять 'отделить'
То.джаджи — прочь + бросить, вынести 'вывести'
То.и — прочь + взять 'отобрать, избавить'
То.кваны — прочь + пойти 'отойти, отступить, отворотиться'
То.нү-м-кел-джи — прочь + камень + VBLZ + MLTPL + INTNS.PRF 'отвалить.камень'
То.такты — прочь + выгнать 'изгнать, выгнать'
То.такты-ку — прочь + выгнать + НАВ 'изгонять'
То.чанны — прочь + выйти 'выйти'
Элле.альч-еле — вниз + упасть + MPTSVJ 'упасть (о многих)'

- (91) *Лыпа-й мы-кыӈ амни-нты ку-ла-м то чинч-енч-ау,*
тьма-ADJZ вещь-LOC сидеть-PRS.PTCL человек-PL-ACC прочь выбросить-FUT-1SG.ob
Ну-м²² челы-м-быды мы-нт чадж-енч-ау.
Бог-GEN свет-VBLZ-PRS.PTCL вещь-LAT вывести-FUT-1SG.ob
'В темных местах сидящих людей выведу, в Божий свет введу' [Макарий 1900: 18].

- (92) *Нагур и-н-до-нандо челы-м-быты ку-ла,*
три сын-GEN-POSS.3SG-ABL2 свет-VBLZ-PST.PTCL человек-PL
кучетт удьры-мб-а, мал кван-б-ат.
куда остановиться-PSTN-3SG.sub врозь пойти-PSTN-3PL
'От троих сыновей произошедшие люди во все стороны рассеялись (где остановились, разошлись)' [Макарий 1900: 6].

10. Заключение

Материалы св. Макария были проанализированы на предмет употребления в них местоимения, наречия, прилагательного, числительного, послелогов, частиц и превербь.

²² *Ну-м*, скорее всего, опечатка, должно быть *Ну-н* 'Бог-GEN'.

Местоимение

Местоимения могут изменяться по лицам, числам, падежам, нести на себе маркеры посессивности, а также относиться к одушевленным и неодушевленным объектам.

1. Личные местоимения.

1.1. Категория числа: ед. ч. -Ø; дв. ч. -ягы (-яги, -як), -штыяк; мн. ч. -ла.

1.2. Категория падежа: номинатив 1SG ман (маны); 2SG тан; 3SG табы (тыбы, таб, тапы, тыпы, тап); 1PL ме (мий); 2DU и 2PL те (тий, тий) (не противопоставляются); 3DU табыяк, табыштыяк; 3PL табыла; генитив 1SG(GEN) ман (маны); 2SG(GEN) тан; 1PL(GEN) ме (мий) 3SG-GEN табы-н; аккумулятив 1SG.ACC ма-ссы-м '1SG-suppletive.ACC-POSS.1SG'; 1SG.ACC маны-м; 2SG.ACC та-с-т '2SG-suppletive.ACC-POSS.2SG', та-с '2SG-suppletive.ACC', с-т 'suppletive.ACC-POSS.2SG'; 2PL.ACC те-с-тыт (тиу-с-там) '2PL-suppletive.ACC-POSS.3PL'; 3SG.ACC тапы-м; 3SG-DU-DU-ACC табы-я-гы-м; 3SG-PL-ACC табы-ла-м; 3SG-PL-ACC табы-ла-н; латив 1SG.LAT ме-ка '1SG-LAT', ме-ке-н (ме-ка-н, ме-га-н, ме-ге-н) '1SG-LAT-POSS.1SG'; 2SG.LAT те-ка (те-кка) '2SG-LAT'; 2DU.LAT те-ги-н-ди '1PL-LAT-GEN-POSS.2DU'; 2PL.LAT те-ге-н-тыт (те-ге-н-ныт, те-га-н-тыт, те-га-н-тет, те-ги-н-тет, тий-гы-н-дыт) '2PL-LAT-GEN-POSS.3PL'; локатив 2 1SG.LOC2 ман-нан, 2SG.LOC2 тан-нан, 3SG-PL-GEN-LOC2 табы-ла-н-нан; 3SG-LOC2 тапы-нна, 3SG-PL-LOC2 табы-ла-нна; аблатив 2 1SG-ABL2 ман-нанто, 3SG-GEN-ABL2 тыбы-н-нанто (табы-нанто); комитатив 3SG-DU-DU-COM табы-шты-я-к-се; 3SG-COM тапы-се (табы-се).

1.3. Категория посессивности: для местоимений 1 и 2 л. характерно, хотя и не обязательно, образование латива и аккумулятива при помощи посессивных суффиксов, подчеркивающих лицо и число личных местоимений.

2. Возвратно-личные местоимения *оп-* 'сам' и *пире-* 'сам'.

2.1. Местоимение *оп-* 'сам' изменяется по лицам, числам и падежам: номинатив/генитив 1SG -ей (-ен); 2SG -ейчъ (-енч, -ынч); 3SG -чы (-чи, -чь, -ч); 3PL -чыт; аблатив 2 3SG-ABL2 -чы-нанто.

2.2. Местоимение *пире-* (*пирь-, пиря-, пьра-*) 'сам' изменяется по падежам принимает посессивные маркеры соответствующего лица и числа: номинатив POSS.1SG -у, POSS.2SG: -л; аккумулятив ACC-POSS.3SG -н-т; латив LAT-GEN.POSS.2SG -ге-н-т.

3. Взаимно-личное местоимение *не-* 'RECIP': ACC-POSS.3SG -м-т.

4. Вопросительные местоимения *кот* 'кто', *кай* (*каи*) 'что': номинатив *кот* 'кто'; номинатив *кай* (*каи*) 'что', аккумулятив *каи-м* 'что', латив 1 *каи-нт* 'чему', аблатив 1 *кай-гынто* 'из чего' и дестинатив *кай-но* 'почему'.

5. Отрицательные местоименные конструкции от местоимения *кот* 'кто' в номинативе *куды-ней* (*куты-ней, куд-ней*) + *ас/аз* — кто-EMPH + NEG 'никто не'; от местоимения *кай* (*каи*) 'что' в номинативе: *кай-ней* + *ас* — что-EMPH + NEG 'ничто не', *кай-ней* + *джайку* — что-EMPH + отсутствовать 'ничто не быть'; генитиве *каи-н-ней* + *ас* — что-GEN-EMPH + NEG 'ничего не'; дестинативе *кай-но* + *ас* — что-DEST + NEG 'никак не', от местоименного наречия *кушакын* 'когда' *куша-кын ней* + *ас/ык* — сколько-LOC1 + EMPH + NEG/NEG.IMP 'никогда не'.

Зафиксирован случай использования отрицательной местоименной конструкции от местоимения *кай* (*каи*) 'что' с маркером посессивности: *кай-т-ней* + *ас* — что-POSS.3SG-EMPH + NEG 'ничто ее не'.

6. Неопределенные местоимения: *кушай-та* 'сколько-то'; *кайду-ем* (*каиду-эм*) 'как-нибудь, какая-нибудь'; *аватты* (*аватти*) 'некоторый'.

7. Указательные местоимения: *тау* 'это, этот, эти'; *ау* 'тот, другой'; от местоимения *на* 'это': номинатив *на* 'это, этот, тот'; генитив *на-н* 'этой'; аккумулятив *на-м* 'это'; латив 2 *на-ни* 'этому', *на-ла-ни* 'этим'; комитатив *на-зе* 'с этим'; дестинатив *на-н-ко* (*на-но*) 'за это, от того, для этого, потому';

8. Наречия, прилагательные и числительные от местоименных основ: *каинтуñ* (*каиндуñ*) 'как', *каиндуй* (*каинту, каиндуй*) 'какой', *нашшай* (*нашан*) 'так', *нашакын* 'тогда', *нашакынто* (*нашакынты*) 'с той поры, с того времени', *нашакый* 'тогдашний', *кушшан* 'сколько', *кушшай* 'сколько', *кутчен* 'где', *кучетт* 'куда', *кутар* (*куттар*) 'как', *нельджи* 'такой, такие, такое', *нельджин* (*нельдиñ*) 'так', *темт* (*тэмт*) 'здесь', *нынто* 'здесь', *нындокто* 'затем', *ниñ* (*ниñь, нин*) 'так'.

Наречие

Выделяются простые наречия и наречия-дериваты. Формальный показатель наречия — *-ñ* (-н).

1. Простые наречия: *ти* 'сюда', *оыка* 'ни с чем', *кыдак* 'всегда', *саймы* 'взаимы' (заимств. из рус.), *со* 'хорошо', *ней* (*нэй, нэй, най*) 'также', *ай* (*аи*) 'опять, еще'.

2. Наречия-дериваты: *авоñ* 'плохо', *соñ* 'хорошо', *таадыñ* 'правильно', *варкыñ* (*варгын, варкын, варкыñ*) 'сильно, очень', *коччыñ* (*коччын, коччыñ, коччийñ*) 'много', *оккырыñ* 'однажды', *окуршай* (*окуржан*) 'одинаково, единообразно', *окурле* (*окурле*) 'всегда, вечно', *энне* 'вверх', *илле* 'вниз'. Наречие,

оформленное маркером *-laqi*, означает неопределенность во времени, разную степень интенсивности качества: *капчелак* (*капче-лак* — потом-АТТЕН) ‘попозже’.

3. Неясные случаи: *анюнь* (*анюӧн*) ‘?истинно’, *анто* ‘?после’, *нуанто* ‘?поэтому’.

Прилагательное

Выделяются качественные и относительные прилагательные. Формальный показатель прилагательного — *-й* и *-л* (2 примера).

1. Качественные прилагательные: *варгы* ‘большой’, *со* ‘хороший’, *тадык* ‘правый’, *квотыче* ‘левый’, *шанда* ‘новый’, *нагдъ* ‘голый’, *аярый* ‘другой’, *авой* ‘плохой’. Зафиксирован случай образования прилагательного при помощи маркера *-чыка*, имеющего уменьшительное значение и оттенок ослабления признака: *соо-чыка* ‘хорошенький’.

2. Относительные прилагательные образуются от других частей речи при помощи маркера прилагательного — *-й* и *-л* (2 примера).

Имена прилагательные могут использоваться в качестве предикатива с соответствующим предикативным суффиксом.

Числительное

Отмечаются количественные, собирательные и порядковые числительные.

1. Количественные числительные: *окрыр* (*окурр*, *окур*) ‘один’, *шиты* (*шиды*, *шит*, *шидо*) ‘два’, *нагур* (*нагуру*, *накур*) ‘три’, *тетты* ‘четыре’, *сомбла* ‘пять’, *мухтут* ‘шесть’, *сельджи* ‘семь’, *наксари* ‘тридцать’, *тессары* ‘сорок’, *сомбла кӧт тон* ‘пять тысяч’, *нагур квэн наксари* (*понт*) и (*понт*) *пелека(н)* ‘тридцать три с половиной (года)’.

2. Собирательные числительные: *шинне* ‘оба’.

3. Порядковые числительные: *шидымчели* ‘второй’, *нагурумчели* (*нагурунчели*) ‘третий’, *тессарымчели* ‘сороковой’.

Послелого

Послелого разделяются на серийные и несерийные.

1. Серийные послелого: *котекайт* (*котекент*) ‘из’, *парынт* (*порунт*) ‘на’.

2. Несерийные послелого: *чат* (*чаат*, *чаты*) ‘о, за’, *даре* (*таре*) ‘подобно, как’, *мор* ‘в течение’.

Частицы

Отмечены следующие частицы: *ас* (*аз*) ‘NEG’, *ык* (*эки*, *эк*, *ак*) ‘NEG.IMP’, *би* ‘бы’ (заимств. из рус.), *ней* (*нӧй*, *нӧи*, *най*) ‘EMPH, также’, *ай* (*аи*) ‘опять, еще’, *та* ‘INDEF’, *ем* ‘INDEF’, *илле* (*йлле*) ‘DEF’.

Превербы

Выделяются следующие превербы: *инне* (*энне*) ‘вверх’, *мал* ‘врозь’, *элле* ‘вниз’, *то* ‘прочь’.

Сопоставительный анализ позволил выделить следующие отличительные черты диалекта материалов св. Макария:

1) В диалекте св. Макария используется маркер множественного числа *-ла*, что объединяет его с южными диалектами. Этот же маркер представлен в данных за конец XX в. по среднеобским говорам шёшкумов/шешкупов и является инновационной чертой в селькупском языке в целом.

2) В диалекте анализируемого памятника выделяются маркеры генитива *-н*, аккузатива *-м*, локатива I *-гын*, дестинатива *-нко* (*-но*), маркеры возвратно-личного местоимения *он-* ‘сам’ 1SG *-еη*, ADVz *-η*, а также личные местоимения 1SG *man* и 2SG *tan*, что, согласно распределению носовых и смычных в ауслате (Юж. *-m*, *-n*, *-η*; Центр. *-p*, *-t*, *-k*; Сев. *-m/-p* (~ Ø), *-n/-t* (~ Ø), *-η/-k* (~ Ø) [Хелимский 1985]), следует отнести к архаичным показателям, сохранившимся в южных диалектах. При сравнении материалов св. Макария с более поздними данными по этому же говору (среднеобские говоры шёшкумов/шешкупов) дополнительно были проанализированы данные из архива ЛЯНС и «Русско-селькупского разговорника на базе среднеобского говора шёшкупов» [Архив ЛЯНС 1980—1981²³; Быконя 1999]. Выяснилось, что среднеобские говоры шёшкумов/шешкупов имеют маркеры генитива *-t*, аккузатива *-m/-p*, дестинатива *-tko*, маркеры возвратно-личного местоимения *он-* ‘сам’ 1SG *-ek*, ADVz *-η/-k*, личные местоимения 1SG *mat/man* (1 случай) и 2SG *tat/tan*, что является проявлением смешанных черт, свойственных совре-

²³ Архивные материалы лаборатории языков народов Сибири по иванкинскому говору селькупского языка. Тома 55 и 58.

менным центральным и северным диалектам селькупского языка, а также северным диалектам в диахронии, что можно рассматривать как инновацию. Таким образом, с точки зрения формы всех перечисленных аффиксов у св. Макария зафиксировано более раннее состояние обского диалекта.

3) В диалекте материалов св. Макария и данных за вторую половину XX в. по среднеобским говорам шёшкумов/шёшкупов представлен согласный *-t* в ауслауте в посессивных формантах и суффиксах возвратно-личных местоимений. Эта же картина наблюдается в остальных диалектах селькупского языка, за исключением тазовского диалекта в посессивных формантах и суффиксах возвратно-личных местоимений, и среднеобских говоров в суффиксах возвратно-личных местоимений, где возможна рефлексация *-n/-t*.

4) В памятнике св. Макария используется супплетивный маркер аккузатива *s*, что в целом характерно для южных диалектов ($*\xi' > s$ в южных диалектах: Сев., Центр. ξ' ; Юж. *s* [Хелимский 1985]). В данных по среднеобским говорам шёшкумов/шёшкупов за конец XX в. выделяется супплетивный маркер аккузатива ξ , характерный для центральных и северных диалектов. Таким образом, мы можем предположить, что произошел переход $s > \xi$. Интересно, что в лексемах из материалов св. Макария *шиты* 'два' и *шинне* 'оба' и маркере двойственного числа *-штыяк* вместо ожидаемого согласного *s*, характерного для южных диалектов, используется ξ .

5) В диалекте св. Макария используется маркер комитатива *-се (-ze)* и базовая отрицательная частица *ас (аз)*, что полностью совпадает с данными по среднеобским говорам шёшкумов/шёшкупов за конец XX в. и отграничивает данные диалекты от нарымского, где произошел переход $*s > h, \chi$ - и $*ps > f$ [Хелимский 1985]).

6) В анализируемом памятнике выделяются маркеры прилагательных *-й* и *-л* (в двух случаях), в данных по среднеобским говорам шёшкумов/шёшкупов за конец XX в. — *-й*. Согласно диалектному распределению (для южных диалектов более характерен согласный *-j*, а для центральных — *-l/-l'* [Хелимский 1985]), и диалект св. Макария, и среднеобские говоры шёшкупов/шёшкумов относятся по данному признаку к южной диалектной группе.

Особенностью текстов св. Макария является использование маркера локатива 2 *-нна*, который не встречается в других диалектах.

Подводя итоги, отметим, что анализ книги св. Макария позволяет датировать переход согласных *-m, -n, -ŋ > -m/-p, -n/-t, -ŋ/-k* в ауслауте, и $s > \xi$ в маркере аккузатива по среднеобским говорам шёшкумов/шёшкупов XX веком.

Сокращения

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	EMPH — эмфаза
ABL — аблатив	EP — эпентеза
ABL1 — аблатив (для неодушевленных предметов)	FUT — будущее время
ABL2 — аблатив (для одушевленных предметов)	GEN — генитив
ACC — аккузатив	HAB — хабитуальность
ADJ — прилагательное	IMP — императив
ADJZ — адъективизатор	INCH — инхоатив
ADVZ — адвербиализатор	INDEF — неопределенность
APROX — приблизительность, неопределенность	INF — инфинитив
ATTEN — ослабление (неопределенность), уменьшительно-ласкательное значение	INTNS.PRF — интенсивно-перфектная совершаемость
CAR — каритив	IPRF — имперфектность
CAUS — каузатив	LAT — латив (древний показатель латива)
CHAR — характеристическая совершаемость	LAT1 — латив 1 (иллатив)
COM — комитатив	LAT2 — латив 2 (датив-аллатив)
CVB1 — имперфектное деепричастие	LOC — локатив
CVB2 — перфектное деепричастие	LOC1 — локатив (для неодушевленных предметов)
DEF — определенность	LOC2 — локатив (для одушевленных предметов)
DEST — дестинатив	LTNT — латентив
DIM — диминутив	MLTPL — мультипликативность
DU — двойственное число	MLTSBJ — мультисубъектность
DUR — дуратив	NEG — отрицательная частица
	NMNLZ — номинализатор

ob — объектное спряжение	PSTN — прошедшее повествовательное
OPT — оптатив	PSTP — послелог
ORD — порядковое числительное	PTCL — частица
PL — множественное число	PTCP — причастие
POSS — посессивность	RECIP — реципрок
PRD — предикатив	SG — единственное число
PROL — пролатив	sub — субъектное спряжение
PRON.STEM — местоименная основа	suppletive — супплетивность
PRS — настоящее время	TR — транзитивность
PST — прошедшее время	TRSL — транслатив
	VBLZ — вербализатор

Общие

дв.ч. — двойственное число	Сев. — северные диалекты
ед.ч. — единственное число	Таз. — тазовский диалект
мн.ч. — множественное число	Центр. — центральные диалекты
рус. — русский язык	Юж. — южные диалекты

Литература

Архив ЛЯНС 1962—1985 — Архив лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Селькупы. Тома: 5, 13, 20, 27, 28, 34, 36, 38, 42, 54, 55, 56, 58, 61, 64, 65. Томск, 1962—1985. {Archive of the Laboratory of Siberian Indigenous Languages TSPU. Serkup. Volumes: 5, 13, 20, 27, 28, 34, 36, 38, 42, 54, 55, 56, 58, 64, 65. Tomsk, 1962—1985.}

Беккер и др. 1995а — Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1. Томск, 1995. {Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A. Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part 1. Tomsk, 1995.}

Беккер и др. 1995б — Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 2. Томск, 1995. {Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A. Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part 2. Tomsk, 1995.}

Быконя 1999 — Быконя В. В. Шарватплэнд шёшкуй шэндсэ! Говори по-шёшкупски! (Русско-селькупский разговорник). Томск, 1999. {Bykonya V. V. Sharvatplend shoshkuj shendse! Speak Shoshkup language! (Russian-selkup phrase-book). Tomsk, 1999.}

Быконя и др. 2005 — Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. {Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. Selkup-Russian dialectal dictionary. Tomsk, 2005.}

Глушков и др. 2013 — Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография. Томск, 2013. С. 49—63. {Glushkov S. V., Baydak A. V., Maksimova N. P. Selkup dialects // Selkups: Surveys of traditional culture and language. Tomsk, 2013. P. 49—63.}

Григоровский 1879а — Григоровский Н. П. Объяснение праздников Св. Церкви. На остяцко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879. {Grigorovsky N. P. Explanation of the holidays of the Holy Church. In Ostyak-Samoyed / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Kazan, 1879.}

Григоровский 1879б — Григоровский Н. П. Священная история. На остяцко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879. {Grigorovsky N. P. Sacred History. In Ostyak-Samoyed / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Kazan, 1879.}

Дульзон 1952 — Дульзон А. П. Генеалогия Тобольжиных, Ижучкиных. Том 1. Томск, 1952. {Dulzon A. P. Genealogy of Tobolzhins, Izhuchkins. Vol 1. Tomsk, 1952.}

Ковылин 2018 — Ковылин С. В. «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков» (1900) святого Макария: именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2018, 4 (31). С. 130—155. {Kovylin S. V. "Conversations about the true God and true faith in the dialect of the Ob Ostyaks" (1900), St. Macarius: nominal morphology // Ural-Altaic Studies. 2018, 4 (31). P. 130—155.}

Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушккина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 1. М., 1980. {Kuznetsova A. I., Helimski E. A., Grushkina E. V. Essays on the Selkup language. Taz dialect. Vol. 1. M., 1980.}

Макарий 1900 — Макарий, Епископ Томский (Е. Н.) Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков. Томск, 1900. {Macarius, Bishop of Tomsk (E. N.) Conversations about the true God and true faith in the dialect of the Ob Ostyaks. Tomsk, 1900.}

ОТК 1901 — Отчет томского комитета православного миссионерского общества за 1900 год / Миссионерский отдел // Томские епархиальные ведомости. 1901, 5. С. 1—11. {Report of the Tomsk committee of the orthodox missionary society for 1900 / Missionary Department // Tomsk eparchial bulletin. Vol. 5. 1901. P. 1—11.}

Терещенко 1968 — *Терещенко Н. М.* К генезису частей речи (на материале самодийских языков) // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Ленинград, 1968. С. 292—300. {*Tereshchenko N. M.* Towards the genesis of the parts of speech (On the material of Samoyedic languages) // Problems of the theory of the parts of speech (On the material of languages of various types). Leningrad, 1968. P. 292—300.}

Хелимский 1982 — *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). Москва, 1982. {*Helimski E. A.* The most ancient Hungarian-Samoyedic language parallels (Linguistic and ethnogenetic interpretation). Moscow, 1982.}

Хелимский 1985 — *Хелимский Е. А.* К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42—58. {*Helimski E. A.* On account of the historical dialectology of the Selkup language // Comparative studies, Uralic studies: Lectures and articles. M., 2004. P. 42—58.}

Alatalo 2004 — *Alatalo J.* Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki, 2004.

Katz 1976 — *Katz H.* Selkupica 2. Erzbischof Makarijs Besedy ob Istinnom Boge i Istinnnoj Vere na Narecii Obskich Ostjakov von 1900. Munchen, 1976.

РЕЗЮМЕ

Данная работа посвящена описанию морфологии одного из первых памятников южноселькупской письменности, представленных епископом Макарием. Комментарии и первичная обработка данного памятника принадлежат Х. Катцу, однако до сих пор отсутствовал последовательный структурный анализ морфологии памятника. В статье приводится описание морфологии местоимения, наречия, прилагательного, числительного, послелогов, частиц и превербов. Дополнительно проводится сопоставительный анализ полученных данных с морфологией ранее описанных южных, центральных и северных диалектов селькупского языка.

SUMMARY

The paper presents a morphological description of one of the first written monuments in Southern Selkup, recorded by Bishop Macarius. The first solid comments and handling of the script were made by Hartmut Katz. Nevertheless, until now there was no consistent and structural analysis of its morphology. The paper deals with the description of the morphology of the pronoun, adverb, adjective, numeral, postposition, particles and preverbs. In addition, the data obtained were analyzed in comparison with the well described morphology of the Southern, Central and Northern Selkup dialects.

Ключевые слова: обские селькупы, местоимение, наречие, прилагательное, числительное, послелог, частицы, превербы, епископ Макарий

Keywords: Ob Selkups, pronoun, adverb, adjective, numeral, postposition, particles, preverbs, Bishop Macarius

Ковылин Сергей Васильевич, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томский государственный педагогический университет, Институт языкознания РАН (Москва); kovylin.ser@yandex.ru

Sergei V. Kovylin, National Research Tomsk State University, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk State Pedagogical University, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); kovylin.ser@yandex.ru

Изменения именной парадигмы в ульчском языке в условиях языкового сдвига¹

Введение

Ульчский язык (< тунгусо-маньчжурская языковая семья) находится на грани исчезновения. Им владеют не более 100 человек пожилого возраста, проживающих преимущественно в Ульчском районе Хабаровского края (см. [Герасимова 2002; Kazama 2010; Сумбатова, Гусев 2016]). В опубликованной литературе отсутствует какая-либо информация о диалектном членении ульчского языка. В статье [Суник 1997: 249] указано, что ульчский язык диалектного членения не имеет (то же в [Герасимова 2002: 250]). В то же время носители, с которыми нам довелось работать, указывают на наличие двух диалектов или говоров: озерного и речного². Носители озерного говора происходят из поселений, находившихся на оз. Удыль, и сейчас проживают в основном в с. Богородское. Носители речного говора живут в с. Булава и в окрестных селениях. Диалектное разнообразие ульчского языка требует дополнительного изучения.

Все носители ульчского свободно говорят на русском языке. На данный момент русский является основным языком общения большинства ульчей. Постепенная утрата языка отразилась и на грамматической структуре ульчского языка. В статье описываются механизмы изменения именного склонения в условиях языкового сдвига — подробно рассматривается вариативность именных основ на гласный vs. на согласный *-n*, а также утрата лично-притяжательных аффиксов имен.

Во введении представлена информация об именных парадигмах из грамматических описаний Т. И. Петровой [1936] и О. П. Суника [1985], описана методика сбора материала для исследования. В первом разделе речь пойдет о вариативности разных типов именных основ и факторах, влияющих на выбор реализации основы. Второй раздел посвящен факторам, коррелирующим с утратой посессивного аффикса. В третьем разделе обсуждаются различия в данных, полученных от разных информантов, в сопоставлении с социолингвистическими сведениями об информантах. В заключении приводится интерпретация наблюдаемых тенденций и подводятся итоги исследования.

Существительное в ульчском языке может присоединять аффиксы числа, падежа и лица-числа possessora. Аффиксы присоединяются в следующем порядке: stem-NUMBER-CASE-POSS (например, *n'ṭ-səl-du-pi* <человек-PL-DAT-1PL> 'нашим людям'). Единственное число и именительный падеж не имеют формально выраженного показателя. Набор падежных и посессивных аффиксов одинаков для обоих чисел, набор посессивных аффиксов одинаков для всех падежей, форма числового аффикса не зависит от падежа и лица-числа обладателя.

Все основы по морфологическому типу можно разделить на основы, оканчивающиеся на **гласный** (например, *mō* 'дерево'), и основы, оканчивающиеся на **согласный** (например, *xurən* 'гора'), см. [Петрова 1936: 26; Суник 1985: 31—32]. Основы существительных второго типа могут заканчиваться на **согласные -n, -l, -g**. При этом, как отмечают и Т. И. Петрова [1936: 26], и О. П. Суник [1985: 32], в некоторых формах согласные *-n* и *-g* утрачиваются. Это касается прежде всего формы именительного падежа единственного числа, в которой согласный оказывается в абсолютном конце слова. Так, слово *xurən* 'гора' в им. п. ед. ч. реализуется как *xurə*, а слово *dərəg* 'лицо' реализуется как *dərə*³. Слова с основой на *-l* в форме им. п. имеют, наоборот, вариант с дополнительным конечным гласным *-i ~ -i:*: например, *χasal* 'крыло' — *χasalṭi*.

Наиболее многочисленны основы первого типа — на гласный. Среди основ на согласный большинство составляют основы на *-n*. Основы на *-l, -g* представлены единичными лексемами.

¹ Исследование выполнено по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-3158.2017.6 «Полевое исследование контактного влияния русского языка на грамматику вымирающих языков РФ: на материале диалектов нанайского и ульчского языков».

² На наличие двух диалектов в ульчском языке обратил внимание и А. М. Певнов (личное сообщение), см. также указание на наличие варьирования в ульчском языке в [Сумбатова, Гусев 2016: 514].

³ Подобные свидетельства находятся и в самом раннем описании ульчского языка — работе П. Шмидта [Schmidt 1923]. В этом кратком очерке не рассматриваются типы основ, однако автор обращает внимание на то, что один и тот же носитель может употреблять несколько вариантов одного слова, например, слова 'три': *ilan, ila, ela*.

Противопоставление по типам основ релевантно только для парадигмы единственного числа. Все существительные, оформленные аффиксом множественного числа *-sal* (оканчивающимся на согласный *-l*), ведут себя в соответствии с общим правилом для основ на согласный. В им. п. представлены варианты на *-l* и на *-li*: *n't-sal* <человек-PL> 'люди' — *n't-sali*.

От типа основы зависит выбор того или иного алломорфа показателя, следующего за основой (падежного или посессивного). Различие проявляется в форме винительного и локативного падежей, а также в выборе алломорфа посессивного аффикса 1 лица ед. ч. ('мой'), когда он присоединяется непосредственно к основе (т. е. в именительном падеже). См. парадигмы в таблицах ниже. Так, к основам на гласный присоединяется алломорф показателя аккузатива *-wa* ~ *-wə*, а к основам на согласный присоединяется алломорф аккузатива *-ba* ~ *-bə*; конечный согласный основы *-n* при этом подвергается регрессивной ассимиляции и реализуется как *-m*. Например, *mō-wa* <дерево-ACC>, но *xurəm-bə* <гора-ACC>.

Нами было выдвинуто предположение, что в ульчском языке, находящемся в состоянии языкового сдвига, вероятно вариативность между типами основ не только в упомянутой выше форме именительного падежа, но и за ее пределами. В первую очередь, естественно предположить, что основы на согласный будут употребляться как основы на гласный с соответствующими падежными и посессивными показателями, теряя конечный согласный во всех формах. Так, можно допустить, что слово 'гора' в аккузативе у некоторых носителей будет реализовываться как *xurə-wə*, т. е. как существительное на гласный. С другой стороны, поскольку существительные на *-n* также достаточно многочисленны, можно допустить и обратную вариативность: слово на гласный может реализовываться как слово на *-n*. Например, можно допустить, что от слова *gara* 'сук' некоторые носители будут предлагать форму аккузатива *garam-ba*, а не *gara-wa*. Результат исследования вариативности типов основ существительных у современных носителей ульчского языка представлен в главе 1.

Другое явление, рассматриваемое в этой статье, касается лично-притяжательной парадигмы имени. Притяжательность выражается как с помощью лично-притяжательных суффиксов, так и с помощью притяжательных местоимений. Притяжательные местоимения по форме совпадают с косвенной основой личных местоимений: *min* 'мой', *sin* 'твой', *nān* 'его/ее', *mūn* 'наш', *sun* 'ваш', *nāti* 'их'. Лично-притяжательная парадигма существительного приводится в таблице 1. В таблице 2 для сравнения приводится простая парадигма существительного (парадигмы в таблицах 1а и 2 приведены по [Суник 1985: 34]⁴, парадигма в таблице 1б составлена нами, по аналогии с 1а):

Таблица 1а. Лично-притяжательное склонение существительного *āpūn* 'шапка'

	1 лицо	2 лицо	3 лицо
единственное число посессора			
NOM	<i>āpūn-bi</i>	<i>āpūn-si</i> / <i>āpū-s(i)</i>	<i>āpū-n(i)</i>
ACC	<i>āpūn-ba-i</i>	<i>āpūn-ba-s(i)</i>	<i>āpūn-ba-n(i)</i>
INS	<i>āpūn-ži-i</i>	<i>āpūn-ži-s(i)</i>	<i>āpūn-ži-n(i)</i>
DAT	<i>āpūn-du-i</i>	<i>āpūn-du-s(i)</i>	<i>āpūn-du-n(i)</i>
DIR	<i>āpūn-ti-i</i>	<i>āpūn-ti-s(i)</i>	<i>āpūn-ti-n(i)</i>
LOC	<i>āpūn-dūla-i</i>	<i>āpūn-dūla-s(i)</i>	<i>āpūn-dūla-n(i)</i>
PROL	<i>āpūn-ki-i</i>	<i>āpūn-ki-s(i)</i>	<i>āpūn-ki-n(i)</i>
ABL	<i>āpūn-žiži-i</i>	<i>āpūn-žiži-s(i)</i>	<i>āpūn-žiži-n(i)</i>
DEST ⁵	<i>āpūn-žu-i</i>	<i>āpūn-žu-s(i)</i>	<i>āpūn-žu-n(i)</i>
множественное число посессора			
NOM	<i>āpūn-pu</i>	<i>āpūn-su</i> / <i>āpū-su</i>	<i>āpūn-ti</i>
ACC	<i>āpūn-ba-pu</i>	<i>āpūn-ba-su</i>	<i>āpūn-ba-t(i)</i>
INS	<i>āpūn-ži-pu</i>	<i>āpūn-ži-su</i>	<i>āpūn-ži-t(i)</i>
DAT	<i>āpūn-du-pu</i>	<i>āpūn-du-su</i>	<i>āpūn-du-t(i)</i>
DIR	<i>āpūn-ti-pu</i>	<i>āpūn-ti-su</i>	<i>āpūn-ti-t(i)</i>
LOC	<i>āpūn-dūla-pu</i>	<i>āpūn-dūla-su</i>	<i>āpūn-dūla-t(i)</i>
PROL	<i>āpūn-ki-pu</i>	<i>āpūn-ki-su</i>	<i>āpūn-ki-t(i)</i>
ABL	<i>āpūn-žiži-pu</i>	<i>āpūn-žiži-su</i>	<i>āpūn-žiži-t(i)</i>
DEST	<i>āpūn-žu-pu</i>	<i>āpūn-žu-su</i>	<i>āpūn-žu-t(i)</i>

⁴ Запись латиницей и разделение на морфемы наши. — С. О., Н. С.

⁵ Назначительный падеж (DEST) маркирует прямое дополнение, которое реферирует к объекту, предназначенному для одного из участников ситуации. Форма назначительного падежа есть только в лично-притяжательном склонении и отсутствует в простом склонении.

Таблица 1б. Лично-притяжательное склонение существительного *gasa* ‘утка’

	1 лицо	2 лицо	3 лицо
единственное число посессора			
NOM	<i>gasa-ḷ</i>	<i>gasa-s(i)</i>	<i>gasa-n(i)</i>
ACC	<i>gasa-wa-ḷ</i>	<i>gasa-wa-s(i)</i>	<i>gasa-wa-n(i)</i>
INS	<i>gasa-ḷi-ḷ</i>	<i>gasa-ḷi-s(i)</i>	<i>gasa-ḷi-n(i)</i>
DAT	<i>gasa-du-ḷ</i>	<i>gasa-du-s(i)</i>	<i>gasa-du-n(i)</i>
DIR	<i>gasa-ti-ḷ</i>	<i>gasa-ti-s(i)</i>	<i>gasa-ti-n(i)</i>
LOC	<i>gasa-la-ḷ</i>	<i>gasa-la-s(i)</i>	<i>gasa-la-n(i)</i>
PROL	<i>gasa-ki-ḷ</i>	<i>gasa-ki-s(i)</i>	<i>gasa-ki-n(i)</i>
ABL	<i>gasa-ḷiḷi-ḷ</i>	<i>gasa-ḷiḷi-s(i)</i>	<i>gasa-ḷiḷi-n(i)</i>
DEST	<i>gasa-ḷu-ḷ</i>	<i>gasa-ḷu-s(i)</i>	<i>gasa-ḷu-n(i)</i>
множественное число посессора			
NOM	<i>gasa-pu</i>	<i>gasa-su</i>	<i>gasa-ti</i>
ACC	<i>gasa-wa-pu</i>	<i>gasa-wa-su</i>	<i>gasa-wa-t(i)</i>
INS	<i>gasa-ḷi-pu</i>	<i>gasa-ḷi-su</i>	<i>gasa-ḷi-t(i)</i>
DAT	<i>gasa-du-pu</i>	<i>gasa-du-su</i>	<i>gasa-du-t(i)</i>
DIR	<i>gasa-ti-pu</i>	<i>gasa-ti-su</i>	<i>gasa-ti-t(i)</i>
LOC	<i>gasa-la-pu</i>	<i>gasa-la-su</i>	<i>gasa-la-t(i)</i>
PROL	<i>ḷpuḷ-ki-pu</i>	<i>ḷpuḷ-ki-su</i>	<i>gasa-ki-t(i)</i>
ABL	<i>gasa-ḷiḷi-pu</i>	<i>gasa-ḷiḷi-su</i>	<i>gasa-ḷiḷi-t(i)</i>
DEST	<i>gasa-ḷu-pu</i>	<i>gasa-ḷu-su</i>	<i>gasa-ḷu-t(i)</i>

Таблица 2. Простое склонение существительного *gasa* ‘утка’

NOM	<i>gasa</i>
ACC	<i>gasa-wa</i>
INS	<i>gasa-ḷi</i>
DAT	<i>gasa-du</i>
DIR	<i>gasa-ti</i>
LOC	<i>gasa-la</i>
PROL	<i>gasa-ki</i>
ABL	<i>gasa-ḷiḷi</i>

В приведенных формах в скобках указан гласный, который — по крайней мере, в беглой речи — часто опускается. Парадигма, указанная в работе [Петрова 1936: 31—32], в целом совпадает с парадигмой в таблице 1, за тем исключением, что Т. И. Петрова для 2 л. ед. ч. приводит только полные формы — с суффиксом *-si*. Кроме того, Т. И. Петрова для некоторых клеток парадигмы приводит варианты лично-притяжательных показателей, никак их не комментируя. В таблице 3 все суффиксы из [Петрова 1936: 31], полужирным нами выделены те суффиксы, которые не упоминаются в работе [Суник 1985].

Таблица 3. Лично-притяжательные показатели по [Петрова 1936: 31]

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>-i</i> (после гласной) <i>-bi</i> (после согласной)	<i>-pu ~ -pu, -mu ~ -mu</i>
2 л.	<i>-si (-ti)</i>	<i>-su ~ -su (-tu ~ -tu)</i>
3 л.	<i>-ni, -n</i>	<i>-ti, -t</i>

Формы множественного числа образуются аналогичным образом с той лишь разницей, что к основе присоединяется показатель *-sal ~ -səl*, за которым следуют падежный и лично-притяжательный показатель: *ḷpu-sal-ba-ḷ* <шапка-PL-ACC-1SG> ‘моих шапок’.

Употребление лично-притяжательных показателей современными носителями ульчского языка будет подробно описано в разделе 3. Исходное предположение состоит в том, что в ситуации языкового сдвига будут иметь место тенденции к сокращению инвентаря посессивных суффиксов и к опущению посессивного суффикса (единственным средством выражения посессивных отношений в этом случае ос-

тается притяжательное местоимение или выраженный посессор). Наши данные подтверждают это предположение и показывают, что процесс утраты посессивных аффиксов идет неравномерно.

Что касается падежного инвентаря, то необходимо отметить, что ни один из опрошенных носителей не использовал упоминаемую в предшествующих описаниях форму аблатива *-žiži*. Вместо нее использовался суффикс *-ži* (на возможность такого употребления указывает еще Т. И. Петрова [1936: 29]). Поскольку данный показатель формально совпадает с суффиксом инструменталиса, далее в статье он глоссируется как INS. Также ни один из носителей не употребил форму назначительного падежа, который должен маркировать прямой объект, предназначенный для какого-либо лица. Локативный падеж практически не используется в собственно локативном значении и встречается только в более периферийных функциях (например, для маркирования источника действия, как в ситуации ‘взять у кого-то’). В связи с указанными особенностями употребления падежей исследование лично-притяжательных форм проводилось не на всех падежных формах, а только на наиболее употребительных.

Падежи с пространственным значением конкурируют в ульчском языке с послеложными сочетаниями. Последние, как правило, более точно по сравнению с падежной формой задают локализацию объекта. В некоторых случаях выбор между падежной формой и послеложным сочетанием задан лексически. В особом положении находится направительный падеж (директив) *-ti*. У него есть полностью или практически полностью синонимичный ему коррелят — сочетание имени с клиткой *=ban ~ =bən*, занимающей в современном языке промежуточное положение между послелогом и падежным аффиксом. По предварительным наблюдениям, сочетание с *=ban* заметно употребительнее формы директива *-ti* и частично вытесняет эту падежную форму как в естественных текстах, так и в элицитированных данных.

Помимо лично-притяжательных в ульчском языке есть также возвратно-притяжательные формы (напр., *kičən-ži-i* <нож-INS-REFL.SG> ‘своим ножом’). Такие формы не рассматриваются в статье из-за недостатка материала.

Основное исследование проводилось методом элицитации. Информантам предлагалось перевести предложения с русского на ульчский язык. Предложения-стимулы содержали существительные, поставленные в определенный контекст так, чтобы при переводе с наибольшей вероятностью можно было получить интересующую нас форму ульчского существительного. Всего было опрошено 13 информантов (от некоторых из них удалось собрать данные только по части рассматриваемых слов). В качестве вспомогательного материала использовались данные текстов (см. детальную информацию в разделе 1) и социолингвистические данные об информантах (о методах сбора социолингвистических данных см. в разделе 3).

1. Вариативность в типах основ

Исследование вариативности типов основ было проведено на материале существительных на гласный и существительных на *-n* (данные по остальным типам существительных были слишком немногочисленны, чтобы делать какие-либо выводы). Принимались во внимание только формы единственного числа (поскольку в форме множественного числа противопоставление между основами нейтрализуется, см. выше) и без посессивных аффиксов. Был составлен список слов, включающий в себя существительные обоих типов. В таблице 4 приведены существительные, использованные в исследовании. Тип их основы указан в соответствии с [Суник 1985].

Таблица 4. Существительные, использованные в исследовании вариативности типа основы

ожидаемая основа на гласный	ожидаемая основа на <i>-n</i>
<i>mapa</i> ‘старик’	<i>pili(n)</i> ‘чашка; тарелка’
<i>piktə</i> ‘ребенок’	<i>bažɯ(n)</i> ‘враг’
<i>mū</i> ‘вода’	<i>biju(n)</i> ‘медведь’
<i>nā</i> ‘земля’	<i>xurə(n)</i> ‘гора’
<i>inda</i> ‘собака’	<i>awda(n)</i> ‘луг’
<i>ŋāla</i> ‘рука’	<i>aŋa(n)</i> ‘год’
<i>ɯpultə</i> ‘перо’	<i>xagdu(n)</i> ‘дом’
<i>nī</i> ‘человек’	
<i>xərəkə</i> ‘лягушка’	
<i>tō</i> ‘лось’	
<i>mō</i> ‘дерево’	
<i>ɯgda</i> ‘лодка’	
<i>gasa</i> ‘утка’	
<i>kori</i> ‘щука’ (в [Суник 1985] <i>kor(ɯ)</i>)	
<i>asj</i> ‘жена’	

Состав списка обусловлен в том числе компетенцией носителей: в список были включены частотные обиходные слова соответствующих типов, которые даже менее компетентные носители могли вспомнить более или менее без затруднений.

Русские предложения, использованные в качестве стимулов, включали в себя переводы искомым существительных на русский язык и были составлены таким образом, чтобы нужное слово оказалось в форме единственного числа в номинативе, аккузативе, дативе или инструменталисе-аблативе (если это было прагматически допустимо). Примеры русских предложений-стимулов для существительного *awda(n)* 'луг' в единственном числе приведены ниже.

(1) Но м и н а т и в

'Рядом с лесом есть большой луг'.

А к к у з а т и в

'Он прошел через луг'.

Д а т и в

'На лугу много травы'.

А б л а т и в

'Корова ушла с луга в лес'.

В таблице 5 приведены данные по количеству отклонений от ожидаемого типа основы. За ожидаемый тип основы был принят тот вариант, который представлен в словаре [Суник 1985] (см. таблицу 4). Сумма чисел для каждого слова соответствует количеству информантов, у которых это слово было спрошено. Так, например, слово *gasa* 'утка' было спрошено у двух информантов. Один из информантов во всех формах употребил основу на гласный, другой информант хотя бы в одной форме употребил основу на *-n gasan*. В столбец «есть отклонения» попадали данные по тем словам, по которым информант хотя бы в одной форме употребил тип основы, не соответствующий ожидаемому.

Таблица 5. Отклонения от ожидаемого типа основы (данные элицитации)

основа на гласный	ожидаемый тип	есть отклонения	основа на <i>-n</i>	ожидаемый тип	есть отклонения
<i>mapa</i> 'старик'	2		<i>aŋa(n)</i> 'год'	2	2
<i>gasa</i> 'утка'	1	1	<i>baʒu(n)</i> 'враг'	1	1
<i>mū</i> 'вода'	2		<i>buju(n)</i> 'медведь'	1	1
<i>nā</i> 'земля'	2		<i>xurə(n)</i> 'гора'	2	
<i>nī</i> 'человек'	4		<i>awda(n)</i> 'луг'	3	1
<i>xəɾəkə</i> 'лягушка'	4		<i>xagdu(n)</i> 'дом'	1	11
<i>upultə</i> 'перо'	2		<i>pili(n)</i> 'чашка; тарелка'		1
<i>kori</i> 'щука'	2				
(в [Суник 1985] <i>kor(u)</i>)					
<i>tō</i> 'лось'	4				
<i>ugda</i> 'лодка'	5				
<i>asī</i> 'жена'	3	1			
<i>piktə</i> 'ребенок'	2				
<i>inda</i> 'собака'	2				
<i>ŋāla</i> 'рука'	4				
<i>mō</i> 'дерево'	5	1			
СУММА	44	3		10	17

Слова, расположенные в белых ячейках, спрашивались только в падежных формах, а слова в закрашенных ячейках спрашивались также в разных посессивных формах.

Данные, приведенные в таблице 5, показывают, что в современном ульчском языке основы на гласный в целом сохраняют свой морфологический тип и редко ведут себя как основы на согласный. Среди основ на *-n* отклонения наблюдаются чаще. Таким образом, можно говорить о тенденции к выравниванию основ по типу на гласный. Наиболее значимые отклонения зафиксированы для слова *xagdu(n)* 'дом', но это может объясняться чисто техническими причинами: это слово было спрошено почти у всех информантов в полной лично-притяжательной парадигме, что сильно повышает вероятность отклонения хотя бы в одной из словоформ.

Как кажется, когда у существительных наблюдаются отклонения в типе основы, можно предположить, что на выбор типа основы могут влиять какие-либо факторы на синхронном уровне: фонетические или морфологические. Имеющиеся данные не позволяют выявить фонетические факторы, которые способствовали бы употреблению основы на гласный или, наоборот, на *-n*. Например, можно было бы допустить, что односложные существительные с долгой гласной ведут себя более стабильно и не допускают вариантов основы на *-n*, однако для слова *tō* ‘дерево’ все-таки было зафиксировано одно употребление с основой на *-n*⁶.

Отклонения от ожидаемого типа основы по-разному проявляются в разных падежных формах. В таблице 6 приводятся данные по каждому падежу. Во втором столбце указано количество всех полученных от информантов форм, которые были реализованы по типу на гласный, а в третьем столбце — количество всех полученных форм, реализованных по типу на *-n*. В последнем столбце указано количество форм, для которых один и тот же носитель приводил два разных варианта. Эти немногочисленные случаи вариативности в статистическом анализе не учитывались.

Таблица 6. Зависимость поведения основы от формы падежа

	как основа на гласный	как основа на <i>-n</i>	вариативность	χ^2 , p =
NOM	93	0	1	
ACC	69	9	3	0,0147
DAT	55	20	4	0,1276
INS	44	14	2	0,4649
DIR	23	7	2	0,7093

Отсутствие форм на *-n* в именительном падеже ожидаемо: как было сказано выше, на редукцию основ в этой форме указывают и О. П. Суник, и Т. И. Петрова. Вариативность в форме именительного падежа может проявиться только в притяжательных формах, т. е. при наличии дополнительных аффиксов, следующих за основой. Несмотря на то, что притяжательные формы были включены в подсчеты, только один из носителей допустил в качестве варианта основу на *-n*: этот вариант проявился в притяжательной форме 1 л. ед. ч. в слове *xagdum-bi* <дом-1SG> ‘мой дом’ (для основы на гласный ожидается *xagdu-i*). Среди остальных падежных форм статистически значимая корреляция между падежом и поведением основы (χ^2 , p < 0,05) выявлена только для аккумулятива. Иными словами, именно в аккумулятиве обнаруживается большая склонность основ существительных к тому, чтобы вести себя как основы на гласный.

В таблице 7 приведены дополнительные текстовые данные по тем же основам. Использована выборка текстов, записанных в селах Булава и Богородское в 2017—2018 гг., объемом 20034 клаузы. Множество рассказчиков частично, но не полностью пересекается с множеством носителей, от которых собирались данные эlicitации. Основы *pilin-*, *upultə-*, *korj-*, *awdan-* в выборке текстов не встретились, частотная основа *nī-* была исключена из-за омонимии. В подсчеты вошли употребления во всех формах, кроме тех, в которых непосредственно к основе присоединяется посессивный показатель 3 л. ед. ч. на *-n* или показатель отчуждаемой принадлежности на *-ŋ* (перед ним *-n* основы регулярно опускается по фонетическим правилам, и такой контекст не может служить различительным).

В таблицах 8—9 приведены количественные данные отдельно для номинативных и не-номинативных форм у слов, в которых наблюдается вариативность основы. В таблице 8 приведены данные из текстов 2017—2018 гг., в таблице 9 — из текстов, опубликованных в [Суник 1985].

По данным современных текстов вариативность в типе основы наблюдается как в номинативных, так и в косвенных формах. Примечательно, что в более ранних текстах, записанных О. П. Суником в 1966—1976 гг., в косвенных формах наблюдается регулярность: некоторые слова всегда употребляются с основой на *-n*, другие — всегда с основой на гласный⁷. Среди номинативных форм, от которых ожидается

⁶ На выбор основы, в частности, могут влиять очень частные факторы на уровне отдельных лексем или отдельных классов лексем. Например, у слова *gasa* ‘утка’ есть квазиомоним с этимологическим *-n gasa(n)* ‘село’. Для слова *asj* ‘жена’ важно, что оно употребляется преимущественно с посессивными аффиксами, в т. ч. с аффиксом 3 л. ед. ч. в форме *asjini*, для которой противопоставление между основой на гласный и на согласный нейтрализуется. Благодарим за эти наблюдения анонимного рецензента статьи.

⁷ Необходимо, конечно, учитывать, что общее количество употреблений этих слов в текстах из [Суник 1985] невелико, однако даже при небольшом количестве употреблений в современных текстах в косвенных формах наблюдается вариативность.

употребление варианта на гласный, все же встречаются употребления основы на *-n*. Прежде всего, сюда относятся употребления слова перед частицей *=da*, которая, видимо, влияет на реализацию конечного *-n*. Кроме того, в ряде случаев сложно понять, употребляется ли номинативная форма с основой на *-n* или с основой на гласный в сочетании с редуцированным посессивным показателем 3 л. ед. ч. *-n*.

Таблица 7. Вариативность в типах основ: текстовые данные

	на гласн.	на <i>-n</i>	% на <i>-n</i>	ожидаемый тип
<i>mapa</i>	39	0	0%	гласн.
<i>piktə</i>	95	0	0%	гласн.
<i>mū</i>	34	0	0%	гласн.
<i>nā</i>	40	0	0%	гласн.
<i>gasa</i>	6	0	0%	гласн.
<i>iŋda</i>	26	0	0%	гласн.
<i>ŋāla</i>	17	0	0%	гласн.
<i>asi</i>	25	0	0%	гласн.
<i>tō</i>	2	0	0%	гласн.
<i>mō</i>	26	0	0%	гласн.
<i>ugda</i>	27	0	0%	гласн.
<i>biju(n)</i>	30	10	25%	на <i>-n</i>
<i>xəɾəkə(n)</i>	2	1	33%	на <i>-n</i>
<i>xagdu(n)</i>	24	19	44%	на <i>-n</i>
<i>baʒu(n)</i>	4	6	60%	на <i>-n</i>
<i>xurə(n)</i>	2	4	67%	на <i>-n</i>
<i>aŋa(n)</i>	2	34	94%	на <i>-n</i>

Таблица 8. Вариативность в типах основ по текстам 2017—2018 гг. (номинативные/неноминативные формы)

	не NOM			NOM		
	на гласн.	на <i>-n</i>	% на <i>-n</i>	на гласн.	на <i>-n</i>	% на <i>-n</i>
<i>biju(n)</i>	7	6	46%	23	4	15%
<i>xəɾəkə(n)</i>	1	0	0%	1	1	50%
<i>xagdu(n)</i>	3	8	73%	21	11	34%
<i>baʒu(n)</i>	1	0	0%	3	6	67%
<i>xurə(n)</i>	0	4	100%	2	0	0%
<i>aŋa(n)</i>	1	25	96%	1	9	90%

Таблица 9. Вариативность в типах основ по текстам [Суник 1985] (номинативные/неноминативные формы)

	не NOM			NOM		
	на гласн.	на <i>-n</i>	% на <i>-n</i>	на гласн.	на <i>-n</i>	% на <i>-n</i>
<i>biju(n)</i>	0	23	100%	24	1	4%
<i>xəɾəkə(n)</i>	5	0	0%	24	2	8%
<i>xagdu(n)</i>	0	48	100%	17	3	15%
<i>baʒu(n)</i>	1	0	0%	3	0	0%
<i>xurə(n)</i>	0	12	100%	12	1	8%
<i>aŋa(n)</i>	0	2	100%	0	2	100%

В таблице 10 приведена сопоставительная частотность по отдельным формам для трех наиболее частотных основ с вариативностью по текстам 2017—2018 гг.

Таблица 10. Распределение по формам: для трех частотных основ с вариативностью

	<i>biju(n)</i> 'медведь': % на -n	<i>aña(n)</i> 'год': % на -n	<i>xagdu(n)</i> 'дом': % на -n	на гласн.	на -n	всего % на -n	χ^2 , p =
НОМ ⁸	15%	86%	29%	38	16	30%	<< 0,0001
АСС	36%	0%	0%	7	4	36%	0,25
остальное	67%	97%	59%	11	43	80%	<< 0,0001

Таблицы показывают, что данные современных текстов не противоречат приведенным выше экспериментальным данным:

а) вариативность в основах действительно имеет место в спонтанной речи и не может объясняться погрешностями элицитации;

б) основы на гласный ведут себя ожидаемым образом⁹;

в) основы на согласный обнаруживают вариативность;

г) различия между основами, насколько можно судить по немногочисленным данным, прежде всего связаны с частотным соотношением форм, характерных для данного слова (так, например, существительное 'год' с наибольшим процентом форм на согласный употребляется в основном в дативе);

д) склонение по гласному типу характерно для основ на согласный в формах номинатива и аккумулятива (так же, как в экспериментальных данных);

е) при этом в текстах, в отличие от экспериментальных данных, в номинативе встречается и исход на согласный.

2. Вариативность в маркировании лично-притяжательных форм

Для исследования вариативности в лично-притяжательной парадигме у носителей методом элицитации (а именно — перевода русских стимульных предложений на ульчский) были собраны предложения, содержащие лично-притяжательные формы слов *xagdu(n)*¹⁰ 'дом', *piktə* 'ребенок', *asi* 'жена' только в единственном числе, *inda* 'собака', *ugda* 'лодка' в единственном и множественном числе в номинативе, аккумулятиве, дативе и инструменталисе-аблативе. Почти ни от кого из опрошенных носителей не удалось получить все искомые формы для всех перечисленных имен. Тем не менее, как кажется, имеющегося материала достаточно, чтобы делать некоторые предварительные выводы.

Наблюдаемую вариативность в употреблении лично-притяжательных аффиксов можно свести к двум тенденциям: 1) употребление показателя ед. ч. при посессоре мн. ч. (например, *sun xagdu-si* 'ваш дом' вместо *sun xagdu-su*) и 2) полное отсутствие лично-притяжательного аффикса.

В таблице 11 приводится количественная информация об употреблении показателей единственного числа вместо ожидаемых показателей множественного числа.

Таблица 11. Употребление посессивных показателей ед. ч. в контексте мн. ч.

	ожидаемый показатель мн. ч.	показатель ед. ч.		
		1 л. -i	2 л. -si	3 л. -ni
посессор 1 л. мн. ч.	51 -p/-pu/-tu	2		8
посессор 2 л. мн. ч.	16 -su 38 -s	1	9	6
посессор 3 л. мн. ч.	3 -ti	2		76

⁸ Употребление формы номинатива в контексте энклитик попало в строку «остальное».

⁹ Это верно для данного списка основ, однако вообще оформление основ на этимологический гласный как основ на согласный в текстах в некотором количестве встречается.

¹⁰ Это слово приводится ниже в иллюстративных примерах в формах, характерных для основ на гласный, а не согласный, поскольку в речи современных носителей оно фигурирует почти исключительно как слово с основой на гласный (см. раздел 1).

В полученных примерах информанты всегда использовали притяжательные местоимения (напр., *sun* ‘ваш’). Это позволило отделить интересующие нас случаи употребления показателя ед. ч. вместо мн. ч. (типа *sun xagdu-si* ‘ваш дом’) от случаев, когда носитель целиком выдавал форму ед. ч. (включая притяжательное местоимение, типа *sin xagdu-si* на стимул ‘ваш дом’), что, возможно, было вызвано неверным восприятием стимульного предложения. Такие употребления, в которых и форма, и местоимение не соответствовали ожидаемым, не учитывались при подсчетах.

Как было отмечено в начале статьи, лично-притяжательным показателям свойственна редукция той или иной степени. В частности, во многих случаях показатели употребляются без гласного: *-n* вместо *-ni*, *-p* вместо *-pu* и т. д. Это создает некоторую проблему для показателей 2 лица, начинающихся с согласного *-s* как в ед. ч., так и во мн. ч.: при редукции показателя 2 л. до *-s* невозможно определить, относится ли данный показатель к ожидаемому маркеру мн. ч. *-su* или к показателю ед. ч. *-si*. Такие случаи были подсчитаны отдельно и условно включены в столбец «ожидаемый показатель мн. ч.» (отметим, что этих неочевидных случаев заметно больше, чем бесспорных случаев употребления показателя мн. ч.).

Итак, данные в таблице 11 показывают тенденцию к сокращению инвентаря посессивных аффиксов в речи современных носителей ульчского языка. При посессоре 3 л. мн. ч. опрошенные информанты практически всегда употребляют показатель ед. ч. *-n(i)*. Этот же показатель может иногда использоваться и при посессорах 1 и 2 лица. При посессоре 2 л. мн. ч. также сравнительно часто используется показатель 2 л. ед. ч.: в 9 случаях при 16 случаях употребления ожидаемого показателя *-su*. Напротив, замена показателя 1 л. мн. ч. на ед. ч. происходит крайне редко. См. обобщающую таблицу 12.

Таблица 12. Сокращение инвентаря посессивных аффиксов в речи современных носителей

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	аффикс 1 л. ед. ч. (<i>-i ~ -bi</i>)	аффикс 1 л. мн. ч. (<i>-pu ~ -pi</i>)
2 л.	аффикс 2 л. ед. ч. (<i>-s(i)</i>)	омонимичный редуцированный аффикс 2 л. ед. ч. / мн. ч. <i>-s</i> аффикс 2 л. мн. ч. <i>-su ~ -si ~ -s</i> , аффикс 2 л. ед. ч. (<i>-s(i)</i>)
3 л.	аффикс 3 л. ед. ч. (<i>-ni ~ -n</i>)	

Как было отмечено выше, лично-притяжательные показатели нередко полностью опускаются. Так, вместо *sun xagdu-su* ‘ваш дом’ может быть употреблено *sun xagdu*. Притяжательное местоимение (в данном случае *sun* ‘ваш’) при этом было использовано информантами во всех предложенных контекстах (то есть случаев, когда посессивные отношения оформляются только посессивным аффиксом, в наших данных не встретилось).

Можно предположить, что опущение аффикса коррелирует с другими грамматическими параметрами. Ниже приводятся результаты подсчетов доли словоформ без лично-притяжательного показателя в зависимости от разных грамматических факторов: от падежа (таблица 13), числа обладаемого (таблица 14), лица и числа посессора (таблица 15). Во втором и третьем столбцах указано абсолютное количество примеров без лично-притяжательного аффикса и с аффиксом соответственно, в четвертом столбце указано количество словоформ, для которых один и тот же информант привел оба варианта (эти примеры при статистическом анализе не учитывались), в последнем столбце указана доля примеров с опущенным аффиксом.

Таблица 13. Зависимость опущения лично-притяжательного аффикса от падежа

	без аффикса	с аффиксом	вариативность	процент употреблений с опущенным аффиксом
DAT	33	108		23,4%
NOM	57	142		28,6%
ACC	62	122	3	33,7%
INS	41	73		36%
DIR	38	32	4	54,3%

Критерий χ^2 , $p = 0,00016$

Таблица 14. Зависимость опущения лично-притяжательного аффикса от числа существительного (обладаемого)

	без аффикса	с аффиксом	вариативность	процент употреблений с опущенным аффиксом
SG	154	424	5	26,6%
PL	79	51	2	60,8%

Критерий χ^2 , $p \ll 0,001$

Таблица 15. Зависимость опущения лично-притяжательного аффикса от лица и числа посессора

	без аффикса	с аффиксом	вариативность	процент употреблений с опущенным аффиксом
3SG	25	113	2	18,1%
3PL	24	77	1	23,8%
2SG	48	98	2	32,9%
2PL	38	64	2	37,3%
1PL	46	62		42,6%
1SG	52	62		45,6%

Критерий χ^2 , $p = 0,000008$

Данные таблиц 13—15 показывают, что опущение лично-притяжательного аффикса коррелирует со всеми рассмотренными грамматическими параметрами. Внутри каждой таблицы грамматические значения выстроены по последнему столбцу, т. е. от наименьшей доли форм без показателя к наибольшей.

Таким образом, можно утверждать, что реже всего показатель опускается в дативных формах, а чаще всего — в директивных. При этом, если разница между дативом, номинативом, аккумулятивом и инструменталисом не очень велика, разрыв между директивом и остальными падежам оказывается существенно больше — 18%.

Что касается числа обладаемого, то ощутима тенденция форм множественного числа к опущению рассматриваемых показателей.

Лично-числовые характеристики посессора выстраиваются в стройную иерархию лиц: $3 > 2 > 1$ (показатели 3 лица опускаются реже всего, а показатели 1 лица чаще всего). Разница между каждым из лиц статистически значима, разница между единственным и множественным числом посессора статистически незначима¹¹.

3. Индивидуальные стратегии носителей.

Корреляция с социолингвистическими параметрами

Выше были рассмотрены усредненные данные по всем опрошенным информантам. В этом разделе данные по каждому из них будут сопоставлены между собой и будет предпринята попытка соотнести эти данные с социолингвистической биографией каждого конкретного носителя.

Как упоминалось выше, обсуждаемая выше грамматическая информация была собрана от 13 носителей ульчского языка разного возраста и с разным уровнем языковой компетенции в с. Булава и с. Богородское Ульчского района. От каждого из носителей была собрана также краткая социолингвистическая анкета¹² в форме полуструктурированного интервью на русском языке (примерно от 10 до 30 минут аудиозаписи). Анкета включала базовую информацию о носителе (ФИО, дата и место рождения, место жительства, профессия, уровень образования, переезды в течение жизни и под.), информацию об использо-

¹¹ В этом разделе речь идет о лично-числовых притяжательных аффиксах, оформляющих существительное-обладаемое. При этом тот же набор лично-числовых аффиксов используется и в значительной части глагольной парадигмы для маркирования лица-числа субъекта. Эти употребления лично-числовых аффиксов в работе не рассматриваются. Для глагола также возможно их опущение. Однако оно регулируется, как кажется, совершенно иными факторами и дает иную картину. В частности, по предварительным наблюдениям, формы 3 лица глагола опускаются, наоборот, чаще форм 1 и 2 лиц.

¹² За основу были приняты анкеты, разработанные О. А. Казакевич, с некоторыми модификациями.

вании ульчского и русского языка в разные периоды жизни и в разных ситуациях; по возможности подобная информация собиралась также со слов информанта о его родственниках (особенно старших: родителей, бабушках-дедушках) и о месте/местах его жительства в целом.

С частью информантов (7 из 13) был проведен дополнительный тест на оценку использования ульчского и русского языков в разные периоды жизни. Информанту необходимо было оценить соотношение использования им ульчского и русского языка по 6 временным срезам: 0—6 лет (до школы), 7—12 лет (начальная школа), 12—17 лет (средняя школа), 18—25 лет, 26—50 лет, 51 и старше. Тест проводился в визуальной форме. Информанту давали лист бумаги с 6 окружностями, каждая из которых соответствовала одному временному срезу. Задание состояло в том, чтобы на каждом круге закрасить сектор «русского языка» и оставить незакрашенным (или закрасить другим цветом) сектор «ульчского языка». Давалась инструкция типа: «Покажите на этом круге, сколько вы говорили на русском, а сколько на ульчском» (сопровождается примерами вроде: «Если только на русском, закрасьте круг целиком, если только на ульчском, оставьте незакрашенным, если примерно пополам, то закрасьте вот так» и под.). После выполнения задания результаты обсуждались с информантом: ему задавались вопросы о том, из каких коммуникативных ситуаций и какого круга собеседников складывается «русский» и «ульчский» сектора, а также о том, почему в следующем круге изменилось соотношение секторов¹³.

Также с большинством информантов проводилась и другая работа, дающая представление об уровне их языковой компетенции: расшифровка аудиозаписей на ульчском языке, порождение текстов, сеансы элицитации с переводом предложений с русского языка на ульчский и оценкой грамматичности предложений на ульчском языке, сбор лексических списков.

В таблице 16 дана сводная социолингвистическая информация о каждом из опрошенных носителей, полученная вышеописанными методами.

Таблица 16. Социолингвистическая информация о носителях

код	пол	год рождения	место рождения	место жительства	использование ульчского	тексты на ульчском	перевод с РЯ	понимание текста на ульчском
aid	ж	1931	речной: Новая Ферма	Булава	(группа А)	да	да	(да)
vas	ж	1933	озерный: Кольчём	Богородское	группа А	да/нет	?	(да)
gir	ж	1934	озерный: Кадаки	Булава	группа А	да	да	(да)
tsd	ж	1937	речной: Аори	Булава	(группа А)	да	да	(да)
nvk	м	1946	речной: Булава	Булава	группа В	да/нет	да/нет	да
lnm	ж	1947	озерный: Кольчём	Богородское	(группа В)	да	(да)	да
gir	ж	1948	речной: Булава	Булава	(группа В)	?	?	?
ark	ж	1948	речной: Булава	Булава	группа В	да/нет	?	да
agk	м	1949	речной: Аори	Булава	группа А	да/нет	да	да
nad	ж	1953	речной: Булава	Булава	группа С	да/нет	?	да
gnv	ж	1954	озерный: Кольчём	Богородское	(группа С)	да/нет	да/нет	да

¹³ Следует оговорить, что а) этот тест дает не объективную оценку соотношения языков в репертуаре говорящего, а его собственную самооценку; б) в связи с этим результаты теста для разных информантов не могут быть напрямую сопоставлены (то, что один носитель оценил как «четверть», другой может, например, оценить как «одну восьмую»); в) более информативны и сопоставимы, как кажется, данные по изменению соотношения между языками в течение жизни.

код	пол	год рождения	место рождения	место жительства	использование ульчского	тексты на ульчском	перевод с РЯ	понимание текста на ульчском
krg	ж	1954	речной: Булава	Булава	(группа В)	?	?	?
npd	ж	1960	речной: Булава	Булава	группа С	нет	нет	да/нет

Примечания к таблице:

1) Место рождения. «Речной» и «озерный» — деление населенных пунктов по говорам.

2) Использование ульчского языка в разном возрасте. Информанты разделены на группы в соответствии с результатами описанного выше теста (для тех, с кем тест не проводился, дана приблизительная оценка на основании социолингвистической анкеты).

— Группа А: до школы русского не знали, постепенное уменьшение использования ульчского начиная с начальной школы.

— Группа В: до школы русского не знали, резкое уменьшение использования ульчского начиная с начальной школы.

— Группа С: активное использование русского параллельно с ульчским уже с дошкольного возраста, ульчский не является «первым» языком.

Более подробно данные теста представлены на Графике 1.

3) Свободное порождение текстов на ульчском языке:

— да: записаны свободные полноценные нарративы;

— нет: нарративов от этого носителя записать не удалось, и очевидно, что они не могут быть от него записаны;

— да/нет: записаны один-два простых автобиографических текста с переключением кодов, порождаются с очевидным усилием;

— вопросительный знак: недостаточно данных для оценки компетенции.

4) Свободный перевод длинных предложений с русского языка:

— да: свободно переводятся предложения любой сложности и длины;

— да/нет: свободно переводятся простые предложения с простой лексикой, с грамматически и/или лексически более сложными возникают проблемы;

— в скобках: такого рода заданий информанту не давалось или давалось слишком мало;

— вопросительный знак: недостаточно данных для оценки компетенции.

5) Свободное понимание текста на ульчском языке:

— да: с носителем успешно проводилась работа по расшифровке текстов, в частности сложных фольклорных текстов, записанных от носителей более старшего поколения;

— да/нет: с информантом проводилась работа по транскрипции и переводу текстов, при работе с достаточно сложными текстами от носителей более старшего поколения информант испытывает затруднения;

— в скобках: приблизительная оценка, работы по транскрипции и переводу текстов с этим информантом не проводилось (по возрасту, состоянию здоровья и под.);

— вопросительный знак: недостаточно данных для оценки компетенции.

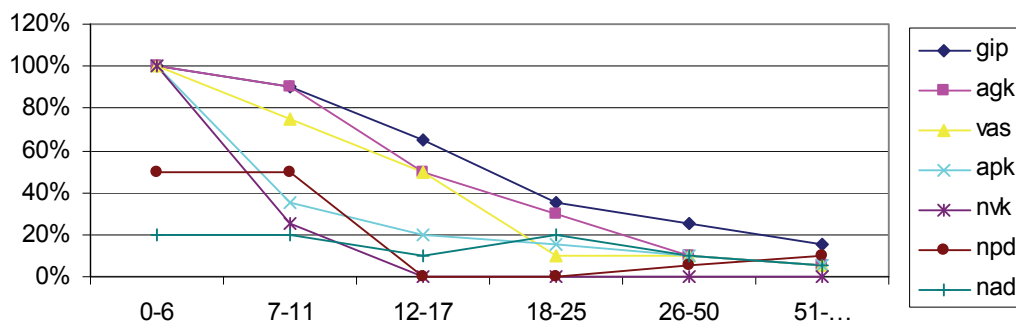

График 1. Использование ульчского языка в разные периоды жизни: индивидуальные профили носителей

В таблице 17 та же информация, что и в таблице 16, представлена в численном виде: каждый параметр из таблицы 16 задан в виде числа от 1 до 3 (нет — 1, да/нет — 2, да — 3; возраст: 1931—1940 — 3, 1941—1950 — 2; 1951—1960 — 1, использование языка: группа А — 3, группа В — 2, группа С — 1). В последнем столбце дана сводная условная оценка компетенции носителя: среднее арифметическое всех учтенных параметров (параметры учтены с одинаковым весом)¹⁴.

Таблица 17. Уровень компетенции носителей: количественная оценка

код	возраст	использование языка	порождение текстов	перевод с РЯ	перевод с ульчского	сводный «уровень компетенции»
aid	3	3	3	3	3	3
gip	3	3	3	3	3	3
tsd	3	3	3	3	3	3
vas	3	3	2	?	3	2,75
lnm	2	2	3	3	3	2,6
agk	2	3	2	3	3	2,6
apk	2	2	2	?	3	2,25
nvk	2	2	2	2	3	2,2
rip	2	2	?	?	?	2
gnv	1	1	2	2	3	1,8
nad	1	1	2	?	3	1,75
kpr	1	2	?	?	?	1,5
npd	1	1	1	1	2	1,2

В таблице 18 эта мера для каждого из носителей сопоставляется с двумя количественными оценками, отражающими результаты двух исследований, описанных выше: 1) вариативность в типах основ: доля именных основ, в которых наблюдается отклонение от ожидаемого типа склонения; 2) утрата посессивной парадигмы: доля случаев опущения посессивных аффиксов.

Таблица 18. Уровень компетенции носителей и изменения в именной парадигме

код	«уровень компетенции»	вариативность в типе основы			утрата посессивной парадигмы		
		отклонений от типа склонения	всего основ	% отклонений от типа склонения	без пос. аффикса	всего посессивных контекстов	% опущенных пос. аффикса
aid	3	2	4	?	1	29	3%
tsd	3	3	10	30%	3	36	8%
gip	3	0	8	0%	25	91	27%
vas	2,75	1	11	9%	0	26	0%
lnm	2,6	2	2	?	0	24	0%
agk	2,6	1	3	?	11	51	22%
apk	2,25	0	1	?	10	32	31%
nvk	2,2	2	10	20%	75	240	31%
rip	2	1	2	?	21	22	95%
gnv	1,8	5	20	25%	10	12	83%
nad	1,75	1	1	?	43	92	47%
kpr	1,5	1	1	?	14	34	41%
npd	1,2	1	1	?	18	26	69%

Что касается вариативности между типами основ, то, поскольку не от всех носителей собиралась парадигма для большого количества основ, данных слишком мало, чтобы делать уверенные выводы.

Доля опущений посессивного аффикса в целом соотносится с вычисленным по приведенной выше процедуре уровнем компетенции носителей: наименьшее количество опущений наблюдается у информантов с высоким уровнем компетенции, наибольшее — у информантов со средним или наиболее низ-

¹⁴ Получившаяся оценка в целом соответствует нашей интуиции об уровне компетенции данных носителей.

ким уровнем. При этом полного соответствия все же не наблюдается. Не наблюдается и более отчетливой корреляции с каким-то одним из перечисленных выше социолингвистических параметров. На основании данных, приведенных в таблице, можно сделать следующие более частные замечания.

а) Информант *gip* с высоким уровнем компетенции, обнаруживающий неожиданно высокий процент опущений. У этого конкретного носителя наблюдается достаточно сильная индивидуальная перестройка посессивной системы, нехарактерная для других носителей. В частности, в тех случаях, когда посессивный аффикс сохраняется, это в большинстве случаев не посессивный аффикс ожидаемого лица, а посессивный аффикс 3SG, обобщенный в идиолекте *gip* на всю парадигму (такого последовательного обобщения в данных от других носителей не наблюдается). Непонятно, чем объяснять этот случай, но случай *gip* явно во всех отношениях особый.

б) Информанты *vas* и *lpm*, обнаруживающие полностью сохранную посессивную парадигму. Оба информанта — носители с высоким, но не наивысшим уровнем компетенции. Можно заметить, что их объединяет принадлежность к озерному (менее исследованному и хуже сохранившемуся) говору. Возможно, этому говору и изначально было присуще более последовательное аффиксальное маркирование посессора. Отметим при этом, что еще два носителя этого говора — *gnv* с заметно более низким уровнем компетенции и упомянутая выше *gip* — сохранности посессивной парадигмы не демонстрируют. В случае *gip*, впрочем, возможно, скорее стоит говорить о смешанном говоре¹⁵ (что может отчасти объяснять и отмеченное выше своеобразие полученных от нее данных).

в) Информант *gip* с наибольшим количеством опущений в посессивной парадигме и средним уровнем компетенции. С этим информантом мы работали очень мало, и, возможно, уровень его языковой компетенции оценен нами недостаточно точно.

г) Как было сказано выше, не от всех носителей были собраны данные по полностью идентичному набору посессивных контекстов (в наборе данных от каждого информанта по разным причинам имеются те или иные лакуны). При этом здесь мы оцениваем самую простую меру: общий процент опущений во всех предложенных информанту контекстах. Поскольку в разных контекстах (лично-числовых, падежных), как было показано в разделе 2, вероятность опущения разная, лакуны в наборе контекстов, полученных от конкретного носителя, делают общий процент опущений не полностью сопоставимой мерой, что может несколько исказить картину, представленную в таблице 18.

Заключение

Резюмируя представленные в статье данные, можно заметить, что в современном ульчском языке, находящемся в условиях языкового сдвига, можно наблюдать некоторое упрощение именной парадигмы. Оно проявляется в утрате отчетливого противопоставления между двумя типами основ, в частичном сокращении инвентаря падежных показателей, а также в упрощении лично-притяжательного склонения, которое состоит в парадигматическом сокращении числа показателей (см. таблицу 12) и в частом опущении этих показателей.

1) Утрата противопоставления между типами основ (основой на гласный и на согласный) проявляется как тенденция к склонению существительных на согласный по типу основы на гласный. Обратные случаи (склонение существительных на гласный по типу основы на согласный) в наших данных очень редки. Это можно объяснить тем, что основы на гласный образуют более многочисленный класс (по крайней мере если рассматривать только парадигму ед. ч.). Наблюдаемый процесс выравнивания основ реализуется в двух аспектах: а) основы на согласный утрачивают конечный согласный, и б) они начинают присоединять набор аффиксов, характерный для основ на гласный. Запускается этот процесс, начиная с одной из центральных падежных форм — формы номинатива: вариант без согласного в современных материалах, полученных при элицитации, оказывается практически единственным, а в текстах как современных, так и середины XX века наблюдается вариативность с основой на согласный. Вероятно, то, что в чистой номинативной основе существует сильная тенденция к редукции согласного на конце, спровоцировало вариативность типов основ и в других падежных формах. Другой падежной формой, в которой чаще, чем в других, основы на согласный ведут себя как основы на гласный, оказывается форма аккузатива. Это можно связать с тем, что в форме аккузатива ожидаемое различие между основами двух типов больше, чем в других рассмотренных в исследовании формах: оно заключается не только в исходе

¹⁵ *Gip* родом не из Кольчема, где родились и провели детство трое перечисленных носителей и где, по имеющимся данным, был распространен говор, наиболее отличный от речного. Она родилась в ст. Кадаки (откуда родом и родители *gip*), училась на Ухте, потом в Солонцах, Булаве, Мариинском. Замуж вышла в Булаву (где распространена речной говор), где и прожила большую часть жизни.

основы, но и в выборе алломорфа самого падежного показателя. Закономерно, что носители стремятся в первую очередь к унификации именно этой клетки парадигмы¹⁶.

2) Редуцируется инвентарь лично-притяжательных аффиксов, используемых современными носителями ульчского языка. Принципиальное отличие от парадигмы, представленной в описаниях, фиксирующих язык в стадии до языкового сдвига, заключается в едином показателе для посессора 3 л. ед. и мн. чисел — показателе, исходно относившемся к 3 л. ед. ч. В контексте 2 л. мн. ч. также наблюдается использование показателя 2 л. ед. ч., однако показатель 2 л. мн. ч. полностью не выходит из употребления. В контексте 1 л. изменения редки. В речи некоторых информантов фиксируется обобщение показателя 3 л. ед. ч. на всю парадигму. Таким образом, а) происходит обобщение аффиксов единственного числа на множественное, б) оно идет неравномерно для разных лиц. Первое можно объяснить большей частотностью и семантической немаркированностью контекста единственного числа по сравнению с множественным. Для иерархии лиц можно предложить и более специфические объяснения, причем разные в разных случаях. Экспансию аффикса 3 л. ед. ч. корректнее, видимо, объяснять не столько непосредственно частотностью и/или семантическими особенностями самого этого контекста, сколько редким опущением самого аффикса: показатели 1 и 2 лиц более склонны к полному опущению (см. ниже). На смешение форм 2 лица ед. ч. и мн. ч. с очевидностью дополнительно влияет их исходная формальная близость (-*si* и -*su*) и изначальная возможность фонетического совпадения в редуцированном произнесении (-*s*).

3) Лично-притяжательные показатели регулярно полностью опускаются в словоформе. Это можно объяснить тем, что в именной группе всегда содержится либо притяжательное местоимение, форма которого не совпадает с другими местоимениями, либо существительное, выражающее посессора¹⁷. Таким образом, выражение посессивности оказывается избыточным. Кроме того, можно допустить, что дополнительное воздействие на это грамматическое изменение оказал русский язык, в котором притяжательность также выражается с помощью специализированных местоимений, а аффиксальные показатели на имени отсутствуют (ср. *ваш дом*)¹⁸.

В ходе исследования было также обнаружено, что опущение лично-притяжательных показателей коррелирует с другими грамматическими параметрами словоформы (падежом, числом существительного, а также лицом посессора). На данном этапе сложно утверждать о точных причинах обнаруженных корреляций, но можно выдвинуть ряд гипотез.

Среди падежных форм лично-притяжательные суффиксы опускаются в директиве гораздо чаще, чем в других рассмотренных падежах: номинативе, аккузативе, дативе и инструменталисе. Можно предположить, что это связано с низкой частотностью директива (см. выше о вытеснении директивного падежа клитикой =*ban* ~ =*bən*): остальные падежные формы, как кажется, встречаются в речи гораздо чаще, поэтому сочетание их с лично-притяжательными показателями легко «вспоминается» носителями, в то время как формы директива, возможно, конструировались современными носителями при переводе предложений.

Фактор частотности может быть релевантен и для объяснения описанных в разделе 2 корреляций с числом существительного и лицом посессора. Формы единственного числа существительного (в которых посессивный аффикс опускается реже) частотнее форм множественного числа (отметим, что в ульчском языке формы единственного числа достаточно широко используются в том числе и во множественном контексте). Посессивные контексты 3 лица (в которых посессивный аффикс опускается реже) частотнее контекстов 1 и 2 лица (отметим, что посессивной конструкцией «имя + имя-3SG» оформляется в ульчском языке довольно широкий круг «генитивных» отношений, включающий, но не ограниченный собственно посессивными).

¹⁶ Можно ожидать, что выравнивание основ на согласный по типу на гласный будет часто происходить и в других случаях, когда основа на согласный требует алломорфа аффикса, отличного от выбираемого для основы на гласный: в форме локативного падежа и в форме им. п. с посессивным аффиксом 1 л. ед. ч. Эти случаи в данном исследовании не проверялись.

¹⁷ Это утверждение верно для данных, полученных путем элицитации. В естественных текстах, записанных в 2017 г., эта закономерность проявляется не так регулярно: встречаются употребления притяжательных показателей без выраженного притяжательного местоимения или посессора. Тем не менее, таких примеров меньшинство — всего 46 при 231 случае, когда притяжательное местоимение или посессор были выражены.

¹⁸ Интересно, что тенденция к утрате посессивных аффиксов, по нашим наблюдениям, отсутствует в близкородственном ульчскому нанайскому языку, в том числе и в тех его разновидностях, которые находятся примерно в такой же социолингвистической ситуации, что и ульчский. Ощутимая разница между нанайским и ульчским языками в этом фрагменте грамматики состоит в том, что в нанайском языке, в отличие от ульчского, отсутствуют специализированные притяжательные местоимения.

Однако в случае последних двух корреляций, помимо универсального фактора частотности, могут играть роль и другие факторы, более специфические. Частое опущение посессивных показателей во множественном числе может быть связано с тем, что множественное число выражается дополнительным суффиксом, удлиняющим словоформу еще на один слог и еще на одну морфему: *sun xagdu-wa-su* <ваш дом-ACC-2PL> ‘ваш дом’ vs. *sun xagdu-sal-ba-(su)* <ваш дом-PL-ACC-2PL> ‘ваши дома’. Возможно, чем длиннее словоформа, тем больше вероятность ее сокращения, в данном случае за счет лично-притяжательных показателей. Более частое опущение показателей при 1 и 2 лице посессора можно предположительно объяснить тем, что в этих лицах в именной группе всегда есть соответствующее притяжательное местоимение, благодаря которому невозможно интерпретировать словоформу неоднозначно даже при отсутствии посессивного показателя. В 3 лице существительное может относиться к посессору, выраженному до этого существительным в именительном падеже или в какой-либо другой форме, но не имеющим никаких специальных притяжательных показателей. В этом случае наличие специального маркера, отсылающего к выраженному посессору, кажется более необходимым.

Объем изменений, наблюдаемый в идиолекте конкретного носителя, отчасти коррелирует с общим уровнем его языковой компетенции, однако полного соответствия, как показывают данные, обсуждаемые в разделе 3, все же не наблюдается.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

CASE — падеж

ABL — аблатив

ACC — аккузатив

DAT — датив

DEST — дестинатив (назначительный падеж)

DIR — директив (направительный падеж)

INS — инструменталис

LOC — локатив

NOM — номинатив

PROL — пролатив

NUMBER — число

PL — множественное число

SG — единственное число

POSS — посессивный показатель

REFL — рефлексив

stem — основа

ед. ч. — единственное число

им. п. — именительный падеж

л. — лицо

мн. ч. — множественное число

Литература

Герасимова 2002 — Герасимова А. Н. Нанайский и ульчский языки в России. Сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // Языки коренных народов Сибири. 2002, 12. С. 246—257. {*Gerashimova A. N. Nanai and Ulch in Russia: a comparative characteristic of the sociolinguistic situation // Indigenous languages of Siberia. 2002, 12. P. 246—257.*}

Петрова 1936 — Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М.—Л., 1936. {*Petrova T. I. The Ulch dialect of Nanai. Moscow—Leningrad, 1936.*}

Сумбатова, Гусев 2016 — Сумбатова Н. Р., Гусев В. Ю. Ульчский язык // Михальченко В. Ю. (гл. ред.). Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 513—515. {*Sumbatova N. R., Gusev V. Ju. The Ulch language // Ed. Mikhailchenko V. Ju. Language and society. Encyclopedia. M., 2016. P. 513—515.*}

Суник 1985 — Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985. {*Sunik O. P. The Ulch language. Studies and materials. Leningrad, 1985.*}

Суник 1997 — Суник О. П. Ульчский язык // Алпатов В. М. и др. (ред.). Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997. С. 248—260. {*Sunik O. P. The Ulch language // Eds. Alpatov V. M. et al. Languages of the world: Mongol languages. Tungus-Manchu languages. Japanese. Korean. M., 1997. P. 248—260.*}

Kazama 2010 — Kazama Sh. ‘Urucha gobunpoo gaisetsu’ [Sketch of Ulch grammar] // Kazama Sh. Urucha Koushou Bungei Genbunshuu [Ulch oral literature. A collection of texts] 5. Tokyo, 2010. P. 101—148.

Schmidt 1923 — Schmidt P. The language of the Olchas // Acta Universitatis Latviensis. 1923, 8. P. 229—288.

РЕЗЮМЕ

В работе описываются некоторые изменения в именной парадигме ульчского языка, предположительно вызванные или форсированные ситуацией утраты языка (языкового сдвига). Обсуждаются а) вариативность в типах основ (переходы из одного типа основы в другой) и б) распад системы личностно-числовых аффиксов у носителей с разным уровнем языковой компетенции. Исследование основано преимущественно на данных элицитации и социолингвистического опроса носителей.

SUMMARY

This paper deals with some recent changes attested in the noun paradigm of the Ulch language which is severely endangered. The following features that are presumably induced or forced by language shift are in focus: a) the decay of the system of declension types, b) the loss of possessive affixes. Individual strategies of speakers with different levels of language competence are discussed. The study is based on elicited data and on data of the sociolinguistic survey.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, ульчский язык, именное словоизменение, посесивные аффиксы, типы склонения, языковой сдвиг, утрата языка

Keywords: Tungusic languages, the Ulch language, noun inflection, possessive affixes, declension classes, language shift, language death, language attrition

Оскольская Софья Алексеевна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); sonypolik@mail.ru

Sofia A. Oskolskaya, Institute for Linguistic Studies, RAS (Saint Petersburg); sonypolik@mail.ru

Стойнова Наталья Марковна, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва); stoynova@yandex.ru

Natalia M. Stoynova, Institute of the Russian language, RAS (Moscow); stoynova@yandex.ru

Полипредикация в японском устном нарративном дискурсе в сравнении с письменным: опыт корпусного исследования синтаксической сложности¹

1. Постановка вопроса

В данной работе исследуются полипредикативные конструкции в устном японском нарративном дискурсе и различия в маркировании межпредикатных связей между устной и письменной речью.

Главный исследовательский вопрос, который стоит перед нами, можно сформулировать так: существуют ли качественные и количественные различия в использовании морфосинтаксических средств маркирования полипредикации между устными и письменными текстами, а именно, различаются ли плотность использования морфосинтаксических маркеров полипредикации, объем полипредикативного комплекса, частотность отдельных маркеров или их классов. За этим исследовательским вопросом стоит следующая важная теоретическая проблема. В устном дискурсе у говорящего имеется дополнительный ресурс, а именно просодия, в том числе движения тона и размещение фразовых акцентов. Этот ресурс, наряду с сегментными морфосинтаксическими маркерами, может использоваться для выражения связи между предикациями.

Наша цель — на корпусном материале проверить, приводит ли наличие просодического ресурса в устной речи к сокращению использования морфосинтаксических средств маркирования межпредикатной связи в целом или же к изменению состава морфосинтаксических средств по сравнению с письменным текстом.

В рамках современных холистических подходов к оценке языковой сложности [Miestamo 2017] синтаксическую сложность нередко измеряют с помощью мер полипредикативности, выработанных в прикладной лингвистике для аттестации уровня освоения (родного или изучаемого) языка. Эти меры так или иначе работают с понятием полипредикативного комплекса (ППК) — «сложного предложения» или его аналогов (ср. “T[erminable]-Unit” [Hunt 1965; Young 1995; Ortega 2003, 2012], “clause-package” [Berman, Nir-Sagiv 2009; Berman 2016], “A[nalysis of] S[peech]-Unit” [Foster et al. 2000]) — и оценивают (1) объем ППК, т. е. количество клауз в его составе, и (2) плотность полипредикации, т. е. долю клауз, входящих в ППК, относительно общего объема текста.

В исследованиях по устной речи в той или иной форме неоднократно высказывалось соображение, что в устном тексте основные меры полипредикативности ниже, чем в письменном (применительно к русскому языку см. [Сиротинина 1974; Лаптева 1976; Земская и др. 1981]). Однако в отсутствие фронтальной эмпирической проверки к такого рода утверждениям надо подходить осторожно по следующим причинам.

Первое. Понятие (сложного) предложения и близкое к нему понятие полипредикативной конструкции нуждается в существенном уточнении для того, чтобы адекватно использоваться применительно к устному дискурсу (см. подробнее [Кибрик 2008]). Выводы об объеме полипредикативного комплекса (измеряемого как число клауз, входящих в него) и плотности полипредикации в тексте (измеряемой как соотношение изолированных клауз и клауз, являющихся частью ППК) принципиально зависят от того, как в конкретном исследовании оценивается вклад просодии в организацию полипредикации. Представим себе, что у нас есть пара семантически связанных клауз, таких, что семантическая связь между ними не маркирована никакими лексико-грамматическими средствами. В письменном тексте мы принимаем решение о том, одно это предложение или два, только на основании пунктуации — так, при запятой в (1) считается, что перед нами сложное (так называемое «бессоюзное») предложение, а при точке в (2) — два независимых простых предложения:

- (1) *Девочки танцуют, мальчики поют.*
- (2) *Девочки танцуют. Мальчики поют.*

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 17-18-01184. Я искренне благодарю анонимных рецензентов за взыскательную критику первоначальной версии статьи.

В устной русской речи аналоги вариантов (1) и (2) будут различаться тем, что в (1) первая клауза реализуется с тем или иным сигналом просодической незавершенности, обычно — с подъемом тона в главном фразовом акценте (*Девочки /танцуют, мальчики \ноют*), а в (2) первая клауза реализуется с тем или иным сигналом просодической завершенности, обычно — с падением тона в главном фразовом акценте (*Девочки \танцуют. Мальчики \ноют*). Иначе говоря, если в устном тексте мы оцениваем плотность полипредикации и объем ППК с учетом интонации, то в случае (1) мы имеем ППК, а в случае (2) — две изолированных клаузы. Если же мы в своем решении опираемся только на наличие/отсутствие морфосинтаксического маркирования, то мы в обоих случаях имеем две изолированных клаузы. Поэтому в тех исследованиях, где в расчет принимается просодическая интеграция, плотность полипредикации и объем ППК оказываются выше — это надо учитывать при сравнении имеющихся в литературе оценок разных мер полипредикативности.

Второе. Тезис о низкой плотности полипредикативности имплицитно, а иногда и эксплицитно относится не к устной речи вообще, а к разговорной речи и даже уже — к неподготовленному непубличному диалогическому дискурсу, к бытовому диалогу ([Земская и др. 1981; Biber 1988; Miller 1995; Miller, Fernandez-Vest 2006; Miller, Weinert 2009 (1998)] и многие другие). Поэтому, сравнивая существующие меры полипредикативности, необходимо делать поправки на то, какие типы дискурса используются авторами в качестве эмпирической базы: например, публичный подготовленный устный монолог может иметь значения метрик полипредикативности гораздо более близкие к тем значениям, которые обнаруживаются в письменной речи, чем к показателям устных тестов, но неподготовленных и тем более непубличных. Так, в работах группы исследователей под руководством Рут Берман [Berman, Nir-Sagiv 2009; Berman 2016] сравнивались холистические количественные метрики в устных и письменных текстах различных типов на иврите, испанском и английском языках: общая длина текста, объем полипредикативного комплекса (clause-package в их терминологии), доля неклаузальных элементов в тексте и ряд других. Было показано, что к параметрам устного бытового диалога ближе всего параметры устных личных рассказов, и наоборот, на другом полюсе — письменный экспозиторный (объяснительный) дискурс; между этими двумя полюсами располагаются близкие друг другу по количественным метрикам письменные нарративы и устный экспозиторный дискурс.

Третье. Далеко не очевидно, что сравнительные оценки плотности полипредикативности, произведенные на материале одного или даже нескольких языков, отражают универсальные тенденции, а не лингвоспецифические феномены. Так, в уже упоминавшейся выше работе [Berman 2016] было показано, что в трех языках — иврите, испанском и английском — объем полипредикативного комплекса в устных текстах выше, чем в письменном, но цифры для трех языков различались: в устных текстах на иврите среднее число клауз в комплексе составило 3,14, на английском языке — 3,59, а на испанском — 4,95, что существенно выше. В этой работе учитывались как эксплицитно маркированные межклаузальные связи, так и «бессоюзные», при этом выяснилось, что доля имплицитно («бессоюзно») связанных клауз в составе ППК в иврите существенно выше, чем в английском и испанском. Насколько универсальными могут оказаться такие выводы? В контексте нашей работы важно, в частности, что в целом ряде исследований отмечалась такая особенность устной японской речи, как (сверх)длинные ППК с грамматически маркированными межфразовыми связями [Clancy 1982; Iwasaki, Ono 2001; Suzuki 2013; Laury, Ono 2014], — что, по-видимому, не характерно для языков «среднеевропейского стандарта». В этом отношении японский язык проявляет свойство, типичное для языков левого ветвления, активно эксплуатирующих феномен clause-chaining — последовательного нанизывания клауз, возглавляемых нефинитной формой (конвербом); лишь в последней клаузе цепочки появляется финитный глагол, в котором маркируется иллокутивная сила и другие «вершинные» грамматические параметры, ср. [Longacre 1990; Payne 1991].

Учитывая все сказанное, мы решили провести эмпирическую проверку мер полипредикативности таким образом, чтобы противопоставление по каналу передачи (устный vs. письменный) оказалось единственной переменной, по которой противопоставляются две группы текстов. Остальные признаки — жанр, язык, набор испытуемых, способ элицитации — были закреплены. В качестве материала мы использовали специально собранный нами корпус устных неподготовленных личных рассказов на японском языке. В первую сессию эксперимента испытуемым ($n = 14$) было предложено рассказать веселую историю из своего личного опыта. Во вторую сессию (через сутки) тем же испытуемым было предложено самостоятельно записать ту же историю. Таким образом мы получили 14 пар рассказов, представленных в двух версиях — устной (в виде аудиофайла и транскрипта) и авторской письменной. До начала обеих сессий предполагаемое задание испытуемым известно не было, что повысило меру спонтанности элицитированных нарративов.

Все рассказы были сегментированы: были выделены все клаузы и все сегменты, не инкорпорированные в клаузальную структуру. Далее, мы сравнили основные метрики полипредикативности в устных и письменных рассказах.

Общий вывод, который можно сделать на основе проведенного анализа состоит в том, что — вопреки ожиданию — устный японский нарратив не демонстрирует меньших значений основных метрик полипредикативности, чем его письменный аналог; вместе с тем номенклатура средств маркирования межпредикатных связей в устных и письменных текстах различается и количественно, и качественно. Более детальное обсуждение наших эмпирических данных, конкретизация этого общего вывода и его аргументация содержатся в следующих разделах. В разделе 2 обсуждаются общие проблемы деления японского текста на клаузальные и неклаузальные сегменты и иллюстрируются некоторые из обнаруженных в корпусе полипредикативных конструкций. Раздел 3 — основной, он посвящен сравнительно-количественному анализу полипредикативности в устной и письменной частях корпуса. В разделе 4 подводятся краткие итоги.

2. Японская полипредикация: качественный анализ

2.1. Полипредикативные конструкции в японском языке по данным существующих грамматических описаний

Японская полипредикация подробно описана как в монографических исследованиях японской грамматики и дискурса, так и в специальных работах, посвященных системе полипредикации в целом и отдельным классам полипредикативных конструкций [Kuno 1973, 1978; Maynard 1998; Shibatani 1990; Iwasaki 2013]. Японская полипредикация в типологической перспективе рассмотрена в монографиях [Подлесская 1993; Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008]. Ниже с опорой на эти работы представлен краткий свод сведений, необходимый для правильной интерпретации наших корпусных данных.

Японский язык относится к языкам, последовательно демонстрирующим левое ветвление. На уровне полипредикативных конструкций это проявляется в том, что зависимая клауза располагается слева от главной. В живой речи, однако, это правило может нарушаться и зависимая клауза под давлением определенных коммуникативных условий может дислоцироваться вправо, в позицию после главной. С точки зрения морфосинтаксического маркирования японский язык относится к языкам с зависимостным маркированием, маркеры в общем случае располагаются в правой периферии зависимой составляющей (в ППК — в конце зависимой клаузы, в том числе и дислоцированной). Адвербиальные клаузы могут возглавляться инфинитными формами предиката (специализированными и неспециализированными конвербами) и финитными формами в сочетании с коннекторами (союзами, послелогоми). Релятивизация маркирована только порядком слов: относительная клауза возглавляется финитной формой предиката и располагается непосредственно перед определяемым словом, без использования союзов, относительных местоимений или причастных форм. Сентенциальные актанты строятся с использованием двух техник: (а) цитационного союза *to* и его разговорных аналогов, в том числе специфически разговорного квотатива *mitai* ‘типа’, вводящих актанты глаголов речи и мысли как в прямой, так и в косвенной речи, и (б) субстантиваторов (или номинализаторов, чаще всего это *no* или *koto*); субстантивируемая клауза формально является определением к субстантиватору, и субстантиватор далее оформляется тем показателем падежа, который необходим для встраивания всей сложной именной группы во внешнюю клаузу. В корпусе засвидетельствована не вся номенклатура средств организации полипредикативных конструкций, фигурирующая в дескриптивных описаниях; кроме того, как мы увидим, эта номенклатура по-разному представлена в устных и в письменных текстах.

2.2. Процедура сегментации: изолированные клаузы и ППК

Каждая клауза была проаннотирована либо как изолированная, либо как связанная, т. е. входящая в ППК. Вхождение в ППК обеспечивалось только морфосинтаксическим маркированием (с помощью особого порядка слов, с помощью инфинитных форм, а также сочетаний финитных и инфинитных форм с коннекторами — союзами, субстантиваторами, послелогоми); связи, маркированные только просодически, не учитывались. Каждый маркер был проаннотирован, и таким образом была определена полная номенклатура средств межфразовой связи, зафиксированных в корпусе.

Так, в (3) приведено начало рассказа, представляющее собой три последовательных изолированных клаузы, а в (4) — ППК, состоящий из трех клауз — двух адвербиальных, предшествующих главной; первая адвербиальная клауза введена финитным глаголом в сочетании с причинным союзом *node*, а вторая — инфинитной формой на *-i* (*iki* ‘полетев’). Данная форма, как и форма на *-te*, является неспециализированным (нарративным) конвербом, выражающим наиболее общие обстоятельственные значения (временные, причинно-следственные, способа действия и др.), конкретизация которых происходит с учетом контекста:

(3) 7.2: 3—5²

Watashi wa yoku kikimachigae o shimasu.
я TOP³ часто ослышка ACC делать.PRES.ADDR
'У меня часто бывают ослышки'

Sono hanashi mo sonna kikimachigae ni kansuru
этот рассказ тоже такая ослышка к имеющий.отношение
hanashi desu.
рассказ COP.PRES.ADDR
'Этот рассказ — тоже про такую ослышку'

Nineni mae ni watashi wa itariaresutoran
два.года назад LOC я TOP итальянский.ресторан
de hataraitemasita.
LOC работать.PROG.PAST
'Два года назад я работала в итальянском ресторане'

(4) 9.2: 4—6

Narita kuukoo kara wa doresuden yuki no
Нарита аэропорт из TOP Дрезден направление ATTR
chokkoobin ga deteinai node,
прямой.рейс NOM вылетать.NEG.PROG.PAST поскольку
mazu doitsu no furankufuruto kuukoo e iki,
сначала немецкий ATTR Франкфурт аэропорт в полететь.CNV
soko kara ressha de doresuden ni mukaimashita.
там из поезд INST Дрезден в отправиться.PAST.ADDR

'Поскольку из аэропорта Нарита в Дрезден не было прямого рейса, в Германию [я] полетел сначала во Франкфурт, а оттуда на поезде отправился в Дрезден'

2.3. Процедура сегментации: клаузальные и неклаузальные сегменты

Учитывая неформальный регистр исследованных нами текстов и их относительную спонтанность, неудивительно, что, помимо цельнооформленных клауз, в нашем материале обнаруживается значительная доля сегментов, которые не вписываются в клаузальную структуру. Перечислим кратко основные типы таких сегментов. Мы будем опираться на классификацию неклаузальных элементов, предложенную в [Кибрик и др. 2009].

2.3.1. Субклаузы — дислоцированные фрагменты клаузы. Это может быть дислокация вправо, нарушающая нормативный японский синтаксис с его последовательным левым ветвлением и заключительной позицией сказуемого. Такая дислокация часто является средством преодоления речевого затруднения, попыткой запоздало добавить фрагмент, который вовремя не был артикулирован. Так, в (5) вправо (после заключительного сказуемого, оформленного к тому же комплексом финальных вопросительно-восклицательных частиц) вынесено подлежащее, оно и образует субклаузу:

(5) 7.1:57—58

Omoshiroi no kana
интересно.PRES PRT PRT
kore
это
'Как же интересно! Это'

Субклауза может оторваться от своей опорной клаузы в результате вмешательства контекстно необходимой вставки, как в (6), где в качестве субклаузы рассматривается определительная группа *nihon no*

² В индексе примера первое число отсылает к номеру говорящего (от 1 до 14), второе число — к каналу передачи (1 — устный, 2 — письменный), третье — номер строки (сегмента) в сегментированном представлении текста. В письменных текстах сохраняется пунктуация оригинала. В транскрипте устного текста точкой (в очень редких случаях — вопросительным знаком) завершается ППК.

³ Глоссирование примеров следует формату, разработанному в [Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008].

‘японский’, — здесь говорящему по причине речевого затруднения не удалось сразу построить определяемое существительное, его пришлось отложить и сигнализировать о проблеме поиска слова с помощью хезитационной конструкции *nan daro* ‘как бы это [сказать]’:

(6) 8.1:20—22

Nihon no
японский ATTR

nan daro
что COP.PMT

pan ga mazui toka
хлеб NOM невкусный.PRES или

‘Японский — как бы это [сказать] — хлеб, [он] невкусный, или...’

Как субклаузы, вслед за [Кибрик и др. 2009: 108—114], мы квалифицируем и такие дислоцированные влево топикализованные именные группы, которые специфицируют не непосредственно примыкающую к ним справа клаузу, а более широкую объемлющую составляющую. В неформальном дискурсе такие группы часто оформляются не только показателем падежа (совсем необязательно именительного) и/или топика, но и — дополнительно — прагматической (так называемой «контактоустанавливающей») частицей, например, *ne*, как в (7):

(7) 8.1:51—53

kare ga ne
он NOM PRT

ichiban suki na tabemono wa saramipan tte
самый любимый ATTR еда TOP салями.в.хлебе QUOT

itte
сказать.CNV

‘Он, понимаешь ли: «Моя самая любимая еда — салями [запеченная] в хлебе» — сказал, и...’

2.3.2. Незавершенные фрагменты и лексические маркеры хезитации — это неклаузальные фрагменты, появляющиеся в спонтанной речи в связи с трудностями речепорождения. Это, главным образом, так называемые фальстарты, т. е. неудавшиеся, забракованные говорящим попытки артикулировать фрагмент дискурса, ср. первую строку в (8) и лексические маркеры речевых затруднений (типа русск. *ну, как его, это самое*), первую строку в (9), а также *nan daro* ‘как бы это [сказать]’ в примере (6) выше:

(8) 14.1:6—7

chiugoku kara = =
Китай из

chiugoku ni ruutsu ga aru
Китай в корни NOM иметься.PRES

tomodachi ga ite
друг NOM иметься.CNV

‘У меня был друг, [который] из Китая ...[у которого] были китайские корни’

(9) 3.1: 11—12

anoo
это.самое

yume no naka ni futsuu ni
сон ATTR внутри LOC обычно ADV

seikatsushiteru
жизнь.VRB.PROG.PRES

n da kedo
NML COP.PRES однако

‘Это самое... [мама] во сне жила обычной жизнью, однако...’

2.3.3. Лексические маркеры когерентности — единицы, которые обеспечивают риторическую связность текста. Функционально они близки морфосинтаксическим маркерам полипредикативности (союзам, послелогам, субстантиваторам), однако отличаются от последних дистрибуцией. Во-первых,

они располагаются в абсолютном начале предикации, ср. *sorede* ‘ну (и)’ в (10) — в отличие от союзов и им подобных маркеров полипредикативности, которые располагаются в абсолютном конце, ср. причинный союз *node* в (4) выше. В связи с такой дистрибуцией — сходной с дистрибуцией адвербиальных единиц — маркеры когерентности иногда именуется союзными наречиями [Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008: 201—203]. Во-вторых, в их сферу действия могут входить весьма протяженные фрагменты текста; они могут сигнализировать связь с широким и даже внелингвистическим контекстом; в частности, они могут появляться в начале диалогической реплики и даже — в начале рассказа, ср. *de* ‘(так) вот’ в (11):

(10) 1.1:39—40

kooen ni koo furatto dekakemashita.
парк LOC таким.образом бесцельно выходить.ADDR.PAST
‘Я просто так пошел в парк’

sorede hitoride yaru yoo n natte
ну.и в.одинокку делать.PRES так NML стать.CNV
‘Ну и стал в одиночку делать [это, зд. «кататься на велосипеде по лестницам»]’

(11) 1.1:3—4

de
вот
ima kara suru no wa kodomo no koro no
сейчас с делать.PRES NML TOP ребенок ATTR время ATTR
boku no hanashi desu
я ATTR рассказ COP.ADDR.PRES
‘Вот значит, сейчас я расскажу о своем детстве’ (букв. «Вот. То, что сейчас будет, [это] будет рассказ обо мне из времен, [когда я был] ребенком»)

Для полноты картины добавим также, что, в отличие от союзов и им подобных маркеров полипредикативности, являющихся энклитиками, лексические маркеры когерентности просодически автономны. Последний критерий, впрочем, даже будучи содержательно важным, для данного исследования не является диагностическим, поскольку мы учитываем только лексико-грамматические факторы. В принципе, возможен и альтернативный подход к разметке маркеров когерентности в структуре дискурса: можно было бы, учитывая их адвербиальные свойства, при сегментации присоединять их к той предикации, к которой они примыкают слева. Такой подход незначительно снизил бы долю неклаузальных сегментов относительно общего числа сегментов текста, однако это никак не повлияло бы на метрики полипредикативности, которые составляют основной предмет нашего анализа.

3. Японская полипредикация: количественный анализ

Для всех текстов корпуса были вычислены основные метрики полипредикативности: число связанных клауз (входящих в ППК), число изолированных клауз, число ППК, объем ППК (отношение числа связанных клауз к числу ППК), плотность полипредикации (доля связанных клауз от общего числа клауз), частотность отдельных маркеров полипредикативности (в приведении к числу клауз в тексте) и ряд других метрик. По этим метрикам мы сравнили устные и письменные рассказы с применением непараметрического статистического критерия Уилкоксона. Основные количественные результаты сводятся к следующему.

3.1. Общие параметры текста

Как уже сказано выше, собранный нами корпус включает 14 пар рассказов (14 устных и 14 письменных). Общий объем корпуса — 5850 слов, объем устной части — 3488 слов, объем письменной части — 2402 слова; число слов в устном рассказе подсчитывалось по транскрипту. При измерении в сегментах (совокупно клаузальных и неклаузальных) объем устной части составил 949 сегментов, объем письменной части — 509 сегментов. Устные версии рассказов статистически значимо длиннее письменных: при измерении объема в словах $P \leq 0,01$, см. таблицу 1, а при измерении в сегментах уровень значимости еще выше — $P \leq 0,001$, см. таблицу 2; по медианным значениям устные версии почти в два раза длиннее письменных. В таблицах 1—2, как и во всех таблицах далее, приведены «сырые» данные, средние (m) и медианные (Me) значения для устного и письменного подкорпусов, критериальное значение W (Wilcoxon), число сравниваемых пар исходных данных с ненулевым рангом $n_{s/r}$ и рассчитанные уровни значимости — для одностороннего критерия $P(1\text{-tail})$ и двустороннего $P(2\text{-tail})$:

Таблица 1. Длина текста в словах

Рассказ	Количество слов	
	Устная версия	Письменная версия
1	265	235
2	202	150
3	154	101
4	314	156
5	384	260
6	249	209
7	191	138
8	246	144
9	274	183
10	275	320
11	338	137
12	228	100
13	188	166
14	180	103
среднее	249,14	171,57
медиана	247,5	153

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?
да: $W = 97$; $n_{s/t} = 14$; $P(1\text{-tail}) = 0,0012$; $P(2\text{-tail}) = 0,0024$

Таблица 2. Длина текста в сегментах

Рассказ	Количество слов	
	Устная версия	Письменная версия
1	61	51
2	56	33
3	45	23
4	93	39
5	104	54
6	67	34
7	59	32
8	65	22
9	89	38
10	81	79
11	81	29
12	61	26
13	47	25
14	40	24
среднее	67,79	36,36
медиана	63	32,5

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?
да: $W = 105$; $n_{s/t} = 14$; $P(1\text{-tail}) = 0,0005$; $P(2\text{-tail}) = 0,001$

3.2. Клаузальные и неклаузальные сегменты

Абсолютное число клауз в тексте (таблица 3) статистически значимо выше в устных рассказах, однако доля клауз от общего числа сегментов выше в письменных рассказах (таблица 4). Эти данные находят простое объяснение: в устных версиях существенно выше, чем в письменных (таблица 5), доля неклаузальных сегментов. Мы видим, что устные тексты длиннее, в них больше абсолютное число клаузальных элементов, но если в устных текстах медианные значения клаузальных и неклаузальных сегментов распределены в пропорции $Me_{\text{клауз}} : Me_{\text{неклауз}} = 0,655 : 0,345$, то в письменных текстах клаузы почти полностью заполняют пространство текста, распределяясь с неклаузальными сегментами в пропорции $Me_{\text{клауз}} : Me_{\text{неклауз}} = 0,863 : 0,137$.

Таблица 3. Число клауз в тексте

Рассказ	Количество слов	
	Устная версия	Письменная версия
1	44	44
2	38	30
3	32	23
4	57	33
5	77	49
6	41	29
7	36	27
8	37	22
9	43	29
10	51	66
11	58	25
12	47	24
13	26	25
14	29	20
среднее	44	31,86
медиана	42	28

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?
да: $W = 74$; $n_{s/r} = 13$; $P(1\text{-tail}) = 0,0051$; $P(2\text{-tail}) = 0,0102$

Таблица 4. Доля клаузальных сегментов от общего числа сегментов в тексте

Рассказ	Устная версия			Письменная версия		
	число клауз	общее число сегментов	доля	число клауз	общее число сегментов	доля
1	44	61	0,721	44	51	0,863
2	38	56	0,679	30	33	0,909
3	32	45	0,711	23	23	1
4	57	93	0,613	33	39	0,846
5	77	104	0,74	49	54	0,907
6	41	67	0,612	29	34	0,853
7	36	59	0,61	27	32	0,844
8	37	65	0,569	22	22	1
9	43	89	0,483	29	38	0,763
10	51	81	0,63	66	79	0,835
11	58	81	0,716	25	29	0,862
12	47	61	0,77	24	26	0,923
13	26	47	0,553	25	25	1
14	29	40	0,725	20	24	0,833
среднее	44	67,79	0,652	31,86	36,357	0,888
медиана	42	63	0,6545	28	32,5	0,8625

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?
да: $W = -105$; $n_{s/r} = 14$; $P(1\text{-tail}) = 0,0005$; $P(2\text{-tail}) = 0,001$

Таблица 5. Доля неклаузалных сегментов от общего числа сегментов в тексте

Рассказ	Устная версия			Письменная версия		
	число неклаузалных сегментов	общее число сегментов	доля	число неклаузалных сегментов	общее число сегментов	доля
1	17	61	0,279	7	51	0,137
2	18	56	0,321	3	33	0,091
3	13	45	0,289	0	23	0
4	36	93	0,387	6	39	0,154
5	27	104	0,26	5	54	0,093
6	26	67	0,388	5	34	0,147
7	23	59	0,39	5	32	0,156
8	28	65	0,431	0	22	0
9	46	89	0,517	9	38	0,237
10	30	81	0,37	13	79	0,165
11	23	81	0,284	4	29	0,138
12	14	61	0,23	2	26	0,077
13	21	47	0,447	0	25	0
14	11	40	0,275	4	24	0,167
среднее	23,786	67,786	0,348	4,5	36,357	0,112
медиана	23	63	0,3455	4,5	32,5	0,1375

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?

да: $W = 105$; $n_{s/r} = 14$; $P(1\text{-tail}) = 0,0005$; $P(2\text{-tail}) = 0,001$

Значительное численное превосходство доли неклаузалных сегментов в устных рассказах по сравнению с их долей в письменных рассказах обеспечивается, прежде всего, за счет почти полного отсутствия в письменных текстах регуляторных единиц, обрывов и парентетических вставок; их медиальные значения выглядят так: регуляторные $Me_{устн} = 6$, $Me_{письм} = 0$; обрывы $Me_{устн} = 1$, $Me_{письм} = 0$; парентезы $Me_{устн} = 1$, $Me_{письм} = 0$. Еще один класс неклаузалных сегментов — маркеры когерентности — распределены более равномерно, они есть и в устных, и в письменных версиях, но в устных версиях встречаются значимо чаще, см. таблицу 6:

Таблица 6. Частотность маркеров когерентности

Рассказ	Устная версия			Письменная версия		
	число маркеров когерентности	общее число сегментов	доля	число маркеров когерентности	общее число сегментов	доля
1	10	61	0,164	4	51	0,078
2	6	56	0,107	1	33	0,03
3	2	45	0,044	0	23	0
4	12	93	0,129	0	39	0
5	15	104	0,144	1	54	0,019
6	8	67	0,119	1	34	0,029
7	2	59	0,034	1	32	0,031
8	9	65	0,138	0	22	0
9	9	89	0,101	3	38	0,079
10	5	81	0,062	7	79	0,089
11	10	81	0,123	0	29	0
12	3	61	0,049	1	26	0,038
13	4	47	0,085	0	25	0
14	4	40	0,1	1	24	0,042
среднее	7,071	67,786	0,1	1,429	36,357	0,031
медиана	7	63	0,104	1	32,5	0,0295

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?

да: $W = 97$; $n_{s/r} = 14$; $P(1\text{-tail}) = 0,0012$; $P(2\text{-tail}) = 0,0024$

Единственный тип неклаузальных элементов, который встречается одинаково часто и в устных, и в письменных текстах, — это субклаузы, см. таблицу 7. Причина, по-видимому, в том, что появление субклауз в большей степени обеспечивается структурными правилами, а не потребностями развертывания дискурса:

Таблица 7. Частотность субклауз

Рассказ	Устная версия			Письменная версия		
	число субклауз	общее число сегментов	доля	число субклауз	общее число сегментов	доля
1	1	61	0,016	3	51	0,059
2	4	56	0,071	2	33	0,061
3	4	45	0,089	0	23	0
4	8	93	0,086	6	39	0,154
5	2	104	0,019	4	54	0,074
6	10	67	0,149	4	34	0,118
7	8	59	0,136	4	32	0,125
8	9	65	0,138	0	22	0
9	4	89	0,045	5	38	0,132
10	10	81	0,123	6	79	0,076
11	5	81	0,062	4	29	0,138
12	5	61	0,082	1	26	0,038
13	2	47	0,043	0	25	0
14	3	40	0,075	3	24	0,125
среднее	5,357	67,786	0,081	3	36,357	0,079
медиана	4,5	63	0,0785	3,5	32,5	0,075

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?

нет: $W = -4$; $n_{s/t} = 14$; $P(1\text{-tail}) = 0,4562$; $P(2\text{-tail}) = 0,9124$

3.3. Плотность полипредикации и объем ППК

Центральными показателями синтаксической сложности в зоне полипредикации являются две метрики — (а) плотность полипредикации, вычисляемая как доля связанных клауз, т. е. клауз, входящих в ППК, от общего числа клауз, и (б) объем ППК, т. е. число клауз, входящих в ППК.

Плотность полипредикации не демонстрирует значимых отличий между устными и письменными текстами ($P > 0,05$), медианные значения — почти тождественны: $Me_{устн} = 0,9715$; $Me_{письм} = 0,9665$ (таблица 8). Иными словами, японский текст в целом демонстрирует очень высокий уровень морфосинтаксической связности: в устной, и в письменной версии почти все клаузы в тексте оказываются внутри ППК, т. е. доля клауз, не связанных хотя бы с одной другой клаузой, меньше одной десятой!

Что же касается объема ППК, то он оказался существенно выше в устных версиях с очень хорошим уровнем значимости ($P_{1\text{-tail}} = 0,0005$, $P_{2\text{-tail}} = 0,001$), медианное значение для устных версий более, чем в два раза выше, чем для письменных — $Me_{устн} = 9,875$; $Me_{письм} = 3,9545$, т. е. в устных рассказах ППК связывает «на круг» почти десять клауз с разбросом от четырех до пятидесяти, а в письменном — около четырех с разбросом от двух до восьми (таблица 9).

Таблица 8. Доля связанных клауз от общего числа клауз в тексте — плотность полипредикации

Рассказ	Устная версия			Письменная версия		
	число связанных клауз	число клауз	доля	число связанных клауз	число клауз	доля
1	41	44	0,932	43	44	0,977
2	37	38	0,974	29	30	0,967
3	31	32	0,969	23	23	1
4	57	57	1	33	33	1
5	77	77	1	49	49	1
6	40	41	0,976	28	29	0,966
7	34	36	0,944	23	27	0,852
8	32	37	0,865	18	22	0,818
9	39	43	0,907	27	29	0,931
10	50	51	0,98	53	66	0,803
11	56	58	0,966	23	25	0,92
12	46	47	0,979	24	24	1
13	26	26	1	20	25	0,8
14	28	29	0,966	20	20	1
среднее	42,429	44	0,961	29,5	31,857	0,931
медиана	39,5	42	0,9715	25,5	28	0,9665

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?

нет: $W = 28$; $n_{s/r} = 12$; $P(1\text{-tail}) = 0,1401$; $P(2\text{-tail}) = 0,2801$

Таблица 9. Объем ППК — отношение числа связанных клауз к числу ППК

Рассказ	Устная версия			Письменная версия		
	число связанных клауз	число ППК	число связанных клауз в ППК	число связанных клауз	число ППК	число связанных клауз в ППК
1	41	10	4,1	43	11	3,909
2	37	4	9,25	29	7	4,143
3	31	2	15,5	23	3	7,667
4	57	6	9,5	33	7	4,714
5	77	4	19,25	49	13	3,769
6	40	4	10	28	8	3,5
7	34	3	11,333	23	5	4,6
8	32	7	4,571	18	8	2,25
9	39	4	9,75	27	7	3,857
10	50	1	50	53	13	4,077
11	56	5	11,2	23	6	3,833
12	46	3	15,333	24	4	6
13	26	5	5,2	20	7	2,857
14	28	5	5,6	20	5	4
среднее	42,429	4,5	12,899	29,5	7,429	4,227
медиана	39,5	4	9,875	25,5	7	3,9545

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?

да: $W = 105$; $n_{s/r} = 14$; $P(1\text{-tail}) = 0,0005$; $P(2\text{-tail}) = 0,001$

3.4. Конвербы и сочинительные союзы

Посмотрим теперь на частотность наиболее нейтральных средств маркирования межклаузных связей — нарративных конвербов⁴ и маркеров предикативного сочинения. В таблице 10 представлено распределение формы на *-te* — неспециализированного (нарративного) конверба, выражающего наиболее общие обстоятельственные значения (временные, причинно-следственные, способа действия и др.), конкретизация которых происходит с учетом контекста. Мы видим, что частотность этой формы (в приведении к числу клауз) в устных текстах значимо выше ($P \leq 0,001$); медианные значения отличаются более чем в два раза: $Me_{устн} = 0,2825$, $Me_{письм} = 0,103$. Фактически, на десять клауз в устном тексте приходится почти три конверба против одного в письменном!

Таблица 10. Частотность нарративного конверба на *-te* в приведении к числу клауз

Рассказ	Устная версия			Письменная версия		
	число <i>-te</i>	число клауз	доля	число <i>-te</i>	число клауз	доля
1	14	44	0,318	4	44	0,091
2	11	38	0,289	5	30	0,167
3	12	32	0,375	8	23	0,348
4	13	57	0,228	2	33	0,061
5	26	77	0,338	15	49	0,306
6	12	41	0,293	3	29	0,103
7	9	36	0,25	1	27	0,037
8	8	37	0,216	3	22	0,136
9	13	43	0,302	3	29	0,103
10	11	51	0,216	1	66	0,015
11	16	58	0,276	0	25	0
12	10	47	0,213	4	24	0,167
13	8	26	0,308	5	25	0,2
14	5	29	0,172	1	20	0,05
среднее	12	44	0,271	3,929	31,857	0,127
медиана	11,5	42	0,2825	3	28	0,103

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?

да: $W = 105$; $n_{s/r} = 14$; $P(1\text{-tail}) = 0,0005$; $P(2\text{-tail}) = 0,001$

Еще более разительный контраст в частотности у нейтрального соединительно-противительного союза *kedo* (с вариантами *keredo/keredomo*) — аналога русского *А*, см. подробнее [Podlesskaya 2010]. Как видим из таблицы 11, при очень хорошем уровне значимости — $P(1\text{-tail}) = 0,0005$, $P(2\text{-tail}) = 0,001$ — средние значения различаются в десять раз — $m_{устн} = 0,111$, $m_{письм} = 0,012$.

У нарративного конверба на *-te* и союза *kedo* есть более «книжные» аналоги — конверб на *-i* и союз *ga*; можно было бы предположить, что столь существенная разница в частотности объясняется предпочтительным употреблением в устных текстах более разговорных версий коннекторов, а в письменных текстах авторы предпочитают книжные версии. Оказалось, однако, что хотя «книжные» варианты коннекторов, действительно, отсутствуют в устных версиях рассказов, но и в письменных версиях их ничтожно мало: для конверба на *-i* $Me_{устн} = 0$, $Me_{письм} = 0,027$, для союза *ga* $Me_{устн} = 0$, $Me_{письм} = 0,034$ в приведении к числу клауз. Очевидно, что они практически не вносят вклада в общую долю нарративных конвербов и сочинительных союзов в тексте. Таким образом, приходится признать, что высокая частотность нарративных конвербов и сочинительных союзов — это прерогатива устных монологов⁵.

⁴ О роли нарративных конвербов в дискурсивной структуре рассказа см., в частности, [Myhill, Hibiya 1988].

⁵ Как показано в работе [Подлесская 2018], в русском языке частотность союза *А* не чувствительна к регистру: в устных и письменных нарративах сходной тематики и структуры частотность союза статистически значимо не различается. Таким образом, засвидетельствованная нами более высокая частотность сочинительных союзов в японском устном тексте по сравнению с письменным должна считаться лингвоспецифической чертой.

Таблица 11. Частотность союза *ke(re)do(mo)* в приведении к числу клауз

Рассказ	Устная версия			Письменная версия		
	число <i>ke(re)do(mo)</i>	число клауз	доля	число <i>ke(re)do(mo)</i>	число клауз	доля
1	4	44	0,091	0	44	0
2	6	38	0,158	0	30	0
3	3	32	0,094	2	23	0,087
4	6	57	0,105	0	33	0
5	9	77	0,117	2	49	0,041
6	3	41	0,073	0	29	0
7	2	36	0,056	0	27	0
8	5	37	0,135	0	22	0
9	7	43	0,163	0	29	0
10	8	51	0,157	0	66	0
11	8	58	0,138	0	25	0
12	4	47	0,085	0	24	0
13	4	26	0,154	1	25	0,04
14	1	29	0,034	0	20	0
среднее	5	44	0,111	0,357	31,857	0,012
медиана	4,5	42	0,111	0	28	0

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?

да: $W = 105$; $n_{s/r} = 14$; $P(1\text{-tail}) = 0,0005$; $P(2\text{-tail}) = 0,001$

3.5. Сентенциальные актанты

Конструкции с сентенциальными актантами оказались не чувствительны к каналу передачи — статистически значимой разницы между их частотностью в устных и письменных текстах нет. В таблице 12 приведено распределение сентенциальных актантов, которые строятся с помощью субстантивации, а в таблице 13 — распределение сентенциальных актантов, которые строятся с помощью цитационного союза *to*.

Таблица 12. Суммарная частотность субстантиваторов *no* и *koto*, вводящих сентенциальные актанты, в приведении к числу клауз

Рассказ	Устная версия			Письменная версия		
	число <i>koto + no</i>	число клауз	доля	число <i>koto + no</i>	число клауз	доля
1	1	44	0,023	7	44	0,159
2	1	38	0,026	1	30	0,033
3	0	32	0	0	23	0
4	6	57	0,105	6	33	0,182
5	1	77	0,013	1	49	0,02
6	0	41	0	1	29	0,034
7	0	36	0	1	27	0,037
8	0	37	0	0	22	0
9	2	43	0,047	0	29	0
10	7	51	0,137	3	66	0,045
11	2	58	0,034	0	25	0
12	2	47	0,043	2	24	0,083
13	1	26	0,038	0	25	0
14	2	29	0,069	2	20	0,1
среднее	1,786	44	0,038	1,714	31,857	0,05
медиана	1	42	0,03	1	28	0,0335

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?

нет: $W = -15$; $n_{s/r} = 12$; $P(1\text{-tail}) = 0,2843$; $P(2\text{-tail}) = 0,5687$

Таблица 13. Частотность цитационного союза *to*, вводящего сентенциальные актанты, в приведении к числу клауз

Рассказ	Устная версия			Письменная версия		
	число <i>to</i>	число клауз	доля	число <i>to</i>	число клауз	доля
1	3	44	0,068	2	44	0,045
2	2	38	0,053	1	30	0,033
3	8	32	0,25	3	23	0,13
4	5	57	0,088	3	33	0,091
5	10	77	0,13	2	49	0,041
6	8	41	0,195	1	29	0,034
7	10	36	0,278	5	27	0,185
8	6	37	0,162	2	22	0,091
9	3	43	0,07	5	29	0,172
10	6	51	0,118	8	66	0,121
11	4	58	0,069	4	25	0,16
12	7	47	0,149	4	24	0,167
13	2	26	0,077	2	25	0,08
14	4	29	0,138	4	20	0,2
среднее	5,571	44	0,132	3,286	31,857	0,111
медиана	5,5	42	0,124	3	28	0,106

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?

нет: $W = 27$; $n_{s/r} = 14$; $P(1\text{-tail}) = 0,2033$; $P(2\text{-tail}) = 0,4065$

Как видно из таблиц 12 и 13, цитационный союз и в устных, и в письменных версиях рассказов — более частотный способ кодирования сентенциальных актантов, чем субстантивация, однако распределены оба типа на удивление равномерно, ср. медианные значения для субстантиваторов — $Me_{устн} = 0,03$, $Me_{письм} = 0,0335$ — и для цитационного союза — $Me_{устн} = 0,124$, $Me_{письм} = 0,106$.

3.6. Относительные предложения

Относительные предложения — единственный тип ППК, который встречается достоверно чаще в письменных текстах ($P \leq 0,05$), хотя частотность этого класса в целом невелика: $Me_{устн} = 0,0715$, $Me_{письм} = 0,114$, см. таблицу 14. Т. е. на сто клауз приходится примерно семь относительных придаточных в устном тексте против одиннадцати в письменном:

Таблица 14. Частотность относительных придаточных в приведении к числу клауз

Рассказ	Устная версия			Письменная версия		
	число определений	число клауз	доля	число определений	число клауз	доля
1	2	44	0,045	8	44	0,182
2	3	38	0,079	6	30	0,2
3	0	32	0	2	23	0,087
4	9	57	0,158	5	33	0,152
5	5	77	0,065	5	49	0,102
6	7	41	0,171	8	29	0,276
7	0	36	0	0	27	0
8	1	37	0,027	1	22	0,045
9	0	43	0	3	29	0,103
10	4	51	0,078	10	66	0,152
11	7	58	0,121	4	25	0,16
12	8	47	0,17	3	24	0,125
13	1	26	0,038	0	25	0
14	3	29	0,103	2	20	0,1
среднее	3,571	44	0,075	4,071	31,857	0,12
медиана	3	42	0,0715	3,5	28	0,114

Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?

да: $W = -61$; $n_{s/r} = 13$; $P(1\text{-tail}) = 0,0174$; $P(2\text{-tail}) = 0,0349$

4. Заключение

Суммируем полученные нами количественные результаты:

- В устных текстах плотность полипредикации не ниже, чем в письменных.
- В устных текстах объем полипредикативного комплекса выше, чем в письменных.
- В устных текстах выше частотность наиболее нейтральных средств маркирования межклаузуальных связей — нарративных конвербов и маркеров предикативного сочинения.
- Устные и письменные тексты не демонстрируют статистически значимых отличий в частотности сентенциальных актантов.
- Относительные предложения — единственный тип полипредикативных комплексов, который значимо чаще встречается в письменных текстах.

Таким образом, утверждение о меньшей полипредикативности, а значит меньшей синтаксической сложности, устных текстов не прошло проверку на универсальность. Несмотря на то что в устных рассказах у говорящих имеется такой мощный дополнительный ресурс маркирования полипредикации, как просодия, они, как оказывается, используют морфосинтаксическое маркирование с не меньшей интенсивностью, чем в письменных рассказах.

Наши количественные данные подтверждают, что японский язык проявляет свойства, типичные для языков, активно эксплуатирующих феномен *clause-chaining*, т. е. использующих полипредикативную стратегию «клаузуальных цепочек», ср. [Кибрик 2015: 624]. Этот способ интеграции клауз иногда называют также «нанализыванием клауз» [Шлуинский 2014] или «алтайским сочинением» [Рудницкая 1997]. Согласно удачной формулировке, предложенной в [Шлуинский 2014: 104], эта техника интеграции предполагает такой «морфосинтаксический способ оформления клауз с равным коммуникативным статусом... что все вершинные глаголы, кроме единственного (самого левого или самого правого)... оформлены специальным показателем». В японском варианте самый правый вершинный глагол является финитным, а все предшествующие выступают в форме нарративного конверба. Возможно, механизм *clause-chaining* в таких языках выполняет ту же функцию, что и последовательность просодически незавершенных клауз, связь между которыми может не маркироваться морфосинтаксически.

Разумеется, наши данные получены для конкретного языка с выраженным левым ветвлением и конкретного типа дискурса — устного нарратива. Кроме того, в нашем исследовании совсем не затронуты вопросы о том, какие именно просодические паттерны используются в полипредикативных конструкциях, как коммуникативно-просодическая структура отдельной клаузы встраивается в коммуникативно-просодическую структуру полипредикативной конструкции и, далее, в иерархическую структуру дискурса. Дальнейшие исследования в этом и смежных направлениях помогут проследить связь метрик полипредикативности как показателей синтаксической сложности с типологическим статусом языка, жанром дискурса и другими параметрами.

Сокращения

Глоссы

ACC — аккузатив	NOM — номинатив
ADDR — адрессив	PAST — прошедшее время
ADV — адвербиальная форма	PMT — презумптив
ATTR — атрибутивная форма	PRES — настоящее-будущее время
CNV — деепричастие	PROG — прогрессив
COP — связка	PRT — частица
INST — инструменталис	QUOT — цитационный союз
LOC — локатив	TOP — топик
NEG — отрицание	VRB — вербализатор
NML — субстантиватор	

Литература

Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008 — *Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И.* Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х томах. М., 2008. {*Alpatov V. M., Arkadyev P. M., Podlesskaya V. I.* Theoretical Grammar of Japanese. In 2 volumes. М., 2008.}

Земская и др. 1981 — *Земская Е. А., Кутайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. {*Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryayev E. N.* Colloquial Russian Speech: General Questions. Word Formation. Syntax. M., 1981.}

Кибрик 2008 — *Кибрик А. А.* Есть ли предложение в устной речи? // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / Ред. *Архинов А. В., Захаров Л. В., Кибрик А. А.* и др. М., 2008. С. 104—115. {*Kibrik A. A.* Are There Sentences in Spoken Language? // Phonetics and Non-phonetics. For the 70th Anniversary of Sandro Kodzasov / Eds. *Arkhipov A. V., Zakharov L. V., Kibrik A. A.* et al. M., 2008. P. 104—115.}

Кибрик 2015 — *Кибрик А. А.* Когнитивный анализ дискурса: локальная структура // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / Под общ. ред.: *Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В.* Сост. *Кибрик А. А., Кошелев А. Д.* М., 2015. С. 595—634. {*Kibrik A. A.* Cognitive Analysis of Discourse: Local Structure // Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics / Eds. *Kibrik A. A., Koshelev A. D., Kravchenko A. V., Mazurova Yu. V., Fedorova O. V.* Comp. *Kibrik A. A., Koshelev A. D.* M., 2015. P. 595—634.}

Кибрик и др. 2009 — *Кибрик А. А., Подлеская В. И., Коротаев Н. А.* Неканонические явления // Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Ред. *Кибрик А. А., Подлеская В. И.* М., 2009. С. 102—176. {*Kibrik A. A., Podlesskaya V. I., Korotaev N. A.* Non-canonic Phenomena // Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse / Eds. *Kibrik A. A., Podlesskaya V. I.* M., 2009. P. 102—176.}

Лаптева 1976 — *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976. {*Lapteva O. A.* Russian Colloquial Syntax. M., 1976.}

Подлеская 1993 — *Подлеская В. И.* Сложное предложение в современном японском языке: материалы к типологии полипредикативности. М., 1993. {*Podlesskaya V. I.* Complex Sentences in Modern Japanese: Material for the Typology of Clause-Combining. M., 1993.}

Подлеская 2018 — *Подлеская В. И.* «А у нас в квартире газ! А у вас?»: конструкции с союзом *А* по данным просодически размеченного корпуса // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 30 мая — 2 июня 2018). Вып. 17 (23). М., 2018. С. 601—618. {*Podlesskaya V. I.* “A u nas v kvartire gaz! A u vas?”: The Russian Conjunction *A* Viewed Through the Prism of Prosodically Annotated Corpus Data // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual International Conference “Dialog” (Moscow, May 30th – June 2nd 2018). Vol. 17 (23). M., 2018. P. 601—618.}

Рудницкая 1997 — *Рудницкая Е. Л.* Проблема алтайского сочинения в корейском языке // Вопросы языкознания. 1997, 6. С. 89—99. {*Rudnitskaya E. L.* Coordination of Altaic type in Korean // Voprosy Jazykoznanija. 1997, Vol. 6. P. 89—99.}

Сиротинина 1974 — *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974. {*Sirotinina O. B.* Modern Informal Speech and its Specifics. M., 1974.}

Шлуинский 2014 — *Шлуинский А. Б.* К типологии морфосинтаксиса «соединения событий» в поливербальных конструкциях // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия Филологические науки. 2014, 4. С. 86—109. {*Shluinsky A. B.* On the Typology of the “Event Connection” Morphosyntax in Poliverbal Constructions // Sholokhov MSUH Bulletin. Studies in Philology Series. 2014, Vol. 4. P. 86—109.}

Berman 2016 — *Berman R. A.* Linguistic literacy and later language development // Written and Spoken Language Development across the Lifespan: Essays in Honor of Liliana Tolchinsky / Eds. *Perera J., Aparici M., Rosado E., Salas N.* New York, 2016. P. 181—200.

Berman, Nir-Sagiv 2009 — *Berman R. A., Nir-Sagiv B.* Clause-packaging in narratives: A crosslinguistic developmental study // Crosslinguistic Approaches to the Psychology of Language: Research in the Tradition of Dan I. Slobin / Eds. *Guo J.* et al. New York, 2009. P. 149—162.

Biber 1988 — *Biber D.* Variation across Speech and Writing. Cambridge, 1988.

Clancy 1982 — *Clancy P. M.* Written and spoken style in Japanese narratives // Spoken and written language: Exploring orality and literacy / Ed. *Tannen D.* Norwood, N.J., 1982. P. 55—76.

Foster et. al. 2000 — *Foster P., Tonkyn A., Wigglesworth G.* Measuring spoken language: a unit for all reasons // Applied Linguistics. 2000, 21-3. P. 354—375.

Hunt 1965 — *Hunt K.* Grammatical structures written at three grade levels. NCTE Research report No. 3. Champaign, IL, USA, 1965.

Iwasaki 2013 — *Iwasaki S.* Japanese. Revised edition. Amsterdam, 2013.

Iwasaki, Ono 2001 — *Iwasaki S., Ono T.* “Sentence” in spontaneous spoken Japanese discourse // Complex sentences in grammar and discourse: Essays in honor of Sandra A. Thompson / Eds. *Bybee J., Noonan M.* Amsterdam and Philadelphia, 2001. P. 175—202.

Kuno 1973 — *Kuno S.* The structure of the Japanese language. Cambridge, MA, 1973.

Kuno 1978 — *Kuno S.* 1978. Japanese: A characteristic OV language // Syntactic typology: Studies in the phenomenology of language / Ed. *Lehmann W. P.* Austin, 1978. P. 57—138.

- Laury, Ono 2014 — *Laury R., Ono T.* The limits of grammar: Clause combining in Finnish and Japanese conversation // *Pragmatics*. 2014, 24:3. P. 561—592.
- Longacre 1990 — *Longacre R. E.* Storyline concerns and word-order typology in East and West Africa. Supplement 10. *Studies in African Linguistics* / Ed. *Longacre R. E.* Los Angeles, 1990.
- Maynard 1998 — *Maynard S. K.* Principles of Japanese discourse: A handbook. Cambridge, 1998.
- Miestamo 2017 — *Miestamo M. M. P.* Linguistic diversity and complexity // *Lingue e Linguaggio*. 2017, XVI, 2. P. 227—253.
- Miller 1995 — *Miller J.* Does spoken language have sentences? // *Grammar and meaning: essays in honor of Sir John Lyons* / Ed. *Palmer F.R.* New York, 1995. P. 116—135.
- Miller, Fernandez-Vest 2006 — *Miller J., Fernandez-Vest M. M. J.* Spoken and written language // *Pragmatic organization of discourse (Empirical Approaches to Language Typology, Eurotype 20-8)* / Eds. *Bernini G., Schwartz M. L.* Berlin — New York, 2006. P. 9—64.
- Miller, Weinert 2009 [1998] — *Miller J., Weinert R.* Spontaneous spoken language (*Oxford Linguistics*). Oxford, 2009 [1998].
- Myhill, Hibiya 1988 — *Myhill J., Hibiya J.* The discourse function of clause-chaining // *Clause Combining in Grammar and Discourse*. [Typological Studies in Language 18] / Eds. *Haiman J., Thompson S. A.* Amsterdam, 1988. P. 361—398.
- Ortega 2003 — *Ortega L.* Syntactic complexity measures and their relationship to L2 proficiency: A research synthesis of college-level L2 writing // *Applied Linguistics*. 2003, 24. P. 492—518.
- Ortega 2012 — *Ortega L.* Interlanguage complexity: A construct in search of theoretical renewal // *Linguistic Complexity: Second Language Acquisition, Indigenization, Contact, Linguae & Litterae* / Eds. *Kortmann B., Szmezcanyi B.* Berlin—Boston, 2012. P. 127—155.
- Payne 1991 — *Payne T. E.* Medial clauses and interpositional relations in Panare // *Cognitive linguistics*. 1991, 2-3. P. 247—281.
- Podlesskaya 2010 — *Podlesskaya V.* From clause-combining to discourse structuring: the case of adversative constructions in Russian (with some reference to Japanese) // *Kotoba no Tayshoo [Speech in Contrast]* / Ed. *Kishimoto H.* Tokyo, 2010. P. 155—174.
- Shibatani 1990 — *Shibatani M.* The languages of Japan. Cambridge, 1990.
- Suzuki 2013 — *Suzuki S.* Connection and emotion: extensive clause combining in contemporary Japanese fiction // *Pragmatics*. 2013, 23:1. P. 147—167.
- Young 1995 — *Young R.* Conversational Styles in Language Proficiency Interviews // *Language Learning*. 1995, 45/1. P. 3—42.

РЕЗЮМЕ

На материале корпуса личных рассказов японских студентов (N = 14) исследуются стратегии полипредикации в устном и письменном дискурсе. Показано, что средний объем полипредикативного комплекса (грамматически маркированного объединения клауз), а также частоты нарративных конвербов и сочинительных союзов (наиболее частотных маркеров полипредикации) выше в устных рассказах по сравнению с письменными рассказами тех же испытуемых. Эти результаты существенно отличают японский от ряда других языков, в том числе от русского, английского, испанского или иврита, в которых, по данным ранее опубликованных исследований, в устном дискурсе меньше объем полипредикативного комплекса по сравнению с письменным. Предполагаемое объяснение состоит в том, что японский, будучи языком с левым ветвлением, использует так называемую стратегию «клаузальных цепочек» одинаково интенсивно и в письменной, и в устной речи, тогда как вышеупомянутые правоветвящиеся языки для интеграции клауз в устной речи в большей степени используют просодический, а не грамматический ресурс.

SUMMARY

Based on a corpus of personal stories produced by Japanese university students (N = 14) the paper compares clause-combining (CC) strategies in oral and written narrative discourse. The results show that the mean length of CC complexes (grammatically marked combinations of clauses), as well as the rates of coordinators and narrative converbs (the most frequent grammatical markers of CC) are higher in oral stories compared to written stories produced by the same speaker. With respect to CC, Japanese appears to differ dramatically from languages like Russian, English, Spanish or Hebrew, which, in earlier studies, were re-

ported to have shorter CC complexes in oral discourse in comparison with written discourse. This can possibly be explained by the fact that, in oral stories, Japanese, as a left-branching language, intensively employs the so called “clause-chaining” strategy, while the above mentioned right-branching languages rely more on prosodic rather than on grammatical means of CC.

Ключевые слова: полипредикация, устный дискурс, японский язык, синтаксическая сложность

Keywords: clause-combining, spoken discourse, Japanese, syntactic complexity

Подлеская Вера Исааковна, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); vi_podlesskaya@il-rggu.ru

Vera I. Podlesskaya, Russian State University for the Humanities (Moscow); vi_podlesskaya@il-rggu.ru

Озолина Валентина Александровна, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); valyaozolina@gmail.com

Valentina A. Ozolina, Russian State University for the Humanities (Moscow); valyaozolina@gmail.com

Три диалекта в «Букваре для башкир» А. Г. Бессонова¹

Наиболее известный в научном сообществе первый [Букварь для башкир 1892], созданный на основе кириллической графики, был опубликован в Оренбурге. Его авторство до недавнего времени приписывалось Василию Владимировичу Катаринскому — русскому педагогу и просветителю². Этот букварь выдержал несколько изданий. Не менее значимым для тюркологической науки является изданный в 1907 г. в Казани второй букварь для башкир. Его авторство принадлежит русскому языковеду и этнографу Александру Григорьевичу Бессонову. И тот, и другой буквари опирались на кириллический алфавит, который по сравнению с арабским позволял более полно отразить специфические фонетические особенности башкирского разговорного языка — сингармонизм, дифтонги и др. Если в первом букваре для башкирского языка использовалось 39 букв на основе кириллической графики, то во втором — уже 42 буквы (35 знаков русского алфавита и 7 дополнительных знаков для обозначения специфических звуков башкирского языка). Кроме того, А. Г. Бессонов проводит сопоставительный анализ русско-башкирской азбуки с арабской [Букварь 1907: 39—42] «с той целью, чтобы башкирские дети, изучающие как арабскую грамоту, так и русский язык с русской грамотой, могли вместе с тем выяснить для себя все особенности произношения (фонетики) своего родного языка, не стыдились бы его, а полюбили бы этот чудный, благозвучный язык» [Букварь 1907: 46].

Надо отметить, что А. Г. Бессонов был очень образованным человеком, окончил в 1877 г. Казанскую духовную академию, много лет работал учителем в национальных школах Вятской губернии и в Казани, а позднее — инспектором школ и народных училищ Оренбургской губернии. Александр Григорьевич хорошо владел башкирским, казахским, татарским и удмуртским языками, бережно и уважительно относился к творческому наследию и фольклору этих народов, много лет собирал сказки, песни, легенды, снабжая их ценными научными комментариями. К сожалению, не все из его творческого наследия удалось сохранить.

Наибольший интерес для языковедов представляет его «Букварь для башкир» [Букварь 1907], который не только отражает конкретное языковое состояние соответствующего периода, но и содержит весьма интересные разъяснения филологического толка, характеризующие автора как внимательного и глубокого ученого-лингвиста и диалектолога. Следует отметить, что задолго до создания «Букваря...», в 1881 г., А. Г. Бессонов написал статью «О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам», в которой достаточно подробно охарактеризовал звуковой состав, грамматический строй и лексику башкирского и татарского языков с их основными говорами [Конов 1982: 257]. Кроме того, он является также автором других письменных памятников башкирского языка: «Первая после букваря книжка для чтения и первоначальных уроков русского языка для северо-восточных башкир» (Казань, 1906) и «Первая после букваря книжка для чтения и первоначальных уроков русского языка для юго-восточных башкир» (Казань, 1908). Не случайно знаменитый башкирский ученый, проф. Дж. Киекбаев, изучавший в середине XX в. творческое наследие А. Г. Бессонова, назвал его «основоположником башкирской диалектологии» [Киекбаев 1958: 41].

Несмотря на то что существует немало исследовательских работ, посвященных первым кириллическим памятникам на башкирском языке, полноценный анализ языковых особенностей трудов А. Г. Бессонова не проводился. Целью этой статьи является полный анализ языковых особенностей «Букваря для башкир» (Казань, 1907). В статье последовательно рассматриваются графические, фонетические, морфологические и лексические особенности текста этого памятника в сопоставлении с данными современных говоров и литературного башкирского языка, после чего предпринимается попытка соотнести эти особенности с особенностями современных диалектов и говоров башкирского языка.

1. Графико-фонетические особенности

Следует отметить, что [Букварь 1907] в целом написан на диалекте, который А. Г. Бессонов в Послесловии характеризует как наречие «северной части зауральской Башкирии», и лишь для ряда форм в скобках указываются формы наречия «южной части зауральской Башкирии». В заключении «Букваря...»

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России».

² См. подробнее об этом [Норманская, Каримова, Экба 2017].

приводится текст сказки на трех диалектах: «северном», «южном» и «восточном» (катайском)³. Ниже мы опираемся на материал северных форм, а при обращении к южным формам, данным в скобках, специально отмечаем это.

1.1. Гласные графемы

С точки зрения вокализма в «Букваре...» практически нет существенных расхождений с современным литературным башкирским языком. Тем не менее, можно отметить следующие отличительные признаки:

1) [Букварь 1907] э — лит. башк. *и* (две лексемы; в них представлено сохранение архаического ПТю **e*, **e* в первом слоге):

[Букварь 1907] *эләк* ‘сито’, *эләктә* ‘в сите’ — лит. башк. *иләк*, *иләктә* < ПТю **əlge*- ‘сито, просеивать’;

[Букварь 1907] сев., юж., кат. *эшетәргин* ‘(ты) услышишь’ — лит. башк. *ишетергең* < ПТю **əlit*-.

Это явление отмечено и в [Максютова 1976: 19, 30] как черта восточных диалектов, характерная и для айского, и для аргаяшского диалекта.

2) ПТю **je* > [Букварь 1907] *йи* — лит. башк. *е*:

[Букварь 1907] *йир* — лит. башк. *ер* < ПТю **jēr* ‘земля’;

[Букварь 1907] *йирән* — лит. башк. *ерән* < ПТю **jegre-n* ‘рыжий’;

[Букварь 1907] *йил* — лит. башк. *ел* < ПТю **jel* ‘ветер’;

[Букварь 1907] *йитәрдек* — лит. башк. *етәрлек* ‘достаточный’;

[Букварь 1907] сев., юж., кат. *йиткәс* — лит. башк. *еткәс* ‘дойдя’.

В [Максютова 1976] не описана рефлексия ПТю **je* в восточных диалектах. По-видимому, этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении, в том числе на материале современных говоров.

3) Губная гармония гласных второго слога присутствует в памятнике, как и в литературном башкирском, после *о*, *ө* первого слога и отсутствует после *у*, *ү*.

Примеры на гласные *о*, *ө* в первом слоге:

[Букварь 1907] сев., юж., кат. *боронго* — диал. *боронго* — лит. башк. *боронго* ‘старинный, древний’;

[Букварь 1907] *тонок* — лит. башк. *тонок* ‘бледный’;

[Букварь 1907] *онот* — лит. башк. *онот* ‘(ты) забудь’;

[Букварь 1907] *оло* — лит. башк. *оло* ‘старый, пожилой’;

[Букварь 1907] *коро* — лит. башк. *коро* ‘сухой’;

[Букварь 1907] *төтөн* — лит. башк. *төтөн* ‘дым’;

[Букварь 1907] *өшөнөм* — лит. башк. *өшөнөм* ‘(я) замерз’;

[Букварь 1907] *өшкөрөм-төкөрөм* — лит. башк. *өшкөрөм-төкөрөм* ‘заговоры’;

[Букварь 1907] *көмөш* — лит. башк. *көмөш* ‘серебряный’.

При полной росписи книги было выявлено лишь одно исключение из этого правила: [Букварь 1907] *йөре* — диал. *йөре* — лит. башк. *йөрө* ‘(ты) иди’.

Примеры на гласные *у*, *ү* в первом слоге:

[Букварь 1907] *утын* — лит. башк. *утын* ‘дрова’;

[Букварь 1907] *утыр* — лит. башк. *утыр* ‘сидеть’;

[Букварь 1907] *күде* — лит. башк. *күзе* ‘его глаз’;

[Букварь 1907] *бүрене* — лит. башк. *бүрене* ‘волк-Асс’.

Н. Х. Максютлова отмечает, что, в отличие от остальных говоров восточного диалекта, где *о*, *ө* употребляются лишь в первом слоге слова, аргаяшский диалект более последователен в сохранении губного притяжения — начальные *о*, *ө* первого слога сохраняются и в последующих слогах: *торпоса* ‘дуплянка’, *шорон* ‘шуруп’, *өрөлөү* ‘хвастаться’, *өсөк* ‘маленький’ и т. д. [Максютова 1976: 86]⁴.

Итак, можно сказать, что с точки зрения вокализма основной «северный» диалект «Букваря...» наиболее близок современному аргаяшскому говору.

Для «южного» диалекта отмечена лишь одна форма, отличающаяся от северных диалектов гласной графемой:

[Букварь 1907] сев. *өйрәнергә* ~ южн. *йрәнергә* — лит. башк. *өйрәнергә* ‘учиться, обучаться’.

³ Катайские башкиры и сегодня встречаются по течению р. Инзер и далеко на восток вплоть до Курганской области.

⁴ В этом аргаяшский диалект не отличается от литературного языка.

1.2. Согласные графемы

Система консонантизма по большей части не отличается от литературного языка. Но есть ряд случаев, когда отличия присутствуют, и именно для таких позиций А. Г. Бессонов приводит в скобках, помимо основных «северных» форм, «южные» диалектные примеры. Ниже мы рассмотрим именно такие случаи. В таблице 1 представлены северные и южные диалектные формы, пратюркская форма по [EDAL] (по возможности) и литературная башкирская форма. В скобках около южного и северного рефлексов помечено, для каких современных диалектов (по [Максютова 1976]) характерны такие рефлексы. К каждому типу рефлексации приведены указания, в каких восточных диалектах она встречается по [Максютова 1976], которые позволяют определить отдельные фонетические особенности текста «Букваря...» и соотнести их с особенностями говоров восточного диалекта, отмеченными Н. Х. Максютовой.

Таблица 1. Рефлексация ПТю *-s, *-s- в диалектах «Букваря...»

ПТю	«северный» и каитайский диалекты [Букварь 1907]	«южный» диалект [Букварь 1907]	лит. башк.	перевод
*-s, *-s-	ç / ð (арг.) ⁵	z (сальзигут., кыз.)	ç / h	
перс. <i>dust</i>	дуç	дуz	дуç	‘друг’
* <i>jas-a-</i>	йаça	йаzа	яһа	‘делай’
* <i>ijs-I</i>	ийçe	ийze	еçe	‘запах’
* <i>büt-sA-</i>	бөтçä	бөтzä	бөтһä	‘если закончится’
* <i>es-I</i>	иде китте		иçe китте	‘удивился’
* <i>bas-KIç</i>	баткыс ⁶	баzкыс	баçкыс	‘лестница’
* <i>es-I</i>	кат. иде		иçe	‘чувство’
* <i>osa-I</i>	кат. уçal		уçal	‘злой’
монг. <i>alus</i>	алыç		алыç	‘далекий’
перс. <i>nāmūs</i>	намыç		намыç	‘совесть’
* <i>esen</i> ‘здоровый’	иçän		иçән	‘живой’
* <i>es-Ar</i> ‘порывистый’	иçär		иçәр	‘глупый’
* <i>as-t</i>	аçт		аçт	‘низ’
* <i>kis-KA</i>	кыçка		кыçка	‘короткий’
* <i>es-KU</i>	иçке		иçке	‘старый’
араб. <i>ism</i>	иçем		иçем	‘имя’

В аргаяшском диалекте представлена особая рефлексация *s: «в интервокальном положении звук z аргаяшского говора соответствует звуку ç литературного языка и других говоров (арг. *узал* — лит. *уçal* ‘злой’)» [Максютова 1976: 18]. В «северном» и «каитайском» диалектах, по А. Г. Бессонову, в интервокальной позиции на границе словоизменительной основы представлено ð, отражающее, вероятно, современное аргаяшское z, а в интервокальной позиции не на границе основы — ç. В современном аргаяшском диалекте, по [Максютова 1976: 169], озвончение уже прошло во всех позициях, ср. пример из текста *базалар* — лит. башк. *баçалар* ‘ступеньки’. Таким образом, данные «Букваря...» А. Г. Бессонова позволяют предположить, что озвончение ç в интервокале не на границе основы произошло только в XX в. Но, конечно, необходима проверка этой гипотезы на материале других книг А. Г. Бессонова.

В айском диалекте *s в интервокальной позиции отражается как ç, в других позициях дает те же рефлексы, что и в литературном языке, в анлауте чередуясь с ç [Максютова 1976: 38].

При этом интересно, что, как показывает анализ записей из с. Байназарово Бурзянского района, собранных Л. Ф. Абубакировой и доступных он-лайн по адресу <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1401/5/>

⁵ Следует отметить, что форма северного диалекта с интервокальным ð на месте лит. башк. ç представлена в [Букварь 1907: 44] только один раз в Примечаниях, но с указанием на то, что это одна из возможных рефлексаций лит. башк. ç. Аналогичная форма представлена один раз и в тексте на катайском диалекте, но для него в букваре зафиксированы только две формы с ç в интервокальной позиции.

⁶ Не вполне ясна форма слова *баткыс* ‘лестница’ из основного текста «Букваря...». Рефлексация *t* — лит. башк. ç, по [Максютова 1976], не характерна для восточных диалектов. Но такая форма зафиксирована и в современных диалектах — а именно, по [Диалектологический словарь 2002: 40], в южных: дёмском, ик-сакмарском — и в контактных с ними кызыльских говорах.

<perspective/1401/6/view>, в кызыльском диалекте в настоящее время представлено *ç*, как в литературном языке.

В основном тексте «Букваря...», предположительно написанном на «северном» диалекте, присутствуют также две формы, в которых представлено *h* — соответствие лит. башк. *ç*, характерное для сальзигутского или кызыльского диалектов: *уғал* — лит. башк. *уғал* ‘злой’, *уғак* — лит. башк. *уғак* ‘осина’. В настоящее время у нас нет достаточной информации, чтобы установить причину появления этих форм: включал ли А. Г. Бессонов в основной текст и «южные» формы, или эти процессы в какой-то степени шли и в «северных» диалектах.

Таблица 2. Рефлексация ПТю *-r- в диалектах «Букваря...»

ПТю	«северный» и каитайский диалекты [Букварь 1907]	«южный» диалект [Букварь 1907]	лит. башк.	перевод
*-r-	ç (арг)	ð (ай., миас., кыз.)	з	
*bi-r-DA-n	бестән	беддән	беззән	‘от нас’
*si-r-DA-n	гестән	геддән	hezән	‘от вас’
*bi-r-GA	бескә	бедкә	безгә	‘нам’
*si-r-GA	гескә	гедкә	hezгә	‘вам’
*kır-lAr	кыстар	кыддар	кызлар	‘девушки’
*kar-lAr	кастар	каддар	казлар	‘гуси’
*ür-t	өст		өст	‘верх’

В аргаяшском диалекте наблюдается употребление глухого *ç* вместо *з* в конечной позиции и перед глухим согласным, ср. *кыç* ‘девушка’, *алагыç* ‘берете’, *тешкен* ‘тетя’ [Юлдашев 2010: 135], *бестең* — лит. башк. *беззең* ‘наши’ и *кускалак* — лит. башк. *кузгалак* ‘щавель’ [Максютова 1976: 17—18]. Таким образом, видно, что современная аргаяшская рефлексация полностью соответствует «северному» диалекту у А. Г. Бессонова.

В айском, миасском и кызыльском диалектах рефлексация совпадает с литературной [Юлдашев 2010: 135].

В сальзигутском говоре *h* соответствует литературному *з* в середине и конце слова, ср. *кыh* ‘девушка’, и в позиции перед согласным, ср. *бәһтек* ‘вредный’ [Максютова 1976: 17, 187].

Учитывая, что в памятнике башкирское *h* передается как *ç*, ср. *гыр* — лит. башк. *гыр* ‘резьба’, *бага* — лит. башк. *баһа* ‘цена’, а *ç* передается как *ð* в «северном» говоре: *гед* — лит. башк. *hez* ‘Вы’, *тауда* — лит. башк. *тауза* ‘на горе’, можно предположить, что формы с *-ðð-* имеют кызыльское, айское или миасское происхождение⁷.

Таблица 3. Рефлексация ПТю *-p- в говорах «Букваря...»

ПТю	«северный» и каитайский диалекты [Букварь 1907]	«южный» диалект [Букварь 1907]	лит. башк.	перевод
*-p- (интервокальное)	б	ý/в (арг., ай., миас., кыз.)	б	
	әбей	әүей/әвей	әбей	‘старушка’
	бабай	бауай/бавай	бабай	‘старик’

Как отмечается в [Ишкильдина 2011: 477], «вместо инлаутного [β] в некоторых говорах встречаются аллофоны круглощелевой фонемы [w]», это положение иллюстрируется примерами арг. [бауай], ай. [быуай], миас. [бауай/быуай]. В [Диалектологический словарь 2002: 33] также приводятся формы ай. *быуай*, миас. *бабай*, *бауай*, *бауый*. Анализ полевых данных по башкирским говорам, собранных Л. Ф. Абубакировой, ср. <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1401/5/perspective/1401/6/view>, показывает,

⁷ Следует отметить, что «южные» формы отличаются от «северных» только в некоторых, перечисленных в статье, позициях, и все они бесспорно относятся к восточному диалекту, поэтому мы не указываем, что в ряде случаев «южные» рефлексии совпадают не только с некоторыми восточными говорами, но и с южными или северо-западными.

что и в кызыльском говоре представлен переход интервокального $\beta > w$, ср. *tiiwə* — лит. башк. *tübə* ‘верх’. Но форма *быуай* ‘дед’, приведенная для аргаяшского говора в [Максютова 1976: 90], показывает, что этот процесс, который во времена А. Г. Бессонова захватывал только южные восточные башкирские говоры, в настоящее время стал проявляться и в северных.

Как видно из таблиц, в «Букваре...» с точки зрения графико-фонетических особенностей согласных есть довольно надежные указания на два разных говора, которые А. Г. Бессонов обозначает в Примечаниях как «северный» и «южный». Для катаяшского говора данные по этим признакам либо отсутствуют, либо совпадают с данными по северному говору.

Если брать основные диалектно-дифференцирующие признаки по [Максютова 1976], то «северный говор» имеет определенное сходство с аргаяшским говором: реализация лит. башк. *зз, зл, зг* в качестве *ст, сж*; в интервокальной позиции *-s- так же, как и в современном аргаяшском говоре, может озвончаться и переходить в -ð-. Эти признаки не свойственны другим восточным говорам. При этом в части случаев *-s- сохраняется как *ç*, что, видимо, свидетельствует о том, что процесс озвончения во времена А. Г. Бессонова только начинался. «Южный говор» по всем признакам соответствует кызыльскому говору и имеет отличия от других башкирских диалектов. С целью верификации этой гипотезы рассмотрим основные морфонологические и морфологические особенности «Букваря...».

2. Морфонологические особенности

2.1. Форма аффиксов

Морфонологический анализ ряда «северных» словоформ в «Букваре...» позволяет выявить особую форму аффиксов, отражающую диалектные особенности восточного наречия и отличающуюся от литературного языка, в котором приняты формы южного диалекта с -л [Грамматика 1981: 171, 228; Максютова 1976: 16]:

Таблица 4. Морфонологические особенности отражения суффиксов в «северном» говоре «Букваря...»

	основы с конечным глухим	основы с конечным сонорным (кроме <i>p, ʏ</i>)	основы на <i>и, ʏ, у, ʏ, p, з</i>	литературные соответствия во всех типах основ
Adj *-II	-mV⁸ <i>хөйөктө</i> ‘приятный’ <i>гонахты</i> ‘грешный’ <i>уҡымышты</i> ‘ученый’	-ðV <i>тәмде</i> ‘вкусный’ <i>рәхимде</i> ‘милостивый’ <i>шикелде</i> ‘сомнительный’	-ðV <i>төрдө</i> ‘разный’	-лV <i>һөйөклө</i> <i>ғонаһлы</i> <i>уҡымышлы</i> <i>тәмле</i> <i>рәхимле</i> <i>шикелле</i> <i>төрлө</i>
Nom- Abstr *-III	-mVк <i>дустык</i> ‘дружба’ <i>карттык</i> ‘старость’	-ðVк <i>уғалдык</i> ‘злость’ <i>дошмандык</i> ‘вражда’ <i>йамандык</i> ‘злость’	-ðVк <i>йитәрдек</i> ‘достаток’ <i>йалкаудык</i> ‘лень’ <i>ғаудык</i> ‘здоровье’	-лVк <i>дустык</i> <i>картлыҡ</i> <i>уғаллыҡ</i> <i>дошманлыҡ</i> <i>йаманлыҡ</i> <i>етәрлек</i> <i>йалкаулыҡ</i> <i>һаулыҡ</i>
ConV *-IAp	-mVп <i>иптән</i> ‘осторожно’ <i>үсектән</i> ‘дрязня’ <i>йоктап</i> ‘во сне’	-ðVп <i>йүндән</i> ‘хорошо’ <i>йәлдән</i> ‘жалея’ <i>тындан</i> ‘слушая’	-ðVп <i>уйдан</i> ‘слушая’ <i>буйдан</i> ‘вдоль’ <i>һөйдән</i> ‘говоря’	-лVп <i>ипләп</i> <i>үсекләп</i> <i>йоклап</i> <i>йүнләп</i> <i>йәлләп</i> <i>тыңлап</i>

⁸ Форма гласного по правилам сингармонизма определяется гласным первого слога.

	основы с конечным глухим	основы с конечным сонорным (кроме <i>p, ʏ</i>)	основы на <i>и, ʏ, у, ʏ, p, ʏ</i>	литературные соответствия во всех типах основ
				<i>уйлап</i> <i>буйлап</i> <i>һөйләп</i>
PartPast *- <i>lAgAn</i>	-mVzVn <i>баштаган</i> ‘начатый’ <i>хөрмәттәгән</i> ‘уважаемый’ <i>эштәгән</i> ‘работающий’		-ḍVzVn <i>уйдаган</i> ‘думал, подумавший’	-lVzVn <i>башлаган</i> <i>хөрмәтлэгән</i> <i>эшлэгән</i> <i>уйлаган</i>
Oper *- <i>lA</i>	-mV- <i>таштама</i> ‘не бросай’ <i>хөрмәттә</i> ‘уважай’ <i>закта</i> ‘храни’	-ḍV- <i>көндәмә</i> ‘не ревнуй’ <i>тында</i> ‘слушай’	-ḍV- <i>урдама</i> ‘не воруй’ <i>зөйдәмә</i> ‘не говори’ <i>кәдердә</i> ‘цени’ <i>эддәмә</i> ‘не ищи’	-lV- <i>ташлама</i> <i>хөрмәтлә</i> <i>һакла</i> <i>көнләмә</i> <i>тыңла</i> <i>урлама</i> <i>һөйләмә</i> <i>кәзерлә</i> <i>эзләмә</i>

Как показывает анализ текстов сказки на трех говорах [Букварь 1907: 33—35], приведенной в конце «Букваря...», в «южном» говоре представлена аналогичная система, а в катaysком — несколько иная. Как было отмечено в [Миржанова 1983], наиболее существенным признаком, отличающим катaysкий говор от рассмотренных выше южного и восточного, является форма суффиксов, которые после сонорных начинаются на *-m-*, в отличие от аффиксов лит. башк. *-l/-ḍ-* и «северного» и «южного» восточных говоров на *-ḍ-*:

Таблица 5. Различия в морфонологических особенностях отражения суффиксов в трех говорах «Букваря...»

северный	южный	катaysкий	лит. башк.	перевод
	<i>зөрәндә</i>	<i>зөрәнтә</i>	<i>һөрәнлә</i>	‘кричи’
	<i>зөрәндәгән</i>	<i>зөрәнтәгән</i>	<i>һөрәнлэгән</i>	‘крикнул’
<i>урмандан</i>	<i>урмандан</i>	<i>урмантан</i>	<i>урмандан</i>	‘из леса’
<i>зөйдәгәнде</i>	<i>зөйдәгәнде</i>	<i>зөйдәгәнте</i>	<i>һөйләгәнде</i>	‘мною сказанное’
<i>шикелде</i>	<i>шикельде</i>	<i>шикелте</i>	<i>шикелле</i>	‘подобно’

Представляется, что в «Букваре...» зафиксирована интересная и значимая особенность говора катaysких башкир, которая, насколько нам известно, не характерна для других башкирских диалектов. В более общем виде это явление было описано в работе Ф. Г. Хисамитдиновой, ср. «отмечается такая диалектная особенность, как глухая ступень чередований *l/t/d/ḍ*, *n/t/d/ḍ* и *q/k/γ/g*, выступающая после плавных (*r, l*): *jamqyr* ‘дождь’, *tamqa* ‘тамга’, *sanqa* ‘лыжи’, *jenkä* ‘сноха’, *anta* ‘там’, *mynta* ‘здесь’, *kiltem* ‘я пришел, приехал’, *untyq* ‘нам повезло’, *qulta* ‘в руке’, *köntöd* ‘днем’, *uramqa* ‘на улицу’, *boronqo* ‘древний’, *irtänke* ‘утренний’, *kemkä* ‘кому’, *bartym* ‘я ходил’. Распределение ее по башкирской территории было исследовано Ф. Г. Хисамитдиновой [Хисамитдинова 1989], и показано, что оно не коррелирует с современными диалектными и говорными границами, но довольно хорошо связывается с территорией расселения башкирских племен катый, табын и балыксы» [Юлдашев 2010: 139].

2.2. Усечение производящих основ

Это явление характерно как для большинства современных говоров, так и для разговорной речи: [Букварь 1907] *ätkitkän* — лит. башк. *алып киткән* ‘увез, унес’;
[Букварь 1907] *балдар* — лит. башк. *балалар* ‘дети’ и др.

3. Морфологические особенности

В целом аффиксы, представленные в «Букваре...», полностью соответствуют современным восточным диалектам. В качестве характерных черт восточного диалекта, зафиксированных в «Букваре...» можно отметить инфинитив на *-ыу*: *арыу* 'уствовать', *кыйыу* 'резать', императив (2P1) на *-ы/он*: *ыскындырын* 'отстегните', *торон* 'стойте', свойственные, по [Максютова 1976: 195, 197], всем восточным диалектам.

Отметим особенности аффикса будущего времени, которые позволяют верифицировать гипотезу, высказанную выше при разборе графико-фонетических особенностей памятника, о связи основного «северного» говора «Букваря...» с аргаяшским говором. В «Букваре...» наряду с формой будущего времени *-ыр*, совпадающей с современным литературным башкирским языком и большинством восточных говоров, используется форма будущего времени на *-ар/-әр*, которая по [Максютова 1976: 54, 134, 194] является важной диалектной особенностью аргаяшского и сальзигутского говоров в отличие от ай. *-ым*, *-ырым*, миас. *-ыр/-ер*, кыз. *-ылыр* [Максютова 1976: 54, 134, 194, 233, 276]:

[Букварь 1907] *эшетәрзин* — лит. башк. *ишәтерһең* '(ты) услышишь'.

Система местоимений в «Букваре...» также имеет специфические черты восточных говоров, выделенные в [Мудрак 2009]:

аның 'его' — лит. башк. *уның*;

алардын 'их' — лит. башк. *уларзың*;

анан 'от него' — лит. башк. *унан*;

алардан 'от них' — лит. башк. *аларзан*;

а, ал 'тот' — *ул* 'тот'.

В [Максютова 1976: 123, 125, 229] отмечается, что такие формы характерны для аргаяшского и миасского говоров. Это также подтверждает принадлежность основного текста «Букваря...» к аргаяшскому говору.

Среди других особенностей «Букваря...» можно отметить употребление специфических диалектных форм, характерных для восточных говоров и отличных от литературного языка: *билмау* — диал. *билмау* (арг., миас.) — лит. башк. *билбау* 'кушак, пояс', *инә, инәкәйем* — диал. *инә, инәкәйем* (кыз., миас.) — лит. башк. *әсә, әсәкәйем* 'мать', *кымыртка* — диал. *кымыртка* (кыз., миас.) — лит. башк. *кырмыска* 'муравей', *ман* — диал. *ман* (арг.) — лит. башк. *менән* 'с' (послелог), *тахы, дахы* — диал. *тахә, тахи, тахы* (арг., миас., ай.) — лит. башк. *тағы* 'еще', *шал* — диал. *шал* (арг., миас.) — лит. башк. *шул* 'тот', *шан, шанан* — диал. *шан* (арг., кыз., ср., сакм.) — лит. башк. *шунан* 'потом', *шонда* — диал. *шонда* (арг.) — лит. башк. *шунда* 'там'. Как видно из примеров, в тексте памятника использованы аргаяшские, кызыльские, айские и миасские формы диалектных слов.

К собственно лексическим диалектизмам в «Букваре...» можно отнести следующие лексемы:

лапак (кыз., миас.) — лит. башк. *ясы таулык* 'плоскогорье'; *лапак* (кыз., ай.) — лит. башк. *тәпәшәк, төкөр* 'низкий, низкорослый';

улак (арг.) — лит. башк. *мөшкә* 'насыпь' (сооружение над жерновами мельницы, предназначенное для ссыпки зерна); *улак* (кыз.) — лит. башк. *тар гына, тәрән, тонок, әкрән аккан һыу* 'узкая, глубокая, бесшумно текущая речка';

уктау (арг.) — лит. башк. *һабан тоткаһының асқы өлөшө* 'нижняя часть ручки плуга';

урак (сальзигут.) — лит. башк. *куяндың кышкы юлы* 'зимняя тропа зайцев' и др.

В настоящее время, видимо, не все из них представлены в аргаяшском говоре, но данные «Букваря...» указывают, что слова *лапак* (кыз., миас.), *урак* (сальзигут.) ранее имели более широкое распространение.

Таким образом, фонетические и морфологические особенности текста «Букваря...» свидетельствуют о том, что основной «северный» говор был аргаяшским, а «южный» — кызыльским; кроме того, в «Букваре...» отмечены уникальные морфонологические варианты ряда суффиксов, свойственные говорам катая, табын, балыксы.

В то же время в тексте «Букваря...» А. Г. Бессонова обнаруживаются далеко не все фонетические и морфологические особенности, отмеченные в [Максютова 1976] для этих говоров. Представляется маловероятным, что «предпринятый дореволюционными исследователями А. Г. Бессоновым и В. В. Катринским обзор диалекта, служащий лишь первоначальным практическим задачам (обучению детей грамоте), не мог отразить всей специфики восточного диалекта» [Максютова 1976: 6]. Как мы видим, в «Букваре...» аккуратно и последовательно отражена и общая специфика восточных диалектов, и специфические аргаяшские и кызыльские черты: для «северного» и «южного» говоров характерен «восточный

тип» аффиксов (см. таблицу 4), для китайского — особая «глухая» форма аффиксов (см. таблицу 5), в «северном» говоре представлено аргаяшское оглушение *з* в позиции перед глухими согласными (см. таблицу 2), в «южном» говоре зафиксирована кызыльская рефлексация глухого межзубного в виде *з* (см. таблицу 1).

При этом следует отметить, что в «северной» части текста «Букваря...» не отражен ряд аргаяшских черт, возникновение которых, вероятно, можно датировать уже XX в.:

а) озвончение межзубного глухого в интервокальной позиции не на границе словоизменительной основы (см. таблицу 1) — в «Букваре...» сохраняется глухой вариант;

б) развитие пратюркского **p* в интервокальной позиции в *w/u* (см. таблицу 3) — в «Букваре...» представлено *b*;

в) перелом гласных: в [Максютова 1976: 87—92, 168—169] отмечено употребление в первом слоге арг. *o* в соответствии с лит. башк. *y* и, наоборот, арг. *y* в соответствии с лит. башк. *o*, а также арг. *э* в соответствии с лит. башк. *и* — в «Букваре...» такие примеры не зафиксированы, отражение гласных за исключением нескольких случаев, описанных выше, совпадает с литературным языком;

г) употребление *с, с, х, з* в соответствии с лит. башк. *h* в начале слова [Максютова 1976: 100, 169]: арг. *солгө* — лит. башк. *һөлгө* 'полотенце с вышивкой на концах из домотканого холста, рушник', арг. *сын* — лит. башк. *һын* 'внешность', арг. *сыу* — лит. башк. *һыу* 'вода' и т. д. — в «Букваре...» такие примеры не зафиксированы, лит. башк. *h* отражается как *з*: [Букварь 1907] *шунан зун* — лит. башк. *шунан һуң* 'после этого'; [Букварь 1907] *зөрәндә* — лит. башк. *һөрәнлә* 'кричи';

д) употребление *йе* в соответствии с лит. башк. *e* в начале слова [Максютова 1976: 168]: арг. *йерге* — лит. башк. *ерге* 'пронзительный' — в «Букваре...» в этой позиции представлено *йи-*, ср. [Букварь 1907] *йир* — лит. башк. *ер* 'земля'.

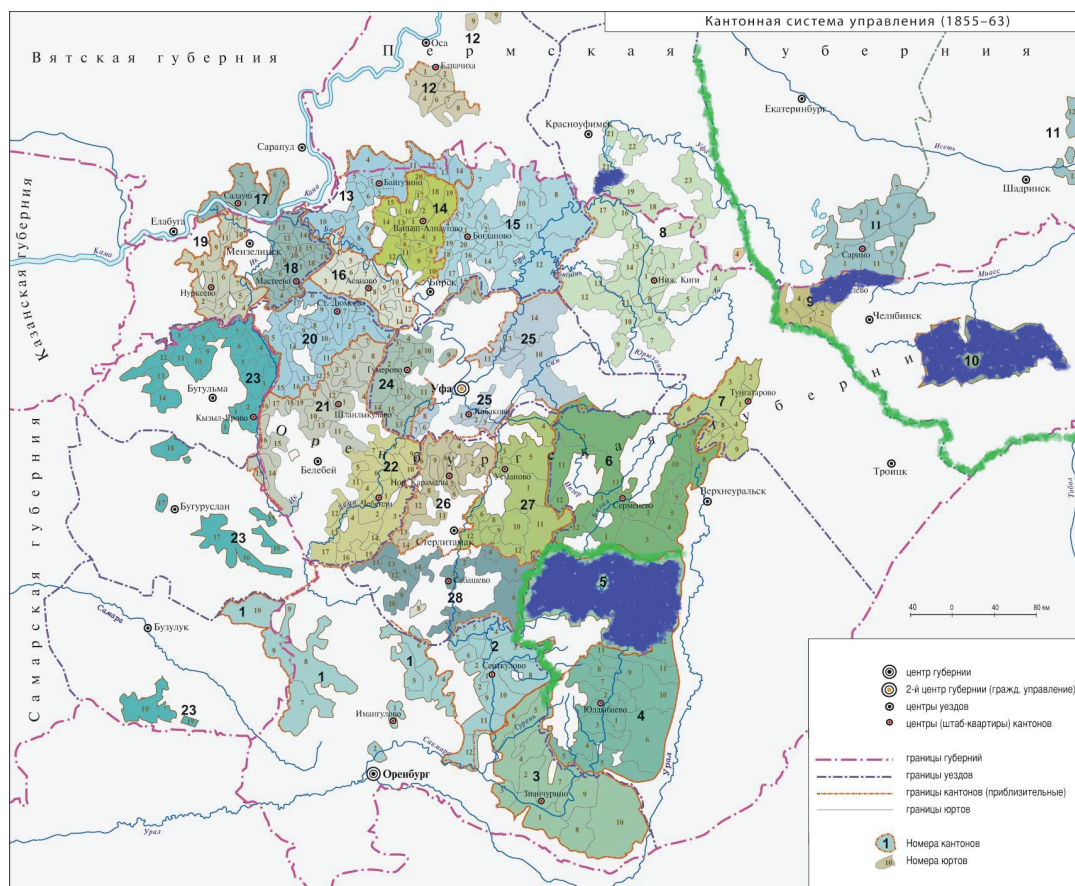
Одновременно можно выявить процесс, который только начался на момент создания «Букваря...» и еще не завершен в современном аргаяшском говоре: выпадение одного из согласных в кластерах с *h*. Так, в [Максютова 1976: 101, 168—169] выпадение одного из согласных представлено в большинстве случаев, ср. арг. *аһан* — лит. башк. *алһан* 'если взять', арг. *буһа* — лит. башк. *буһа* 'хотя бы', арг. *зүрәндереүгә* — лит. башк. *күрһәтергә* 'показать', но *йылһыс* — лит. башк. *йылһыз* 'без года'. В «Букваре...», наоборот, в большинстве случаев сохраняются оба согласных в кластере, ср. [Букварь 1907] *көлгән* — лит. башк. *көлһән* 'если смеешься', [Букварь 1907] *үлгә* — лит. башк. *үлһә* 'если умрет', [Букварь 1907] *буларғын* — лит. башк. *буларһың* 'будешь', но есть и редкие примеры с выпадением *p*, ср. [Букварь 1907] *урағын* — лит. башк. *ураһың* 'пожнешь'.

В послесловии к «Книжке для чтения...» [Бессонов 1906: 55—56] указано место проживания носителей «северного» и «южного» говоров: первые, носители аргаяшского говора, жили «в Челябинском уезде Оренбургской губернии и в Шадринском и Екатеринбургском уездах Пермской губернии», а вторые, носители кызыльского, «в юго-восточной части Верхнеуральского уезда и северной части Орского уезда». Эти районы обведены на карте зеленым цветом, башкиры проживали в них на территории юрт. По данным [Максютова 1976], в 1970-х гг. территории проживания носителей этих говоров значительно сократились. Они обозначены на карте пятнами синего цвета.

На основании указаний А. Г. Бессонова становится ясно, что территории проживания носителей аргаяшского и кызыльского говоров в конце XIX в. были значительно шире. В 1970-х гг., по данным Н. Х. Максютковой, уже не было аргаяшских башкир на территории Екатеринбургской области и Шадринского района Курганской области⁹, кызыльских башкир в Орском округе.

Таким образом, «Букварь для башкир» А. Г. Бессонова содержит ценный лингвистический материал, отражающий архаичное состояние говоров восточного диалекта: аргаяшского, кызыльского, китайского. Он дает возможность узнать об изменениях территории расселения носителей аргаяшского и кызыльского говоров. При этом обращает на себя внимание тот факт, что не все особенности этих говоров, подробно рассмотренные в [Максютова 1976], находят свое отражение в памятнике. Соответственно, можно предположить, что за период, охватывающий более полувека, произошли значительные инновационные изменения, требующие дальнейшего исследования.

⁹ Появление аргаяшских башкир на северо-востоке Белокатайского р-на Башкирии связано с передвижением на запад Екатеринбургских башкир. «По договору о припуске на вотчинных землях башкир Бала-Катайской волостей основаны населенные пункты Апаково, Ибрагимово, Каинкуль, Кулужбаево, Кырмакалы, Сарыкульмяково; на вотчинных землях Салзатской вол. — Караболка, Юлдашево, Ямантаево, Б. Иркабаево, Зырянкуль, Кульмяково, Сагальшино», см. <http://wiki02.ru/encyclopedia/zauralskie-bashkiry/t/5209>.

Сокращения

- араб. — арабское
 диал. — диалектная форма
 лит. башк. — литературный башкирский язык
 монг. — монгольское
 перс. — персидское
 ПТю — пратюрский язык
 2PI — 2 л. мн. ч.
 Асс — винительный падеж
 Adj — прилагательное
 ConV — деепричастие
 NomAbstr — абстрактное существительное
 Oper — семантическая базовая функция, которая имеет толкование
 ‘Х проявляет [СВОЙСТВО] Y’
 PartPast — причастие прошедшего времени

Диалекты и говоры

- ай. — айский говор восточного диалекта
 арг. — аргаяшский говор восточного диалекта
 кат. — китайский диалект в «Букваре...»
 кыз. — кызыльский говор восточного диалекта
 миас. — миасский говор восточного диалекта
 сакм. — сакмарский говор восточного диалекта
 сальзигут. — сальзигутский (сальютский) говор восточного диалекта
 сев. — «северный» диалект в «Букваре...»
 ср. — средний говор восточного диалекта
 юж. — «южный» диалект в «Букваре...»

Литература

Букварь 1907 — *Бессонов А. Г.* Букварь для башкир. Казань, 1907. {*Bessonov A. G.* ABC book for the Bashkirs. Kazan, 1907.}

Бессонов 1906 — *Бессонов А. Г.* Первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир. Казань, 1906. {*Bessonov A. G.* The first book after the ABC book and first lessons of Russian for the southwestern Bashkirs. Kazan, 1906.}

Букварь для башкир 1892 — Букварь для башкир. Оренбург, 1892. II изд. — 1898, III изд. — 1908. {ABC book for the Bashkirs. Orenburg, 1892. 2nd ed. — 1898, 3rd ed. — 1908.}

Грамматика 1981 — Грамматика современного башкирского языка / Ред. *Юлдашев А. А. М.*, 1981. {The grammar of modern Bashkir / Ed. *Yuldashev A. A. M.*, 1981.}

Диалектологический словарь 2002 — Диалектологический словарь башкирского языка (Башкорт теленен диалекттары һүзлеге). Уфа, 2002. {Dialectological Dictionary of Bashkir. Ufa, 2002.}

Ишкильдина 2011 — *Ишкильдина Л. К.* Фонема [б] в башкирском языке: функционирование и история развития // Филология и искусствоведение. 2011, 2 (16). С. 474—478. {*Ishkildina L. K.* The [b] Phoneme in Bashkir: Function and Development // Philology and Art Studies. 2011, 2 (16). P. 474—478.}

Киекбаев 1958 — *Киекбаев Ж.* Башкорт диалекттары һәм уларзың тарихына кыскаса инеш // Ученые записки БГУ. 1958. Вып. 3. Серия фил. № 2. С. 27—81. {*Kiekbaev Zh.* Bashkir dialects and a brief history of their origin // Transactions of Bashkir State University. 1958. Iss. 3. Ser. 2. P. 27—81.}

Кононов 1982 — *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Изд. 2-е, дополн. и исправл. Л., 1982. {*Kononov A. N.* History of Turkic Languages Studies in Russia. Pre-October. 2nd edition. L., 1982.}

Максютова 1976 — *Максютова Н. Х.* Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1976. {*Maksyutova N. Kh.* The Eastern Dialect of Bashkir in a Comparative-Historical View. M., 1976.}

Миржанова 1983 — *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). Дисс. ... докт. филол. наук. Уфа, 1983. {*Mirzhanova S. F.* The Southern Dialect of Bashkir (In a Comparative-Historical View). Doctor of Philology thesis. Ufa, 1983.}

Мудрак 2009 — *Мудрак О. А.* Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М., 2009. (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXIII). {*Mudrak O. A.* Building a Taxonomy of Turkic Languages and Dialects Using Glottochronology Methods, Based on the Questions on Morphology and Historical Phonetic. M., 2009 (Orientalia et Classica. Vol. 23).}

Норманская, Каримова, Экба 2017 — *Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Экба З. Н. В. В.* Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования. 2017, 2 (25). С. 46—52. {*Normanskaya Yu. V., Karimova R. N., Ekba Z. N. Is V. V.* Katarinski the Author of the First Cyrillic Bashkir-Language Book? // Ural-Altaic Studies. 2017. Vol. 2 (25). P. 46—52.}

Хисамитдинова 1989 — *Хисамитдинова Ф. Г.* История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа, 1989. {*Khislamitdinova F. G.* History of the Bashkir Language: Materials of Historical Phonetics. Ufa, 1989.}

Юлдашев 2010 — *Юлдашев А. А.* Диалекты башкирского языка // Диалекты тюркских языков. М., 2010. С. 121—156. {*Yuldashev A. A.* Dialects of the Bashkir Language // Dialects of Turkic Languages. M., 2010. P. 121—156.}

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* The Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

РЕЗЮМЕ

В статье проводится полный анализ языковых особенностей «Букваря для башкир» (Казань, 1907) А. Г. Бессонова. Последовательно рассмотрены графические, фонетические, морфологические и лексические особенности текста этого памятника в сопоставлении с данными современных говоров и литературного башкирского языка, что позволило отождествить три диалекта в «Букваре...» с современными аргаяшским, кызыльским и катаяшским говорами и установить, какие диалектные особенности были характерны для этих говоров более 100 лет назад, какую территорию занимали их носители.

SUMMARY

The article provides a complete analysis of the language features of “ABC book for the Bashkirs” (Kazan, 1907) compiled by A. G. Bessonov. We analyzed graphic, phonetic, morphological and lexical characteristics of the text in comparison with the data of modern dialects and of the Literary Bashkir, which allowed to identify the three dialects of the ABC book with modern Argayash, Kyzyl and Katay dialects and to estab-

lish, which dialectical features were common for these dialects more than 100 years ago, and which territory their speakers occupied.

Ключевые слова: диалект, литературный язык, башкирский язык, письменные памятники, А. Г. Бессонов

Keywords: dialect, literary language, Bashkir language, written monuments, A. G. Bessonov

Экба Зарема Назировна, Институт языкознания РАН (Москва); zaremaekba@mail.ru

Zarema N. Ekba, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); zaremaekba@mail.ru

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); julianor@mail.ru

Каримова Рамиля Нигаматьяновна, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН; 1967-ram@mail.ru

Ramilya N. Karimova, Institute of History, Language and Literature of Ufa Research Centre of the RAS; 1967-ram@mail.ru

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >